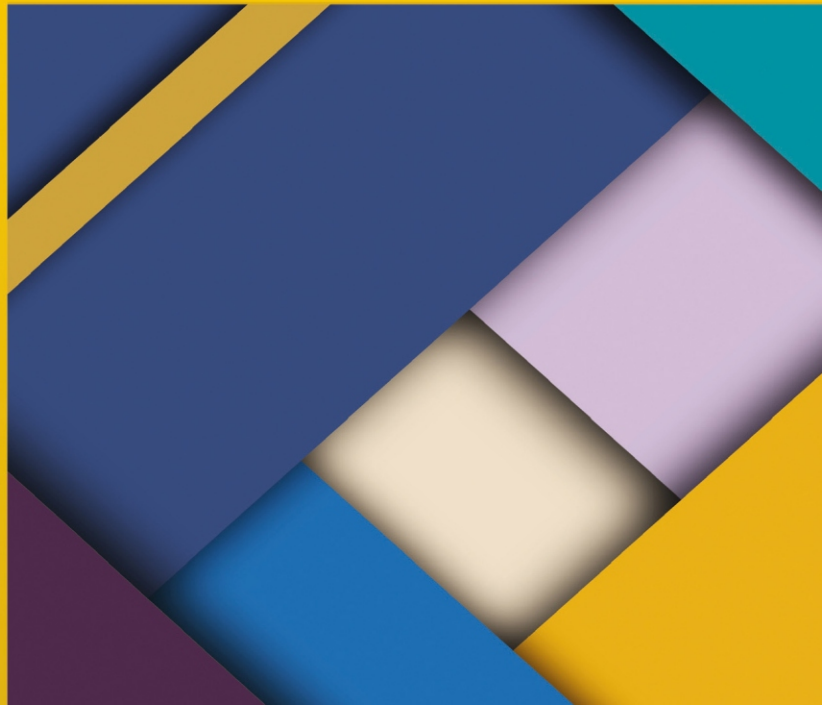


ISSN 2077-1770

# СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

MODERN STUDIES OF SOCIAL ISSUES

Volume 16, Number 3  
2024



# Современные исследования социальных проблем

Том 16, № 3  
2024



## Modern Studies of Social Issues

Volume 16, Number 3  
2024

### Главный редактор

**Т.А. Магсумов** доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры педагогики им. З.Т. Шарафутдинова ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», Набережные Челны, Российская Федерация

### Заместители главного редактора

**Н.П. Копцева** доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и искусствоведения ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», Красноярск, Российская Федерация

**С.И. Дегтярев** доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права, теории и истории государства и права Сумской государственной университет, Сумы, Украина

**Ф.Х. Тарасова** доктор филологических наук, доцент, декан факультета института филологии и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань, Российская Федерация

Шеф-редактор – Максимов Я.А.

Выпускающие редакторы – Доценко Д.В., Максимова Н.А.

Корректор – Зливко С.Д.

Компьютерная верстка, дизайн – Орлов Р.В.

Технический редактор, администратор сайта – Бяков Ю.В.

Ответственный секретарь – Коробцева К.А.

Красноярск 2024

12+

**Современные исследования социальных проблем /  
Modern Studies of Social Issues**

Специализированный академический рецензируемый журнал  
Peer-reviewed specialized academic journal

Периодичность. 4 номера в год / Periodicity. 4 issues per year

**Том 16, № 3, 2024 / Vol. 16, No 3, 2024**

**Учредитель и издатель:**  
ООО Научно-инновационный  
центр

**Журнал основан в 2009 году**  
Зарегистрирован в Федеральной службе  
по надзору в сфере связи, информационных  
технологий и массовых коммуникаций  
Свидетельство регистрации  
ПИ № ФС 77-39176 от 17.03.2010 г.

Журнал **входит** в Перечень ведущих  
рецензируемых научных журналов  
и изданий, выпускаемых в РФ, в которых  
должны быть опубликованы основные  
научные результаты диссертаций  
на соискание ученой степени доктора  
и кандидата наук

**Индексирование и реферирование:**

РИНЦ  
Ulrich's Periodicals Directory  
Cyberleninka  
Google Scholar  
DOAJ  
BASE  
EBSCO  
WorldCat  
OpenAIRE  
ЭБС IPRbooks  
ЭБС Znanium  
ЭБС Лань

**Адрес редакции, издателя  
и для корреспонденции:**  
Россия, 660127, Красноярский край,  
г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192  
E-mail: editor@soc-journal.ru  
<http://soc-journal.ru/>  
+7 (995) 080-90-42

**Founder and publisher:**  
Science and Innovation Center  
Publishing House

**Founded 2009**  
The edition is registered by the Federal  
Service of Intercommunication and Mass  
Media Control  
Mass media registration certificate  
PI № FS 77-39176,  
issued March 17, 2010.

Modern Studies of Social Issues is **included**  
in the List of leading peer-reviewed scientific  
journals and publications issued  
in the Russian Federation, which should  
publish main scientific results of doctor's  
and candidate's theses

**Indexing and Abstracting:**

RSCI  
Ulrich's Periodicals Directory  
Cyberleninka  
Google Scholar  
DOAJ  
BASE  
EBSCO  
WorldCat  
OpenAIRE  
IPRbooks  
Znanium  
Lan'

**Editorial Board Office:**  
9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk,  
660127, Russian Federation  
E-mail: editor@soc-journal.ru  
<http://soc-journal.ru/>  
+7 (995) 080-90-42

### Члены редакционной коллегии

**Gian Luca Bonora** – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

**Абрамов Валерий Петрович** – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация)

**Абросимов Виктор Николаевич** – кандидат педагогических наук, ректор и профессор ПОО-ЧУ «Высшая школа социальных отношений» (Минусинск, Российская Федерация)

**Алефиренко Николай Федорович** – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник профессионального образования РФ, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

**Алферов Александр Владимирович** – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

**Балашова Любовь Викторовна** – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

**Беляева Лариса Николаевна** – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры образовательных технологий в филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

**Богданович Галина Юрьевна** – доктор филологических наук, профессор, декан факультета славянской филологии и журналистики, зав.кафедрой межкультурных коммуникаций и журналистики, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Таврическая академия) (Симферополь, Российская Федерация)

**Бочкова Ольга Сергеевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» (Саратов, Российская Федерация)

**Валеев Наиль Мансурович** – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» (Казань, Российская Федерация)

**Воркачев Сергей Григорьевич** – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар, Российская Федерация)

**Галиева Фарид Габдулхаевна** – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПИУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе (Уфа, Российская Федерация)

**Гапоненков Алексей Алексеевич**, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

**Гасанов Магомед Магомедович** – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в., Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет» (Махачкала, Российская Федерация)

**Готовцева Анастасия Геннадьевна** – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики и телевизионных технологий, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)» (Москва, Российская Федерация)

**Григорьева Татьяна Михайловна** – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский

федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

**Гриценко Галина Дмитриевна** – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Южный научный центр Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

**Доценко Дмитрий Васильевич** – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

**Зубова Яна Валерьевна** – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по учебной работе, Филиал ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске (Усинск, Российская Федерация)

**Зуляр Юрий Анатольевич** – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Российская Федерация)

**Иванова Елизавета Васильевна** – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

**Иванюшина Ирина Юрьевна**, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

**Катермина Вероника Викторовна** – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

**Колмогорова Анастасия Владимировна** – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, профессор кафедры, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

**Корниенко Алла Алексеевна** – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французской филологии и межкультурной коммуникации ИРГЯИИГТ Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

**Куприева Ирина Анатольевна** – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

**Литвин Александр Алтерович** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений, истории и востоковедения, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Российская Федерация)

**Марусенко Михаил Александрович** – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

**Матвеева Галина Григорьевна** – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Мировые языки и культуры», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

**Мацневский Герман Олегович** – доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (Краснодар, Российская Федерация)

**Минченко Татьяна Петровна** – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук, Томский государственный педагогический университет (Томск, Российская Федерация)

**Мостицкая Наталья Дмитриевна** – кандидат культурологии, доцент, заведующая аспирантурой, Государственный институт искусствознания (Москва, Российская Федерация)

**Наумов Владимир Викторович** – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

**Новиков Николай Сергеевич** – кандидат философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук ФГКВУ ВО «Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации» (Новосибирск, Российская Федерация)

**Патюкова Регина Валерьевна** – доктор филологических наук, профессор, и.о. зав.

кафедры рекламы и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

**Покришук Дмитрий Владимирович** – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

**Поповкин Андрей Владимирович** – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБНУ Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

**Поповкина Галина Сергеевна** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ДВО РАН ФГБНУ Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

**Прозоров Валерий Владимирович** – доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

**Пулькин Максим Викторович** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБНУ Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Российская Федерация)

**Рядчикова Елена Николаевна** – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

**Саенко Наталья Ряфиковна** – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры «Центр гуманитарного образования», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет» (Москва, Российская Федерация)

**Сериккалева Ажар Ермековна** – доктор философии (PhD) по специальности «Востоковедение», зам. декана факультета востоковедения по научно-инновационной деятельности и международному сотрудничеству, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

**Серов Николай Викторович** – доктор культурологии, профессор, Оптическое общество имени Д.С. Рождественского (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

**СклярOVA Наталья Геннадиевна** – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (Ростов-на Дону, Российская Федерация)

**Страусов Виктор Никитович** – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвокоммуникативистики и прикладных иностранных языков, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

**Судовиков Михаил Сергеевич** – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и этнологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская ордена Почета государственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена» (Киров, Российская Федерация)

**Султангалиева Гульмира Салимжановна** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

**Темирболат Алуа Берикбайкызы** – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой казахской литературы и теории литературы, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

**Тетюев Леонид Иванович** – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры этики и эстетики философского факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

**Филимонова Ольга Федоровна** – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. (Саратов, Российская Федерация)

**Фриауф Василий Александрович** – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

**Хошимова Хуршеда Абдуманоновна** – кандидат филологических наук, научный секретарь, Институт языка и литературы им. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан (Душанбе, Республика Таджикистан)

**Шалекенов Мурат Уахитович** – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии, этнологии и музеелогии, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

**Широкалова Галина Сергеевна** – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Приволжский филиал (Нижний Новгород, Российская Федерация)

## Editorial Board Members

**Gian Luca Bonora** – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

**Valery P. Abramov** – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language, Honored Scientist of the Russian Federation, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

**Viktor N. Abrosimov** – Candidate of Pedagogy (Ph.D. in Pedagogy), Rector and Professor of the PEO-PI “Higher school of social relationships” (Minusinsk, Russian Federation)

**Nikolay F. Alefirenko** – Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Professional Education of the Russian Federation, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

**Alexander V. Alferov** – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

**Lyubov V. Balashova** – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

**Larisa N. Belyaeva** – Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of Russia, Professor of the Department of Educational Technology in Philology, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St. Petersburg, Russian Federation)

**Galina Yu. Bogdanovich** – Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Slavic Philology and Journalism, Head of the Inter-Language Communications and Journalism Department, Vernadsky Crimean Federal University (Tavricheskaya Academy) (Simferopol, Russian Federation)

**Olga S. Bochkova** – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department “Foreign Languages and Professional Communication”, Saratov State Technical University named after Gagarin Y.A. (Saratov, Russian Federation)

**Nail M. Valeev** – Doctor of Philology, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Academician-Secretary of the Department of Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

**Sergey G. Vorkachev** – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russian Federation)

**Farida G. Galiyeva** – Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography, Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev, Ufa Science Center, RAS (Ufa, Russian Federation)

**Aleksey A. Gaponenkov**, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

**Magomed M. Gasanov** – Doctor of History, Professor, Pro-Rector for Academic Affairs, Head of the Department of Russian History from ancient times until the end of the 19th century, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

**Anastasia G. Gotovtseva** – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Journalism and Television Technologies, Russian State University named after A.N. Kosygin (Moscow, Russian Federation)

**Tatyana M. Grigorieva** – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

**Galina D. Gritsenko** – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation)

**Dmitry V. Dotsenko** – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Assistant Professor of the Department of Foreign and Russian Languages, The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg state university of communication (St. Petersburg, Russian Federation)

**Yana V. Zubova** – Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director for Academic Affairs, Branch of the State Educational Establishment of the Ukhta State Technical University in Usinsk (Usinsk, Russian Federation)

**Yury A. Zulyar** – Doctor of History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Head



of the Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

**Elizaveta V. Ivanova** – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology and Translation, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

**Irina Yu. Ivanyushina**, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

**Veronika V. Katermina** – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

**Anastasia V. Kolmogorova** – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Professor of the Department, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

**Alla A. Kornienko** – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

**Alexander A. Litvin** – Doctor of History, Professor, Head of the Department of National History of the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

**Irina A. Kupriyeva** – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

**Mikhail A. Marusenko** – Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Romance Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

**Galina G. Matveeva** – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair “World Languages and Cultures”, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

**German O. Matsievsky** – Doctor of History, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation)

**Tatyana P. Minchenko** – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

**Natalia D. Mostitskaya** – Candidate of Culturology (Ph.D. in Culturology), Associate Professor, Head of the graduate school, State Institute for Art Studies (Moscow, Russian Federation)

**Vladimir V. Naumov** – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

**Nikolai S. Novikov** – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Professor of the Department of Humanities and Social Sciences, Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard Troops of the Russian Federation (Novosibirsk, Russian Federation)

**Regina V. Patyukova** – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

**Dmitry V. Pokrishchuk** – Candidate of Political Sciences (Ph.D. in Political Sciences), Lecturer of the Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

**Andrey V. Popovkin** – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Head of the Department of Philosophy, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

**Galina S. Popovkina** – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Researcher, Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

**Valery V. Prozorov** – Doctor of Philology, Professor, Scientific Director of the Institute of Philology and Journalism, Head of the Department of General Literature and Journalism, Saratov State University (Saratov, Russian Federation)

**Maksim V. Pulkin** – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Fellow of the History Sector, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

**Natalia R. Sayenko** – Doctor of Philosophy, Candidate of Philology, Professor, Professor of the Center for Humanitarian Education, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation)

**Azhar E. Serikkalieva** – PhD, Deputy Dean of the Faculty of Oriental Studies in Science and Innovation and International Cooperation, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty,

Republic of Kazakhstan)

**Elena N. Ryadchikova** – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

**Nikolay V. Serov** – Doctor of Culturology, Professor, D. Rozhdestvensky Optical Society (St. Petersburg, Russian Federation)

**Natalia G. Sklyarova** – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of English, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

**Victor N. Strausov** – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Linguistic Communication and Applied Foreign Languages, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

**Mikhail S. Sudovikov** – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of National History and Ethnology, Vyatka State University, Director of the Kirov Regional State Budgetary Cultural Institution “Kirov Regional Museum of Local Lore”, Head of the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional State Budget cultural institutions “Kirov Order of Honor State Universal Scientific Library named after A.I. Herzen” (Kirov, Russian Federation)

**Gulmira S. Sultangalieva** – Doctor of History, Professor of the Department of History, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

**Alua B. Temirbolat** – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Kazakh Literature and Theory of Literature, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

**Leonid I. Tetyuyev** – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Ethics and Aesthetics of the Faculty of Philosophy, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

**Olga F. Filimonova** – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Philosophy Department, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A. (Saratov, Russian Federation)

**Vasily A. Friauf** – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theology and Religious Studies, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

**Khurshida A. Khoshimova** – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Scientific Secretary, Institute of Language and Literature named after Rudaki of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

**Murat U. Shalekenov** – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Archeology, Ethnology and Museology, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

**Galina S. Shirokalova** – Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy (Ph.D.), Professor, Leading Researcher, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

## ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

### LANGUAGE AND LITERATURE STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-421

УДК 81-114.4



Научная статья |

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

### ОБРАЗНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «ДЕЛОВОЙ ЧЕЛОВЕК» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

*Е.В. Ильинова*

**Обоснование.** С начала 2000-х гг. в отечественной лингвистике развивается теория лингвокультурных типажей. При этом лингвокультурный типаж «деловой человек» до сих пор не получил своего исчерпывающего описания.

**Цель** – выявить общие и специфические черты образной составляющей лингвокультурного типажа «деловой человек» и его субтипажей в русском и английском языках.

**Материалы и методы.** В основе исследования лежит сопоставительно-описательный метод и метод тематического анализа. Материалом исследования послужила выборка примеров из Национального корпуса русского языка и корпуса современного американского английского (*Corpus of Contemporary American English*) за 2000-2019 гг., содержащая лексемы, номинирующие исследуемые лингвокультурные типажы (несколько тысяч примеров для каждого языка). Из анализа были исключены примеры, в которых данные лексемы употребляются в иных значениях, являются частью названий или указывают на реалии прошлого, иных стран или фантастических миров.

**Результаты.** Выявлены общие и специфические черты образной составляющей лингвокультурного типажа «деловой человек» и его

субтипажей в русском и английском языках. Выявленные особенности касаются как наиболее часто актуализируемых в примерах из корпуса тем («возраст», «образ мысли», «карьера», «криминал», «богатство», «успех»), так и приписываемых этим типажам характеристик. Также выявлены отличия в употреблении разных элементов лексико-семантических полей, соответствующих данным типажам.

**Ключевые слова:** лингвокультурный типаж; образный компонент; деловой человек; предприниматель; бизнесмен; топ-менеджер

**Для цитирования.** Ильинова Е.В. Образная составляющая лингвокультурного типажа «деловой человек» в русском и английском языках // *Современные исследования социальных проблем*. 2024. Т. 16, № 3. С. 10-33. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-421

Original article | Theoretical, Applied and Comparative Linguistics

## IMAGINATIVE COMPONENT OF THE LINGUO-CULTURAL CHARACTER TYPE «BUSINESS MAN» IN RUSSIAN AND ENGLISH

*E.V. Ilyinova*

**Background.** *Since the beginning of the 2000s the theory of linguo-cultural types has been developing in Russian linguistics. Still, the linguo-cultural type 'business man' has not yet received its comprehensive description.*

**Purpose.** *To identify common and specific features of the imaginative component of the linguo-cultural type 'business man' and its subtypes in the Russian and English languages.*

**Materials and methods.** *The research is based on the comparative-descriptive method and thematic analysis method. The research material is a sample of examples from the Russian National Corpus and the Corpus of Contemporary American English from 2000 to 2019, containing lexemes nominating the linguo-cultural types under study (several thousand*

*examples for each language). Excluded from the analysis are examples in which these lexemes are used in other meanings, are part of names, or point to the realities of the past, other countries, or fantasy worlds.*

**Results.** *The common and specific features of the imaginative component of the linguo-cultural type 'business man' and its subtypes in the Russian and English languages are identified. The identified features relate both to the most important topics in the examples ('age', 'mode of thought', 'career', 'criminality', 'wealth', 'success'), and to the characteristics attributed to these types. Differences in the use of different elements of lexical-semantic fields corresponding to these types are also revealed.*

**Keywords:** *linguo-cultural character type; imaginative component; business man; businessman, entrepreneur; top manager*

**For citation.** *Ilyinova E.V. Imaginative Component of the Linguo-Cultural Character Type «Business Man» in Russian and English. Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2024, vol. 16, no. 3, pp. 10-33. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-421*

## Введение

С начала 2000-х гг. в отечественной лингвистике развивается теория лингвокультурных типажей. Лингвокультурными типажами (ЛКТ) называют узнаваемые образы представителей определенной культуры [6, с. 88]. ЛКТ включает в себя совокупность культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, значений, установок и поведенческих реакций [3, с. 29].

На данный момент количество описанных исследователями типажей, вероятно, перевалило за сотню: «учитель», «писатель», «иммигрант», «гусар», «чиновник» и т.д. При этом лингвокультурный типаж «деловой человек» до сих пор не получил своего исчерпывающего описания. Так как двумя составляющими собирательного понятия «деловой человек» являются «владелец» («собственник») и «управленец» («наемный менеджер») [4], можно полагать, что лингвокультурный типаж «деловой человек» является комплекс-

ным, составным: в него входят два субтипажа или типажа второго порядка – «предприниматель» («бизнесмен») и «управленец». Первый из данных субтипажей исследовался в рамках концептологического подхода без использования термина «лингвокультурный типаж» [5; 11]. Второй субтипаж, насколько нам известно, вообще не привлекал внимания исследователей.

Будучи абстрактным ментальным образованием, ЛКТ представляет собой разновидность концепта. Соответственно, можно выделить образную, понятийную и ценностную сторону типажа [6, с. 88]. Образная сторона ЛКТ формируется на основе анализа разнообразных атрибутов типичного представителя типажа. К таковым могут относиться внешний вид, возраст, речевые особенности, манеры поведения, материальное положение и т.д.

### **Материалы и методы**

В данной работе мы исследуем образную составляющую ЛКТ «деловой человек» в русском и английском языках. Материал исследования составили актуальные (датируемые временем не ранее 2000 г.) примеры употребления номинирующих ЛКТ лексем и словосочетаний из языковых корпусов – Национального корпуса русского языка (НКРЯ, основной корпус) и корпуса современного американского английского (Corpus of Contemporary American English) соответственно. Из выборки примеров анализировались только те, в которых интересующие нас лексемы и словосочетания описывают типажи соответственно российского и американского делового человека. Из анализа были исключены примеры, в которых данные лексемы и словосочетания употребляются в иных значениях, являются частью названий или указывают на реалии прошлого, иных стран или фантастических миров. Релевантные примеры были проанализированы на предмет контекстной актуализации возможных атрибутов, приписываемых типуажу. Набор данных атрибутов с учетом частоты их актуализации позволяют выстроить портрет типичного представителя типажа – образную составляющую ЛКТ.

### Результаты и обсуждение

На основании исследования проанализированных примеров употребления словосочетания «деловой человек» из НКРЯ (всего 318) можно утверждать, что деловой человек – это прежде всего бизнесмен, предприниматель. При этом о возрасте делового человека в примерах из корпуса почти нет упоминаний. Пол делового человека, как правило, мужской. Впрочем, это не вызывает удивления, т.к. соответствующий женский вариант типажа получает в русском языке наименование «деловая женщина», рассматриваемый отдельно [2]. Упоминания о жене и других членах семьи делового человека немногочисленны.

Описания внешности делового человека, также немногочисленные, противоречивы. С одной стороны, подчеркивается важность безукоризненного вида для делового человека, с другой – в корпусе представлены указания на отталкивающую внешность: *Чтобы воздействовать на несимпатичных с виду, но почти наверняка прекрасных где-то глубоко внутри деловых людей, Сулейман-Василий возил с собой дочь* (А. Снегирев. Вера (2015)).

В примерах из корпуса присутствуют разнообразные атрибуты внешнего вида деловых людей (малиновый пиджак, кожаный пояс, золотая цепь, барсетка, кожаный портфель). Упоминается и деловой стиль в общем: *Кроме того, деловой стиль – это слияние безупречной аристократической элегантности и одежды толпы. Это позволяет модному деловому человеку не быть «белой вороной»* (Л. Стоцкая. Бой-баба или бизнес-леди? // «Бизнес-журнал», 03.03.2004).

Образ жизни делового человека по данным примеров схематично обрисован следующим образом. Деловой человек работает в кабинете с рабочим столом. Он читает специальные периодические издания и литературу. Деловой человек постоянно путешествует по делам, в том числе за рубеж. Хотя упоминания о богатстве делового человека нечасты, о бедности либо скромном финансовом положении не говорится никогда: *Он очень богатый деловой человек, с репутацией, а её вы видели* (С. Шикера. Выбор природы //

«Волга», 2014); *Цены колебались от трехсот до тысячи долларов «за голову», а что такое тысяча баксов для «делового человека»?* (С. Романов. Парламент (2000)). То же касается успешности: деловой человек характеризуется как успешный или преуспевающий, а примеры противоположных характеристик отсутствуют.

Иногда в примерах подмечаются присущие деловому человеку особенности речи. Это дежурная любезность, специфические обороты и самоназвание: *Не спорю, может, Анатолий Алексеевич и в самом деле большой ученый (хотя этот вопрос, как сегодня говорят деловые люди, нужно обсуждать), но всемирно признанный Жорес Алферов, например, почему-то не считает делом своей чести устраивать митинги, а почти смиренно просит денег на протекающую крышу, спасая научное оборудование* (М. Хайруллин. Пока не отсохнет рука берущего // «Московский комсомолец», 10.01.2003); *В речи Паулс не было никакого намека на ершистость или испуг, а скорее дежурная любезность делового человека* (Н. Подольский. Книга Легиона // «Октябрь», 2001); *Приглашают, допустим, журналиста к предпринимателю имярек – они ведь все предпочитают называть себя предпринимателями, деловыми людьми, а не махинаторами-комбинаторами...* (Л. Корнешов. Газета (2000)).

Связь делового человека с криминалом проявляется в примерах двояко. С одной стороны, деловой человек является жертвой преступников: *Есть регионы, где в силки взяточников одинаково попадают и граждане, и деловые люди – в их числе Московская область, Санкт-Петербург и Саратовская область* (М. Григорян. Портрет российской коррупции // «Время МН», 2003). С другой стороны, деловые люди сами могут сотрудничать с преступным миром: *Деловые люди, «белые воротнички» от политики и урки вместе пили коньяк и строили планы на будущее* (Г. Трошев. Моя война (2000-2001)). Также упоминается криминальное прошлое деловых людей.

Деловой человек сильно занят, ценит свое время и старается не отвлекаться: *Нет, он, деловой человек, нашел время, приехал по-*



знакомиться (М.К. Кантор. В ту сторону (2009)). Деловые люди ловки и инициативны: *Ловок чиновник, но еще ловчее русский деловой человек: вертеться приучен* (А. Яковлев. Омут памяти. Т.2 (2001)); *Меня всегда восхищают деловые люди и криминалы. Как они умеют реагировать на всякие открытия и события и поворачивать их в свою пользу!* (В. Войнович. Монументальная пропаганда // «Знамя», 2000).

Далее рассмотрим представление в корпусе субтипажей «предприниматель» и «управленец». В русском языке субтипаж «предприниматель» на лексическом уровне представлен существительным *предприниматель* и его синонимами: это прежде всего *бизнесмен, коммерсант и делец*. По сравнению со словосочетанием *деловой человек* данные лексемы представлены в корпусе намного большим числом употреблений. Чтобы избежать сравнения результатов, полученных при анализе примеров, чье количество отличается на порядок, мы ограничили максимальное количество примеров цифрой 2000. Отсюда количество проанализированных примеров составило: для лексемы *делец* – 537 примеров, для лексемы *коммерсант* – 994 примера, для лексем *предприниматель* и *бизнесмен* – по 2000 примеров.

По итогам анализа употребления в корпусе четырех данных лексем вырисовывается следующий образ типичного предпринимателя. Это преимущественно мужчина, возможно, имеющий семью и детей. Он чаще молод, чем немолод.

Внешний вид предпринимателя довольно разнообразен. Речевой характеристикой, отличающей предпринимателя от других людей, является использование специфических слов и оборотов: *Мне нравились... я люблю чиновников и бизнесменов... Меня вдохновлял их словарь: оффшоры, откаты, бартеры* (С. Алексиевич. *Время second-hand* // «Дружба народов», 2013); *Чаще всего, как говорят коммерсанты, праведные начинатели «уходили в минус»* (А. Кирилин. *Мой брошенный дом* // «Сибирские огни», 2012).

Психологические характеристики предпринимателей разнообразны, однако можно выделить одну часто отмечаемую общую

черту – активность, энергичность, настойчивость: *Только тех, кто любит труд, бизнесменами зовут* (А.В. Кивинов. Хенк И Боб. Купчино (2012)); *Мне кажется, что основные качества **предпринимателей** идентичны абсолютно везде. Это люди особенные, беспокойные, энергичные, видящие дальше других или, по крайней мере, верящие, что видят дальше других* (Т. Гурова. Магистраль их мышления (2004) // «Эксперт», 13.12.2004); *И я помалкивал, внешне оставаясь резким и энергичным **дельцом** с калькулятором вместо мозгов* (А. Рубанов. Сажайте, и вырастет (2005)).

Типичный предприниматель по умолчанию богат: упоминания о бедных или небогатых предпринимателях просто отсутствуют. Как правило, он удачлив и успешен; примеры с бизнесменами-неудачниками крайне редки. Однако жизнь предпринимателя полна опасностей: он бывает и преступником, и жертвой криминала. В таких случаях он чаще предстает преступником или так или иначе связанным с криминалом человеком, нежели жертвой.

Иногда отмечается, что предприниматель не всегда был предпринимателем, а начал заниматься бизнесом, уйдя из прежней профессии: *В недалеком прошлом Славик был военный летчик, а сейчас **бизнесмен**: он летал в Москву и возвращался нагруженный и увешанный огромными клетчатými сумками, по пути в Абакан останавливаясь у них* (Е. Эдин. Танк из веника // «Октябрь», 2013). В деловой деятельности предпринимателя присутствуют взлеты и падения, дело может кончиться разорением или даже смертью. Тем не менее, упоминания разорений немногочисленны.

Далее отметим важные отличия в употреблении разных элементов лексико-семантического поля, соответствующего субтипажу «предприниматель».

Специфика употребления лексемы *бизнесмен* связана с описанием внешнего вида. Для бизнесмена типичны такие элементы деловой одежды, как костюм и галстук: *Мимо прошел **бизнесмен** в дорогом костюме, который небрежно обнял ожидавшую его девушку* (А. Геласимов. Дом на Озерной (2009)); *Например, **серьезный бизнесмен** не сможет позволить себе оранжевый галстук, даже*

*если такой цвет на пике популярности* (П. Стечкина. Знак мужского достоинства // «Бизнес-журнал», 17.08.2004).

Специфика употребления лексем *коммерсант* и *делец* связана с криминалом. Коммерсант гораздо чаще является жертвой, чем преступником. Напротив, отличительной характеристикой дельца является то, что он зачастую связан с криминалом, занимается сомнительными с точки зрения закона и особенно морали делами: *Но еще хуже то, что, попадая в руки своекорыстных дельцов, вся эта информационная и, особенно, развлекательная индустрия губительно деформирует детские умы и сердца* (Перед главным вызовом цивилизации. Взгляд из России (2005)). При этом он почти никогда не становится жертвой преступников.

Представляется, что субтипаж «управленец» по сравнению с суб-типажом «бизнесмен» соотносится с более сложно организованным лексико-семантическим полем. К ядру соотносящемуся с ним лексико-семантического поля стоит отнести лексемы, обозначающие руководителей высшего звена. В российских компаниях для названия подобных должностей используется огромное число различных терминов [10, с. 8-14]. Их анализ позволяет выделить релевантные для исследования лексемы. Помимо существительного *топ-менеджер*, это также собирательное существительное *топ-менеджмент*, которое определяется как «группа руководителей организации высшего уровня иерархии, которые ежедневно несут ответственность за эффективное управление этой организацией» [8, с. 7]. Также в него войдут словосочетания, образованные по моделям *высший X* и *X высшего Y*, где *X* обозначает существительные из множества *менеджер*, *руководитель* и *управленец*, а *Y* – на существительные из множества *звено*, *ранг* и *уровень*. Отметим, что в корпусе существительное *топ-менеджер* представлено значительно большим числом употреблений (842 примера), чем прочие элементы лексико-семантического поля (совокупное количество примеров – 297).

Исследование примеров из корпуса позволяет обрисовать облик типичного отечественного топ-менеджера. Примеры, упоми-

нающие его возраст, указывают либо на молодого человека, либо на человека среднего возраста. Топ-менеджер – это почти всегда мужчина.

Типичный топ-менеджер имеет высокие доходы и носит дорогие костюмы: *Сама по себе эта группа крайне неоднородна и поляризована: здесь и высокодоходные топ-менеджеры крупнейших частных компаний, и низкооплачиваемые работники бюджетной сферы* (Основные тенденции изменения демографической и социальной структуры российского общества: итоги Всероссийской переписи населения 2002 года // «Вопросы статистики», 18.11.2004); *Зарботки топ-менеджмента значительно превышают средний заработок работников* (А. Трегуб. Деньги пахнут? // Интернет-альманах «Лебедь», 23.06.2003); *Рядом со мной присаживается вальяжный молодой мужик в дорогом костюме и галстуке, с виду преуспевающий топ-менеджер* (Ю. Осипов. Империя страсти // «Вечерняя Москва», 09.12.2002).

Топ-менеджер склонен повышать свой образовательный уровень, посещая семинары, записываясь на курсы и получая второе высшее образование: *Ближе к октябрю в приемные комиссии вузов потянется солидная публика – топ-менеджеры коммерческих фирм придут за вторым высшим образованием* (Алексей Савин. Солидный студент пошел. Спрос на второе высшее образование увеличился в этом году на 25-30% // «Известия», 17.09.2002); *А для тех, кто уже совсем хорошо владеет профессией, существуют эксклюзивные и очень дорогие курсы для топ-менеджеров* (Е. Зайцева. В погоне за беглым языком // «Домовой», 04.05.2002); *В семинаре приняли участие более пятидесяти руководителей финансовых служб и топ-менеджеров предприятий Новосибирской и Кемеровской областей, Алтайского края* (Ю. Голдаев. Коротко // «Континент Сибирь» (Новосибирск), 17.12.2004). Также топ-менеджер, как и деловой человек в целом, живет в быстром ритме, ему не хватает времени: *Живущие в сумасшедшем темпе топ-менеджеры выигрывают время за счет оперативности организации необходимых консультаций врача, обследований, диагностики* (Н.

Баранчикова. Медицинские осложнения страхования // «Деловой квартал» (Екатеринбург), 2003).

Карьера топ-менеджера отличается динамичностью: *Правда, падение российской экономики внесло свои коррективы: в 2008–2009 годах искать счастья в других компаниях решались чуть более половины топ-менеджеров* (Анна Резникова. Ученые нарисовали портрет типичного российского руководителя (23.03.2011)); *Топ-менеджеры, потерявшие работу в ОГК-6, получили 132 млн рублей.* (К. Пальшин. Золотой десант // «Однако», 2009).

Встречаются упоминания о топ-менеджерах и в криминальном контексте. Как правило, топ-менеджеры являются фигурантами уголовных дел, а не жертвами: *Арест одного из топ-менеджеров корпорации ЮКОС Платона Лебедева перевел этот конфликт в плоскость открытого противостояния* (Н. Коньков. ЮКОС в горле-2 // «Завтра», 10.07.2003); *По словам зампреда комитета Госдумы по финансовому рынку Юрия Зеленского, если собственники и топ-менеджеры банков своими противоправными действиями усугубляют критическую ситуацию, в которой оказался банк, они должны быть наказаны* (И. Пылаев. За имущество ответят (17.03.2009)).

Далее перейдем к рассмотрению типажей, связанных с английским языком. При описании типажа, эквивалентного русскому ЛКТ «деловой человек», в первую очередь возникает вопрос о номинирующей его в английском языке лексеме или словосочетании. Русское словосочетание *деловой человек* представлено лишь в части русско-английских словарей и получает единственный эквивалент *business man* [1, с. 146; 12, с. 142]. В работе Е. В. Кобелевой подчеркивается разница между *business man* как обозначением практичного человека, человека дела (*businesslike*) и *businessman* как обозначением предпринимателя, в первую очередь нацеленного на получение прибыли [7]. Однако словосочетание *business man* является и одним из переводных эквивалентов русского существительного *коммерсант* [12, с. 251; 1, с. 247; 9, с. 607].

При этом в толковых словарях английского языка сложное существительное *business man* отсутствует. Словарные же определения

лексемы *businessman* указывают не только на предпринимателя как владельца бизнеса, но и на наемного работника (в первую очередь – высокого ранга), занятого в коммерческой сфере [14, p. 139; 18, p. 129; 21, p. 252]. В одном из словарей дополнительно выделяется и второе значение, аналогичное значению русского выражения *деловой человек* как «человек дела, практичный человек» [19, p. 219].

Учитывая вышесказанное, английским эквивалентом русского *деловой человек* представляется *businessman / business man* как в слитном, так и в раздельном варианте. В корпусе раздельное написание встречается гораздо реже (444 примера), нежели слитное (более 2000). Исследование случаев их употребления в корпусе американского английского приводит к следующим выводам относительно ЛКТ «американский деловой человек».

Как и в русском языке, деловой человек – это прежде всего бизнесмен, предприниматель. Это, как правило, человек среднего либо старшего возраста и преимущественно мужчина, хотя словосочетание *businessmen and women / business men and women* довольно распространено.

Внешний вид делового человека разнообразен. При этом признается существование типичного облика делового человека: *The man behind Roshelle -- a **businessman** by his dress -- had a bag of his own to check.* (MALKO, CONNIE DRAVING. No Returns. North American Review. Summer 2018, Vol. 303, Issue 3); *You know what, Eric, if we're going to be **businessmen**, I think maybe we should look like **businessmen**, too* (Tim and Eric's Billion Dollar Movie. 2012).

Наиболее типичной одеждой делового человека является костюм (*suit*): *Now, if you're a **businessman** who's going to be wearing a suit all of the time you'll need an inside the waistband holster that allows you to tuck in your shirt.* (Lessons from The Farm: Choosing a Carry Holster. 2012); *A **businessman** -- a guy in a suit!* (Eric Schlich. QUANTUM CONVENTION. Crazyhorse. Issue 92. 2018 (2017/09/22)).

Также признается наличие особенностей речи, присущей деловым людям, однако конкретизация таковых встречается редко: *Mr. Rodrigo not only looked like a casual American **businessman** from the*

*tips of his loafers to the top of his smoothly gelled gray hair, he spoke like one.* (Transnationalism. Mr. Rodrigo's Identification Company. The Massachusetts Review. Vol. 59, Iss. 1, 2019).

В текстах относительно упоминается и семья делового человека – чаще всего жена и дети. Как правило, деловой человек успешен (*successful*) и богат (*rich, wealthy*): упоминаний о неуспешных и неудачливых деловых людях, а также бедных, не обнаружено. Однако в случае раздельного написания существительного деловой человек (*business man*) чаще описывается успешным, чем богатым.

Деловой человек может испытывать превратности судьбы – он может терять свои деньги и бизнес в целом: *During an economic downturn, what do people want to watch? Certainly not a sitcom about a millionaire **businessman** who loses his fortune and has to move back to his hometown, that's for sure* (First to Be Canceled: The Least-Memorable TV Series of the Decade. 2012); *What happens when this tax increase hits and destroys half the small **businessmen** and causes massive layoffs?* (Arizona Gun Store's Message To Customers: If You Voted For. 2012).

В прошлом американские деловые люди, как и их российские коллеги, могли не быть таковыми: *He served in the United States Army before becoming a successful **business man** at Analtech, Inc.* (Ronald A. ^Dud^ Knuuttila, 74 » Obituaries » SalemNews.com. 2012); *It all started when I was a worker drone, like yourself. Not a **business man** like I am now, but we'll get to that.* (Gingerdead Man Vs. Evil Bong. 2013).

Образ мысли американского делового человека по данным примеров из корпуса предстает следующим. Деловому человеку присущ здравый смысл; он ставит рациональность выше чувств и умеет хорошо считать: *Like a good **businessman**, he acts like his feelings are beside the point.* (Andrew Yang is the candidate for the end of the world. The Verge. 2019 (19-04-17)); *“ He's got a **businessman**'s common-sense approach to most things, “ Marcus said.* (Home Depot co-founder will give 90% of his reported \$4.5 billion ... MarketWatch. 2019 (19-07-01)); *And this is the guy who's supposed to be the hard-headed **businessman**?* (10 Countries Where Romney's Tax Policy Creates Jobs: Report. 2012);

Romney is a **businessman**, likely also to make cold calculations about where the national interest lies (What to Look for in Tonight's Foreign Policy Debate - By Martin Indyk. 2012).

При затрагивании в примерах темы криминала деловые люди иногда являются жертвами, но намного чаще – преступниками: взяткодателями, сутенерами, мошенниками и т.п.: *The corrupt businessman of the week is Martin Summers, who's covering for a drug smuggling operation down at the docks* (ARROW Needs to be Just a Bit Sharper « SciFi4Me.com. 2012); *On July 26, 2005, a federal judge in Buffalo, New York, sentenced Yemeni-American businessman Aref Ahmed to three years' imprisonment for his role in a cigarette-smuggling operation that may have been linked to terrorist activity* (FBI – Terrorism 2002/2005. 2012); *Prominent Chicago businessman and real estate developer Isaac Paulson is due in court today, where he is expected to be sentenced for his part in a tax fraud and money laundering scheme that robbed retirees and pension funds of nearly \$75 million* (Breaking In. 2018); *Businessman Kevin B. Merrill pleaded guilty Thursday to conspiracy and wire fraud in what prosecutors called one of the biggest Ponzi schemes ever charged in Maryland* (Millionaire Towson businessman pleads guilty in massive Ponzi scheme. Baltimore Sun. 2019 (19-05-16)).

Далее рассмотрим представление в корпусе американского английского субтипажей «entrepreneur» и «manager».

Субтипаж «entrepreneur» на лексическом уровне представлен собственно существительным *entrepreneur*. В словаре синонимов английского языка оно оказывается одним из представителей синонимического ряда существительных *businessman* и *businesswoman*, наряду с лексемами *dealer*, *executive*, *financier*, *industrialist*, *magnate*, *manager*, *merchant*, *trader* и *tycoon* [20, p. 48]. Легко увидеть, что все эти лексемы либо номинируют один из частных подвидов предпринимателя, либо указывают на другой субтипаж составного ЛКТ «business man».

Типичный американский предприниматель молод. Хотя, как правило, это мужчина, все же в примерах нередко встречается и женщи-



на-предприниматель. Относительно часто говорится и о семье предпринимателя. Отметим также, что часто упоминаемый в примере предприниматель может параллельно заниматься и другой деятельностью: он также писатель, журналист, блогер, аналитик, художник и т.п.

Относительно часто упоминаются подтипы предпринимателей, выделяемые при помощи прилагательного-определения: это социальный предприниматель (*social entrepreneur*), IT-предприниматель (*tech entrepreneur, technology entrepreneur*) и интернет-предприниматель (*online entrepreneur, web entrepreneur, internet entrepreneur*).

Внешний вид предпринимателя остается «за кадром», равно как и его речевые особенности. Американский предприниматель зачастую успешен, и он чаще описывается как успешный, чем богатый. Иногда, впрочем, встречаются и упоминания о небогатых предпринимателях: *Today entrepreneurs and innovators are not dreaming of expansion and success, they are dreaming of mere survival* (America is Shrugging | FreedomWorks. 2012); *Many small business owners and entrepreneurs are poor.* (Going for Broke – Will Legislate For Food | The Middle of the Road. 2012).

Пожалуй, главной характеристикой деятельности предпринимателя можно назвать риск: *Part of the fun of being an entrepreneur is taking risk.* (Are You Brave Enough to be an Entrepreneur? 2012); *I'm an entrepreneur. I'm risking everything, of course I'm not scared* (SnapInspect: How To Find A Software Idea And Pre-Sell It Before It's. 2012); *As entrepreneurs come to find out, there are lots of inherent risks to starting your own business.* (If you step in the shower, You're going to get wet. | Rising Pyramid. 2012).

Психологические характеристики предпринимателя включают стремление приспособливаться к обстоятельствам, поиск возможностей и постоянную неудовлетворенность результатом: *Oddly enough, they discovered that what really makes successful entrepreneurs is not the nature of their idea, or the university they went to, but their actual character--their willingness to adapt their idea and take advantage of possibilities they had not first imagined.* (The Aha! Moments That Made Paul Graham's Y Combinator. 2012); *Second, the personality of an*

*entrepreneur* has to include that he is able to identify real opportunities and take them and this cannot be restricted to his company business life (Rich vs. King in the Real World: Why I sold my company by. 2012); *Are you never satisfied with the way things are? Are you constantly looking for ways to sell more, deliver more value, improve customer service or make the sales process more profitable? Are you never happy to leave a good thing alone? Do you think of making the best even better? That's something that entrepreneurs have in common.* (10 Positive Signs That You Are Cut Out To Be An Entrepreneur. 2012).

Упоминаний о преступлениях, связанных с предпринимателями, в примерах практически не встречается.

Вопрос о лексической репрезентации субтипажа «manager» является более сложным. Как и в случае с русским субтипажом, к ядру соотносящемуся с ним лексико-семантического поля стоит отнести лексемы, обозначающие руководителей высшего звена. Русский неологизм «топ-менеджер» является очевидной калькой английского *top manager*. Это русское существительное отсутствует в исследованных русско-английских словарях, а английское сложное существительное – в толковых словарях английского языка. Онлайн-переводчик «Мультигран», помимо *top manager*, предлагает следующие английские эквиваленты русского существительного: *executive*; *senior leader*; *Executive Leader*; *top-level manager*. Онлайн-версия Кембриджского словаря дает следующее определение сложного существительного *top management* с собирательным значением: *the most important executives in an organization, considered as a group*. Русская статья «Топ-менеджмент» в интернет-энциклопедии «Википедия» соответствует английской статье «Senior management», в которой отмечены синонимы *executive management* и *upper management*. Исследование профессиональной литературы [13; 15; 16; 17] показывает, что в качестве синонимов сложного существительного *top manager* используются главным образом *top executive* и *senior executive*, и в некоторых случаях *senior manager*.

Учитывая вышесказанное, можно полагать, что субтипажу «manager» соответствует лексико-семантическое поле, чье ядро

состоит из сложных существительных *top manager*, *top executive* и *senior executive*, а также собирательных существительных *top management*, *senior management* и *upper management*.

Данные сложные существительные встречаются в корпусе с разной частотой. Наиболее частотны собирательные существительные *top management* (>2000) и *senior management* (>2000); прочие находятся примерно на одном уровне – *top manager* (1139), *top executive* (1008), *senior executive* (826). Наименее частотно собирательное существительное *upper management* (321). После отбора релевантных примеров исследование случаев их употребления в корпусе приводит к следующим выводам относительно ЛКТ «американский менеджер».

Типичный американский топ-менеджер – чаще мужчина, чем женщина (хотя топ-менеджер женского пола – нормальное явление). Упоминания о возрасте топ-менеджера редки, однако он никогда не является молодым. Семья топ-менеджера в примерах упоминается редко.

То же касается особенностей речи, а также образа мысли и жизни топ-менеджера. В своей профессиональной деятельности топ-менеджер принимает решения и несет за них ответственность: *Top management maintains its responsibility for over-all direction, but the strategic planning team includes broad representation of stakeholder groups.* (Hambright, Grant / Diamantes, Thomas. Definitions, Benefits, and Barriers of K-12 Educational Strategic Planning. Journal of Instructional Psychology. Sep2004, Vol. 31 Issue 3, p233-239, 7p, 2 charts); *The circumstances surrounding project teams may never be perfect, but it is the responsibility of the manager and, ultimately, of top management, to ensure that the performance environment is as well managed as possible.* (Andrew Graham. PROJECTS THAT WORK. USA Today Magazine. 2006 (Sep). Vol. 135, Iss. 2736; pg. 74, 3 pgs). Он посещает разнообразные собрания и встречи, и, как правило, работает в команде.

Одной из важных тем, затрагиваемых в примерах, является высокая зарплата топ-менеджера (включая разнообразные бонусы): *Sandridge's share price has gone from \$65 in 2008 to \$5 today, yet the*

*top executive of the company has been paid \$150 million.* (Sandridge Shareholders Don't Owe CEO Ward Any Favors. 2012); *Her six-figure-salary job as a senior executive was gone in a flash* (Thomas A. Fogarty. When the ax falls Laid-off workers struggle to cope with finances, bruised egos. USA Today. 2001 (20010713)); *Yet CEOs and other top managers reap multimillion dollar incomes in salaries and stock options each year.* (LETTERS TO THE EDITOR. San Francisco Chronicle. 2000 (20000122)); *Top management people are earning more money than owners without taking any risk.* (50 COMMON INTERVIEW Q&A « Bhuvana Sundaramoorthy's Blog. 2012).

Карьера топ-менеджера зачастую динамична – множество примеров говорит об его назначении или увольнении: *The company does not officially commented on the departure of top manager, but said that from now on all Windows-lead projects will be Julie Larson-Green.* (Head of Microsoft's Windows resigned | New Technology. 2012); *He later hired away some of Hewitt's top managers.* (McCuan, Jess, Gossage, Bobbie, Fogel, Matthew. Human Resources. Inc. 2003 (Fall). Vol. 25 Issue 11, p. 72-76, 4p, 4c); *Stitzer has rekindled innovation, slashed costs, and replaced a quarter of his top managers.* (Matthew Boyle. Chew on This. Fortune. 2006 (Sep). Vol. 154, Iss. 5; pg. 41); *The common element was that most of the top management were fired, resulting in a rapid 250 percent per year average stock price increase* (Top Ten Reasons Why Large Companies Fail To Keep Their Best. 2012).

Топ-менеджер бывает связан с криминалом – в таких случаях он, как правило, незаконно обогащается на своей работе: *Two former associates have filed a federal whistle-blower suit, accusing top managers of swindling at least \$50 million.* (DEBORAH HASTINGS. Banned Contractor Soliciting Iraq Deals. Associated Press. 2005 (20050612)); *To be more specific, Bill called it control fraud, where top corporate management runs an institution as a weapon to loot shareholders and customers to the benefit of top management.* (But they have to make money! « An und für sich. 2012); *“Together with their co-conspirators and senior management, members of the Rigas*

*family systematically looted the corporation,” said Deputy Attorney General Larry D. Thompson, head of a newly created government task force against corporate fraud. (Carrie Johnson and Christopher Stern, Washington Post Staff Writers. delphia Founder, Sons Charged; Family Looted Sixth-Largest Cable TV Company, U.S. Says. Washington Post. 2002 (20020725)).*

### **Выводы**

Сопоставительное исследование элементов лексико-семантического поля, вербализующего ЛКТ «деловой человек» и его субтипажи, в русском и англо-американском корпусах приводит к следующим выводам.

ЛКТ «российский деловой человек» и «американский деловой человек» демонстрируют следующие общие черты. Прежде всего, им зачастую приписываются успех и богатство. Если деловые люди связаны с криминалом, то они чаще являются преступниками, чем жертвами. В обоих случаях они демонстрируют некоторые специфические черты внешнего вида и речи.

При этом если российский деловой человек – мужчина неопределенного возраста, то американский деловой человек – мужчина или женщина среднего или старшего возраста. Американский деловой человек чаще имеет семью. Его специфическими характеристиками являются здравый смысл и рациональность, в то время как у российского это ловкость и инициатива. Также российскому деловому человеку не хватает времени.

Общие черты субтипажей «американский предприниматель» и «российский предприниматель» – это преимущественно молодой возраст и наличие семьи. Как правило, этот типаж демонстрирует успех и богатство, хотя его деятельность сопряжена с риском разорения. При этом американский предприниматель моложе российского, и в большем количестве случаев является женщиной. Он чаще успешен, нежели богат. Главная характеристика его образа жизни – это риск, а главная черта его характера – адаптивность. Он обычно не связан с криминалом и может профессионально за-

ниматься и другой деятельностью. В отличие от него российский предприниматель чаще оказывается преступником, чем жертвой преступности, а наиболее заметной чертой его характера является энергичность.

Общие черты субтипажей «американский управленец» и «российский управленец» включают в себя мужской пол, высокие доходы и карьерную динамику. Также в случае вовлечения в криминал типичный топ-менеджер чаще оказывается преступником, а не жертвой. Спецификой российского топ-менеджера является его молодой либо средний возраст (у американского – средний либо старший). Российский топ-менеджер склонен ощущать нехватку времени и повышать свой образовательный уровень.

Нет сомнений, что различия проявлений данных ЛКТ обусловлены и собственно языковой спецификой (это касается представления гендерных вариантов), и внеязыковыми, социальными реалиями. Также стоит отметить, что в обоих лингвокультурах субтипаж «предприниматель» отличается от типажа «деловой человек», демонстрируя и общие, и специфические черты.

Дальнейшие перспективы исследования включают более тщательное изучение примеров из корпусов с целью составить более подробное описание выделяемых типажей и получить более точные результаты их сопоставительного анализа.

### *Список литературы*

1. Большой русско-английский словарь: 23-е изд., стереотип. / Под ред. О.С. Ахмановой. М.: Рус. яз., 2000. 768 с.
2. Джигкаева А.В. Языковая эволюция лингвокультурного типажа «бизнес-леди»: Автореф. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2020. 22 с.
3. Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж с позиции культурных ценностей // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2006. № 2. С. 29-35.
4. Долгова Е.В. Имиджевые характеристики лингвокультурного типажа «деловой человек» // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия:

- Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2015. № 4(28). С. 126-138.
5. Иванова М.М. Экспериментальное исследование концепта «Предприниматель» // Вопросы психолингвистики. 2008. № 7. С. 97-100.
  6. Карасик В.И. Лингвокультурный типаж // Язык. Текст. Дискурс. 2007. № 5. С. 86-89.
  7. Кобелева Е.В. К вопросу синонимии лексико-семантических единиц «a businessman» и «a business, man» в американской языковой картине мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 7(849). С. 87-97. [https://doi.org/10.52070/2542-2197\\_2021\\_7\\_849\\_87](https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_7_849_87)
  8. Кохно П.А., Кохно А.П., Артемьев А.А. Топ-менеджмент: монография. Тверь: ЦНиОТ, 2018. 250 с.
  9. Мюллер В.К. Самый полный англо-русский русско-английский словарь с современной транскрипцией: около 500 000 слов М.: АСТ, 2016. 800 с.
  10. Рошин С.Ю., Солнцев С.А. Рынок труда топ-менеджеров в России. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. 251, [1] с.
  11. Сапрун И.Р. Вербализация концепта БИЗНЕСМЕН в русской языковой картине мира // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». 2011. Т. 24(63). № 1. Ч. 2. С. 122-129.
  12. Таубе А.М., Даглиш Р.С. Современный русско-английский словарь. М.: Рус. яз., 2000. 776 с.
  13. Bournois F., Duval-Hamel J., Roussillon S., Scaringella J.-L. Handbook of Top Management Teams. London, Palgrave Macmillan London, 2010, 710 p.
  14. Compact Oxford English Dictionary of Current English. Oxford: Oxford University Press, 2003, 1378 p.
  15. Finkelstein S., Hambrick D.C., Cannella A.A. Jr. Strategic Leadership. Theory and Research on Executives, Top Management Teams, and Boards. Oxford: Oxford University Press, 2009, 480 p.
  16. Horovitz J.H. Top management control in Europe. New York, St. Martin's Press, 1980, 204 p.

17. Kaiser K., Pilch M., Schechter I. J. *Becoming a top manager: tools and lessons in transitioning to general management*. San Francisco, Jossey-Bass Inc., 2015, 296 p.
18. *Longman Dictionary of American English*. Harlow: Pearson Education Limited, 2009, 934 p.
19. *Merriam-Webster's Advanced Learner's English dictionary*. Merriam-Webster, Inc., 2008, 1994 p.
20. Spooner A. *A Dictionary of Synonyms and Antonyms*. Oxford, Oxford University Press, 1999, 572 p.
21. *The American Heritage Dictionary of the English Language: Fifth Edition*. Boston, New York: Houghton Mifflin Harcourt, 2016, 2086 p.

### *References*

1. *Big Russian-English dictionary*. Ed. by O.S. Akhmanova. Moscow: Rus. Yaz. Publ., 2000, 768 p.
2. Dzhigkaeva A.V. *Linguistic evolution of the linguo-cultural type 'business lady'*. Abstract of PhD dissertation. Nalchik, 2020, 22 p.
3. Dmitrieva O.A. The linguo-cultural type from the view of values. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [The Proceedings of Volgograd State Pedagogical University]. 2006, no. 2, pp. 29-35.
4. Dologva E.V. Image features of the lingvocultural type of a successful «business man». *Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya*. [Herald of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Modern linguistic and methodical and didactic research], 2015, no. 4 (28), pp. 126-138.
5. Ivanova M.M. Experimental research of the concept 'entrepreneur'. *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2008, no. 7, pp. 97-100.
6. Karasik V.I. Linguo-cultural type. *Language. Text. Discourse* [Yazyk. Tekst. Diskurs], 2007, no. 5, pp. 86-89.
7. Kobeleva E.V. On the problem of synonymy of lexical and semantic units 'a businessman' and 'a business, man' in the American language



- worldview. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Herald of Moscow State Linguistic University. Humanities], 2021, no. 7(849), pp. 87-97. [https://doi.org/10.52070/2542-2197\\_2021\\_7\\_849\\_87](https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_7_849_87)
8. Kokhno P.A., Kokhno A.P., Artem'ev A.A. *Top management*. Tver: ZNi-OT Publ., 2018, 250 p.
  9. Muller V.K. *Ultimate English-Russian Russian-English dictionary with modern transcription: about 500,000 words*. Moscow: AST Publ., 2016, 800 p.
  10. Roshchin S.Yu., Solntsev S.A. *Top management labour market in Russia*. Moscow: GU VSHE Publ., 2006, 251 p.
  11. Saprun I.R. Verbalization of the concept 'businessmen' in the Russian language worldview. *Ucheni zapiski Tavriys'kogo natsional'nogo universitetu im. V. I. Vernads'kogo. Seriya «Filologiya. Sotsial'ni komunikatsii»* [Proceedings of Vernandsky Taurian National University. Series: Philology. Social Communications], 2011, vol. 24(63), no. 1, pt. 2, pp. 122-129. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/verbalizatsiya-kontsepta-biznesmen-v-russkoy-yazykovoy-kartine-mira> (accessed May 10, 2024).
  12. Taube A.M., Daglish R.S. *Modern Russian-English dictionary*. Moscow: Russ. Yaz. Publ., 2000, 776 p.
  13. Bournois F., Duval-Hamel J., Roussillon S., Scaringella J.-L. *Handbook of Top Management Teams*. London, Palgrave Macmillan London, 2010, 710 p.
  14. *Compact Oxford English Dictionary of Current English*. Oxford: Oxford University Press, 2003, 1378 p.
  15. Finkelstein S., Hambrick D.C., Cannella A.A. Jr. *Strategic Leadership. Theory and Research on Executives, Top Management Teams, and Boards*. Oxford: Oxford University Press, 2009, 480 p.
  16. Horovitz J.H. *Top management control in Europe*. New York, St. Martin's Press, 1980, 204 p.
  17. Kaiser K., Pilch M., Schechter I. J. *Becoming a top manager: tools and lessons in transitioning to general management*. San Francisco: Jossey-Bass Inc., 2015, 296 p.

18. *Longman Dictionary of American English*. Harlow: Pearson Education Limited, 2009, 934 p.
19. *Merriam-Webster's Advanced Learner's English dictionary*. Merriam-Webster, Inc., 2008, 1994 p.
20. Spooner A. *A Dictionary of Synonyms and Antonyms*. Oxford: Oxford University Press, 1999, 572 p.
21. *The American Heritage Dictionary of the English Language*. Fifth edition. Boston, New York: Houghton Mifflin Harcourt, 2016, 2086 p.

### ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

**Ильинова Елена Владимировна**, преподаватель

*Краснодарское высшее военное училище им. генерала армии  
С. М. Штеменко  
ул. Красина, 4, г. Краснодар, 350063, Российская Федерация  
[elena.ilinova21@gmail.com](mailto:elena.ilinova21@gmail.com)*

### DATA ABOUT THE AUTHOR

**Elena V. Ilyinova**, lecturer

*Krasnodar Higher Military School named after General of the  
Army S. M. Shtemenko  
4, Krasina Str., Krasnodar, 350063, Russian Federation  
[elena.ilinova21@gmail.com](mailto:elena.ilinova21@gmail.com)  
SPIN-code: 1247-8060  
ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-6268-0337>*

Поступила 24.06.2024

После рецензирования 15.07.2024

Принята 22.07.2024

Received 24.06.2024

Revised 15.07.2024

Accepted 22.07.2024

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-422

УДК 81'37:004.7



Научная статья | Языки народов зарубежных стран

## НЕУЗУАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

*Е.С. Чукина*

*Неузואльное словообразование как более свободный от ограничений способ пополнения словарного состава языка может восполнять лакуны традиционного словообразования, производить креативные, ребусные, экспрессивные номинации; характеризуется возрастающей значимостью в современном немецком языке, в особенности в сфере интернет-коммуникации. Изучению данных процессов и образуемых неузуальными способами новых немецких слов не уделяется должного внимания.*

**Цель исследования** – обобщение и систематизация имеющихся теоретических результатов исследований в отечественной и зарубежной лингвистике неузуального словообразования, определение используемых в современном немецком языке видов неузуального словообразования и тенденций неологизации.

**Метод и методология проведения работы.** Материал исследования – функционирующие в сегодняшней интернет-коммуникации актуальные номинации объектов действительности, относящихся к разным сферам жизни немецкого общества. Используются словообразовательный анализа, элементы семантического и мотивологического анализа.

**Результаты.** Показано, что в современном немецком языке используются все выделяемые виды неузуального словообразования. Наиболее частотными являются лексикализация аббревиатур, элиминирование, контаминация, субституция, слова-кентавры. Неологизация посредством неузуального словообразования характе-

ризуется тенденциями к интернационализации, интенсификации, интеграции и интеллектуализации.

**Область применения результатов.** Материалы и результаты исследований могут быть использованы в образовательном процессе при подготовке специалистов в сфере коммуникации на немецком языке, в лексикографической практике, при разработке методологии исследований по смежной тематике.

**Ключевые слова:** словообразование; виды неустойчивого словообразования; тенденции неологизации; современный немецкий язык

**Для цитирования.** Чукина Е.С. Неустойчивое словообразование в современном немецком языке // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 3. С. 34-52. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-422

Original article | Languages of Peoples of Foreign Countries

## NON-USUAL WORD FORMATION IN MODERN GERMAN

*E.S. Chukina*

*Non-usual word formation, being a more unrestricted way of replenishing the vocabulary of a language, can fill in the gaps of traditional word formation, produce creative, rebus, expressive nominations; it is characterized by increasing importance in modern German, especially in the field of Internet communication. Due attention is not paid to the study of these processes and new German words formed in non-conventional ways.*

**The purpose of the study** is to generalize and systematize the available theoretical research results in the domestic and foreign linguistics of non-usual word formation, to determine the types of non-casual word formation used in modern German and the trends of neologization.

**Methodology.** The research material is the actual nominations of objects of reality functioning in today's Internet communication, relating

*to different spheres of life of German society. Word-formation analysis, elements of semantic and morphological analysis are used.*

**Results.** *It is shown that all the distinguished types of non-formal word formation are used in modern German. The most frequent are lexicalization of abbreviations, elimination, contamination, substitution, and centaur words. Neologization through non-formal word formation is characterized by tendencies towards internationalization, intensification, integration and intellectualization.*

**Practical implications.** *The materials and research results can be used in the educational process in the training of specialists in the field of communication in German, in lexicographic practice, in the development of research methodology on related topics.*

**Keywords:** *word formation; types of non-usual word formation; trends in neologization; modern German*

**For citation.** *Chukina E.S. Non-Usual Word Formation in Modern German. Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2024, vol. 16, no. 3, pp. 34-52. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-422*

## **Введение**

### ***Неузуальное словообразование как объект лингвистического исследования***

Неузуальное словообразование, по сравнению с традиционными продуктивными способами, является более свободной от ограничений и предписаний областью [8; 9; 26], которая может восполнять лакуны узуального словообразования. Исследователи различают окказиональное словообразование и образование потенциальных слов посредством нетипичного использования узуальных способов словообразования [10].

Доля слов, образуемых неузуальными способами, в современной речи постоянно увеличивается [27; 28]. Несмотря на растущую активность неузуального словообразования в немецком языке, изучению данных процессов и образуемых новых немецких слов не уделяется должного внимания. Количество обращающихся к дан-

ной проблематике отечественных и зарубежных работ невелико [1; 11; 3; 30; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 39].

***Методология исследования: изучение неузуального словообразования в современном немецком языке***

К неузуальному словообразованию в рамках нашего исследования относятся типы словообразования, характерные для окказиональных и потенциальных слов. Имеющимися исследованиями подтверждено, что окказиональные слова могут возникать посредством искусственной (осознанное обозначение и отбор, нацеленные на закрепление) или естественной (в спонтанной устной или письменной речи в разных сферах коммуникации) номинации [8; 10; 18; 35]. При этом, согласно имеющимся научным результатам, узуализация, т.е. приобретение лексической единицей воспроизводимости, предполагает закрепление, фиксацию лексического понятия в сознании коллективного носителя языка, определяющего выбор узуальной единицы. (см. [4]), что может осуществляться в конкуренции с другими обозначениями денотата ввиду его высокой актуальности и вариации типизации представлений о нем; узуализации окказионализма способствует его понятность вне контекста. В первую очередь нас интересуют лексические единицы, которые Н.М. Меркурьева называет «окказионализмами третьей степени» [15], т.е. новые нестандартные образования, демонстрирующие некоторые отступления от деривационной нормы (продуктивных моделей словообразования) и предполагающие определенную сложность в семантической интерпретации.

Согласно И.А. Нефляшевой и Т.В. Шмелевой, окказиональные слова (в русле синтаксического подхода к словообразованию) – явления нелинейного синтаксиса, т.е. синтаксической процедуры, не базирующейся на линейном соединении компонентов) [18; 29]; образованные неузуальными способами единицы отличаются от узуальных количественной (расширение / сокращение) и качественной (подстановка / перестановка морфем / сегментов) трансформацией производящей основы, объединяющей в себе креативное и симулятивное начала [17; 18].

По мнению Е. Земской, наиболее частотными функциями словообразования, в том числе неузуального, являются номинативная,

экспрессивная и компрессивная, а к основным характеристикам современного словообразования относятся интернационализация, коллоквиализация (часто проявляется в усечениях, образованиях универбатов от прилагательных или причастий), экспрессивизация и рост личного начала, увеличение признаков агглютинативности (образование неизменяемых слов, частотность аббревиации и сложных слов с аббревиатурами) в дериватах [8] (см. также [22; 23; 24]).

К неузואльным способам словообразования мы вслед за рядом исследователей (см. Н.А. Антропова, Е.А. Земская, Н.Г. Бабенко; У. Дресслер, Б. Тумфарт, В.Е. Замальтдинов, В.П. Изотов; С.Н. Исакова, Д. Куниш, О.П. Симутова, А.В. Спиридонов, К. Фридрих, Ю.Н. Шаталова, Г. Штикель и др.) относим следующие: элиминирование, лексикализацию аббревиатур, графикацию, слова-кентавры с иноязычными включениями, голофразис, контаминацию, плюрализацию, субституцию, псевдомотивацию, народную этимологизацию, редупликацию, гендиадис, эмансипацию морфемы, анаграмму, креацию, аугментацию, тмезис, разлиание, чересступенчатое словообразование.

Цель работы – обобщить и систематизировать имеющиеся теоретические результаты исследований в отечественной и зарубежной лингвистике неузואльного словообразования, определить используемые в современном немецком языке виды неузואльного словообразования и тенденции неологизации. Используются словообразовательный анализа, элементы семантического и мотивологического анализа. Материал исследования – функционирующие в сегодняшней интернет-коммуникации актуальные номинации объектов действительности, относящихся к разным сферам жизни немецкого общества.

## **Результаты и дискуссия**

### ***Тенденции неузואльного словообразования в современном немецком языке***

Рассмотрим неузואльное словообразование в современном немецком языке на предмет реализации в последнем выделяемых неузואльных видов словообразования.

**Элиминирование** – усечение производящей основы у существительных без учета морфемных границ, когда производное слово семантически, но не стилистически тождественно производящему; включает аферезис (начальное усечение), синкопу (серединное усечение), апокопу (конечное усечение) [1; 2; 8; 13; 19]. Актуальная лексика немецкого языка обнаруживает множество ЛЕ, образованных данным способом, в особенности в молодежном, разговорном языках (например: аферезис – *Rex* от *Direx*, синкопа – *Abirint* от *Abiturient*, *Zarette* от *Zigarette*, апокопа – *Späti* от *Spätverkauf*, *Idi* от *Idiot*, *Zig* от *Zigarette*, *Expat* от *Expatriant*, *Promi* от *Prominente*). Анализ новых лексем, пополнивших состав немецкого языка, указывает на активизацию компрессионного словообразования, а также на низкую частотность начального и высокую частотность конечного усечения, поскольку преимущественно именно начальная часть слова концентрирует в себе наибольшую часть сигнификативных признаков, характеризующих объект номинации. Усечения морфемного характера (например: *Vize(präsident)*) встречаются существенно реже; наиболее частотным сегодня в рамках данного вида неузального словообразования является односегментное конечное усечение (*Narzi* от *Narziß*, *Idi* от *Idiot*). Среди новых слов встречаются также ЛЕ, иллюстрирующие многократное, ступенчатое усечение (*Direktor* – *Direx* – *Rex*).

**Лексикализация аббревиатур** – превращение аббревиатуры в полное слово, отаббревиатурная деривация [12] (например: *CDUisten*, *ALG2ler*, *GroKoisten*, *BFDler*). Данный вид неузального словообразования активно представлен в сегодняшней интернет-коммуникации, особенно в политической сфере.

**Графиксация** (графическое словообразование, т.е. использование в качестве форманта графических и орфографических средств; основные операции – вставка, удаление, замена, выделение [7; 8; 35]. При этом используются разные виды графиксации, которые меняют внутреннюю форму слова, его мотивированность, мотивационное значение [11; 18; 21]; например: а) капитализация – *betrOFFEN*, *GENial*, *WunderBar*, *SOSehr*; б) дефисация – *Puber-Tier*



(ироничная номинация подростка; дефис, разрывающий слово, меняет его внутреннюю форму и мотивацию, отсылая к существительному *Tier* (животное / зверь); в) парентезис – *Glück muss S(chw)ein!*, *K(l)ick*; з) апострофизация – *Ku'damm*; д) слешинг – *Be/ Entschleuniger*; е) экскламация – *Preis-K!tzel* (в сегодняшних немецкоязычных неониминациях часто имеет место замена букву *i* на *!*); ж) курсивизация и и дакографизация – *Gewerb**e**standort*, з) инетографизация (образование слов с использованием сетевых символов) – *@artist*; и) нумерографизация и использование иных неязыковых знаков – *Be2feln*, *3ster*, *C%L*, *Erdgas*; к) смайлографизация – *S☺nderaktion*; л) использование зачеркивания – *währheit* (наложение двух слов и смыслов – исходное «правда» и после зачеркивания «далеко»); н) идеографизация – *H<sup>▲</sup>ARTZ IV* (символ для обозначения Федеральной службы занятости; *Hartz* – разговорное обозначение базового пособия безработным по имени автора реформы социальных законов Германии Петера Хартца). Графикация активно используется в интернет-коммуникации, сферами наиболее активного функционирования графодериватов являются реклама, политическая агитация, СМИ. В целом данный вид невуального словообразования не является частотным (хотя в результате и возникают весьма креативные, ребусные номинации), поскольку предполагает существенные интеллектуальные усилия как со стороны адресанта, так и адресата.

**Слова-кентавры с иноязычными включениями** (выделяются нами отдельно вслед за Л.П. Крысиным [14]; Т.В. Попова и И.А. Нефляшева относят такие случаи к графикации, а именно к полиграфикации с использованием иноязычного алфавита [18; 21]) – образование слов посредством вкрапления иноязычного компонента с сохранением иноязычной орфографии (в современном немецком языке активно используются англоязычные коневые морфемы; например: *Law-and-Order-Mann*, *Lookist*).

**Голофразис** – словообразование посредством ликвидации пробелов и соединения словосочетания / предложения в одно слово без изменения грамматических форм, без пропуска предло-

гов и артиклей, возможно также с последующей аффиксацией [5; 10; 27; 28] (например: *Götzseidank*, *ICHBINBOSS*, *IchbinProfi*, *Biszumfrühstückbleiber* (с аффиксацией)).

**Контаминация** – (искусственное) сложение частей синтаксически не связанных друг с другом (в отличие от аббревиации) слов. Данный вид включает в себя контаминацию-агглютинацию (соединение в одно слово начальных сегментов лексем с закрепленным порядком следования усеченных частей и единым ударением), контаминацию-телескопию (слияние начального сегмента одной лексемы с конечным компонентом другой лексемы с закрепленным порядком компонентов и единым ударением), междусловное наложение (сложение двух слов и наложением конца основы одного слова на начало основы другого слова, т.е. частичное наложение в месте соединения) [6; 9; 25; 35]; например: *Prekariat*, *Klicktivist*, *Eurogeddon*, *Bankster*, *drutschen*, *Kurlaub*, *Teuro*, *Elefanz*, *Schmerkel / Schorkel / Merkel*, *Kaputalist*). Следует отметить, что первый тип контаминации для современного немецкого языка является периферийным, низкочастотным.

**Плюрализация** – употребление существительного, имеющего только форму единственного числа, во множественном числе с изменением значения [10] (например: *Mit welcher Bewegung fühlen sich Vernünftige und Körper als plötzlich eins?*; в значении «разумные мысли»).

**Субституция** – замена компонентов производящего слова, при которой новые ЛЕ в отличие от аффиксации образуются не по какой-либо существующей в языке словообразовательной модели, а по аналогии; производится замена компонентов производящего слова (морфемы на морфему, морфемы на сегмент, сегмента на морфему, сегмента на сегмент); вытесняемый компонент производящего слова-образца, как правило, участвует в формировании семантики производного слова. Заменяющие и заменяемые элементы могут вступать в отношении синонимии / антонимии; может иметь место фонетическое сходство как дополнительный источник комического эффекта [10; 27]; например: *Aldidas* от *Adidas* (игровое обозначение).

ние сети недорогих магазинов Aldi), *Alma Marter* (*Marter* – мука, мучение, аналогия к *Alma Mater*), *Luxusbürger* от *Luxusburger*, *Kozi* (о коммунистах, отсылка к *(an)kotzen*) и *Nazi*), *Entschleunigung* от *Beschleunigung*.

**Редупликация** – словосложение посредством повтора компонента / компонентов; редупликация может иметь подвиды: полная редупликация (повтор без изменения), дивергентная редупликация (повтор с изменением состава компонентов), осложненная редупликация (с добавлением аффикса в редупликат / с усечением основы части редупликата) [10; 38]; например: *Wirrwarr*, *momordi*, *Larifari*, *Zwickizwacki*.

**Псевдомотивация, народная этимологизация** – образование новых слов посредством соотнесения со схожими единицами-прообразами и установления нового мотива номинации; *может комбинироваться с графикацией, иноязычными вставками (например: Philosuff, WWW – warten, warten, warten / Wir werden warten, Mistiker (Mystiker, отсылка к Mist))* [5; 8]. Данный вид неузального словообразования также предполагает большие затраты интеллектуальных усилий, наличие и обнаружение в языке схожих по звучанию слов, которые в сознании носителей языка могут выступать в роли производящих единиц; псевдомотивация не является частотным видом неузального словообразования.

**Гендиадис** – рифмующее сложение двух и более компонентов, при котором второй и последующие компоненты представляют собой рифму к первому компоненту / его рифмованную фонетическую трансформацию (также является малочастотным) [8; 27]; например: *Scholz-Stolz*, *stolz aufscholz*, *GroKo-Kroko*, *Exe-Hexe*.

**Эмансипация морфемы** – выделение морфемы из основы слова и ее самостоятельное употребление как отдельного слова [8; 10] (например: *Ismen arbeiten selbst am besten gegen ihr Bestes*). Данный вид неузального словообразования (предполагает контекстуальную «поддержку») также выступает как редко используемый, периферийный.

**Анаграмма.** Данный вид неузального словообразования в качестве подвидов включает в себя ретроспекцию (обратное про-

чтение / написание производящей лексемы) и метатезуа (перестановка компонентов с / без изменения значения) [10]; например: *aberüll, arseitblos, pakutt, Kuhzunft, Kuhzunft – Zukunft, Sauschpieler – Schauspieler, Nießnutzer – Nutznießer, arseitblos – arbeitslos*.

**Креация** – (также малочастотный вид словообразования) образование формата как произвольной последовательности звуков и закрепление за ней лексического значения [10] (например: *ALDI, asdrubal*).

**Аугментация** – неморфемное приращение основы в начале, середине конце (соответственно, протеза, эпентеза, эпитеза) [37]; например: *Lulise, Hhobby, ggüück, güüück, glüüück*; данный вид неуззуального словообразования в современном немецком языке является малочастотным.

**Тмезис** – вторжение аффикса / неморфемного сегмента / слова (чаще служебного) / словосочетания / предложения внутрь слова [16] (например: *hübschisch, kinderunfrei*).

**Разлиание** – употребление частей существующего слова как самостоятельных слов (например: *Wenn der Boxer ... wider stand, dann leistete er dem Gegner Widerstand*) [8; 10].

**Чересступенчатое словообразование** – образование слова с пропуском звена словообразовательной цепи, дающего непосредственно мотивирующее слово (например: *Gevaste Blumen, getaschte Weste* – глаголов, от которых могли бы быть образованы приведенные причастия, в немецком языке нет, причастия образованы от существительных *Vase, Tasche*) [27].

### **Заключение**

Словообразовательный анализ лексики современного немецкого языка указывает на активизацию в последние два десятилетия неуззуального словообразования и представленность всех выделяемых лингвистами видов неуззуального словообразования в современном немецком языке. При этом немецкое неуззуальное словообразование характеризуется разной частотностью использования неуззуальных видов словообразования. К наиболее частотным по результатам

выполненного анализа мы относим следующие неузуальные словообразовательные виды: лексикализацию аббревиатур, элиминирование, контаминацию, субституцию, слова-кентавры. Наименее частотные способы словообразования предполагают большие усилия адресата при продуцировании номинаций и наибольшие затраты адресанта при их восприятии и декодировании. Неологизация посредством неузуального словообразования обнаруживает следующие важные тенденции: тенденцию к интернационализации (частое использование иностранных морфем, заимствования, активное образование слов-кентавров); тенденцию к интенсификации (большая доля среди новых слов экспрессивных, оценочных, образных лексических единиц); тенденцию к интеграции (диффузность границ разных лексических подсистем и функциональных стилей, коллоквиализация языка, миграция аффиксов из профессиональных подъязыков в общеупотребительный язык); тенденцию к интеллектуализации (ребусность номинации, предполагаемые у адресата осведомленность о текущем моменте, знание современных прецедентных феноменов, владение иностранным (преимущественно английским) языком).

### *Список литературы*

1. Антропова Н.А. Компрессивное словообразование: усечение слов: (на материале немецкой разговорной субстантивной лексики) // Вестник Чувашского ун-та. 2006. № 1. С. 182-189.
2. Антропова Н.А. Немецкое разговорное словообразование: особые случаи // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2011. № 4. С. 65-70.
3. Бахун Т.П., Иваненко Г.Л. Окказиональные способы словообразования в текстах немецкой рекламы // Иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания: материалы IV Международной научно-практической конференции Минск: Белорусский гос. ун-т, 2021. С. 101-106.
4. Голев Н.Д. Стихийная узуализация номинативных единиц // Известия Уральского государственного университета. 2001. № 21. С. 94-101.

5. Голикова К.С. Окказионализмы в современной немецкой периодике. Томск: НИ ТГУ, 2018. 33 с.
6. Григорьева П.В. Блендинг как тип незуального словообразования: к уточнению понятия // Мир науки, культуры и образования. 2019. № 3(76). С. 488-490.
7. Замальдинов В.Е. Графические гибриды как визуальные средства воздействия в современном медиатексте // Горизонты современной русистики: сборник статей международной научной конференции, 30–31.01.2020. М.: Изд-во гос. ин-та рус. яз. им. А.С. Пушкина, 2020. С. 275-279.
8. Земская Е.А. Активные процессы в русском словообразовании нашего времени // Acta Neophilologica. VIII. 2006. С. 9-21.
9. Земская Е.А. Игровое словообразование // Язык в движении: К 70-летию Л.П. Крысина. Москва: Языки славянской культуры, 2007. С. 186-193.
10. Изотов В.П., Панюшкин В.В. Незуальные способы словообразования. Конспекты лекций к спецкурсу. Орел: ОГИ, 1997. 127 с.
11. Ильясова С.В. Языковая игра: словообразовательная, графическая, орфографическая (на материале текстов современных российских СМИ) // Медиалингвистика. 2015. № 1(6). С. 91-100.
12. Климас И.С. Аббревиатуры в составе актуальной лексики русского языка // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2016. № 3(22). С. 73-81.
13. Конопкина Е.С., Лунина Т.П. Усечение как способ компрессивного словообразования // Вестник Омского гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2021. № 2(31). С. 107-111.
14. Крысин Л.П. О некоторых новых типах слов в русском языке: слова-«кентавры» // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4(2). С. 575-579.
15. Меркурьева Н.М. Окказиональные и новые слова-композиции в словаре сложных слов русского языка // Вестник РУДН. Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. № 2. С. 175-181.
16. Намитокова Р.Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1986. 156 с.

17. Намитокова Р.Ю. авторские новообразования: структура и функционирование (на материале русской поэзии второй половины 20 в.). Майкоп: Изд-во АГУ, 2015. 359 с.
18. Нефляшева И.А. Окказиональное слово как явление постмодернистской эстетики // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований: коллективная монография. Майкоп: Изд-во «Магарин Олег Григорьевич», 2017. С. 324-346.
19. Никитина О.А. Усечение одного из компонентов сложных существительных как языковая причина развития новых значений слов в современном немецком языке. // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2009. № 111. С. 146-157.
20. Никитина О.А., Гудкова О.А. Контаминация как проявление игрового словотворчества в дискурсе о пандемии COVID-19 (на материале новообразований немецкого языка) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. № 4(39). С. 123-132.
21. Попова Т.В. Графикация как новое явление в языке и научной когнитивности // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2011. № 24(239). С. 160-163.
22. Ребрина Л.Н. Новые соционимы в интернет-коммуникации 2000–2022 гг.: функционально-семантические характеристики // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2023. № 4(65). С. 87-97.
23. Ребрина Л.Н. Неодобряемые / одобряемые фрагменты современной социальной реальности: неузуальные неониминации // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2, Языкознание. 2023а. № 22(2). С. 5-22. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.1>
24. Ребрина Л.Н. Актуальные соционимы в немецкоязычной интернет-коммуникации 2000-2023 годов: семантические дихотомии БЕДНЫЙ – БОГАТЫЙ, МЕСТНЫЙ – ПРИШЛЫЙ // Научный диалог. 2023б. № 12(3). С. 171-189. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-3-171-189>
25. Хрущёва О.А. Универсальные и лингвокультурные особенности блендига: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2011. 23 с.
26. Шаталова Ю.Н. Отантропонимические новообразования в современном русском языке // Проблемы региональной ономастики:

- Материалы Пятой всероссийской научной конференции. Майкоп, 2006. С. 223-225.
27. Шаталова Ю.Н. Неузусальные способы создания новых слов в повседневной разговорной речи // Молодой учёный. 2009. № 2. С. 192-196.
  28. Шаталова Ю.Н. Словотворчество в повседневной речи (структурно-семантический и функциональный аспекты): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2013. 23 с.
  29. Шмелева Т.В. Нелинейный синтаксис // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка: труды и материалы. 2007. С. 262.
  30. Dargiewicz A. Fremde Elemente in Wortbildungen des Deutschen. Zu Hybridbildungen in der deutschen Gegenwartssprache am Beispiel einer raumgebundenen Untersuchung in der Universität- und Hansestadt Greifswald // Schriften zur diachronen und synchronen Linguistik, 2013, no. 10. Monographie, 416 S.
  31. Daróczy I. Merkmale und Funktionen von Okkasionalismen // ACTA Universitatis, Germanistische Studien, Band XII. 2020, S. 95-114.
  32. Dressler W.U., Tumfar B., Kunisch D., Hanneschläger V. Poetische und theatersprachliche Okkasionalismen: Schöpfung neuer morphologisch komplexer Wörter bei Joseph von Eichendorff, Johann Nepomuk Nestroy, Peter Handke und Arno Schmidt // Kalbotyra, 2023, no. 76, S. 7-17. ISSN 1392-1517.
  33. Elsen H. Das Kunstwort // Muttersprache, 2005, no. 115(2), S. 142-149.
  34. Fellner R. Okkasionalismen in Werbeslogans zwischen 2003 und 2008 unter besonderer Berücksichtigung der Branchen Kosmetik, Ernährung, Getränke und Pharmazie. Wien: Universität Wien, 2009, 105 S.
  35. Friedrich C. Kontamination – zur Form und Funktion eines Wortbildungstyps im Deutschen: Inaugural-Dissertation in der Philosophischen Fakultät und Fachbereich Theologie der Friedrich-Alexander-Universität Erlangen-Nürnberg, Ansbach, 2008, 549 S.
  36. Gierden V.C., Hoffmann D. Wortbildung und Ad-hoc-Komposita: Typen, Implikationen und ihre möglichen Übersetzungen ins Spanische // Wortbildung heute. Tendenzen und Kontraste in der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen: Narr, 2008, S. 195-211.



37. Karbelaschwili S. Lexikon zur Wortbildung der deutschen Sprache: Augmentation und Diminution. Edition 2., korrigierte und erw. Aufl. Regensburg: Fachverband Deutsch als Fremdsprache, 2001, 173 S.
38. Schindler W. Reduplizierende Wortbildung im Deutschen // Phon. Sprachwiss. Kommun. Forsch. (ZPSK), 1991, no. 44(5), S. 597-613.
39. Sisák L. Ad-hoc-Bildungen und ihre textuellen Bezüge // Deutsche Sprache, Literatur und Kultur aus auslandsgermanistischer Sicht. Referate der Internationalen Germanistischen Konferenz. Prešov: Philosophische Fakultät der Universität Presov 2001, S. 134-144.

### References

1. Antropova N.A. Compressive word formation: truncation of words: (based on the material of German colloquial substantive vocabulary). *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University], 2006, no. 1, pp. 182-189.
2. Antropova N.A. German colloquial word formation: special cases. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Bulletin of the Southern Federal University. Philological sciences], 2011, no. 4, pp. 65-70.
3. Bahun T.P., Ivanenko G.L. Occasional ways of word formation in German advertising texts. *Inostrannye yazyki: innovacii, perspektivy issledovaniya i prepodavaniya: materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Foreign Languages: Innovations, Prospects for Research and Teaching: Materials of the IV International Scientific and Practical Conference]. Minsk: BSU Publ., 2021, pp. 101-106.
4. Golev N.D. Spontaneous usualization of nominative units. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Ural State University], 2001, no. 21, pp. 94-101.
5. Golikova K.S. *Occasionalisms in modern German periodicals*. Tomsk: NI TSU Publ., 2018, 33 p.
6. Grigor'eva P.V. Blending as a type of non-casual word formation: to clarify the concept. *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniya* [World of Science, Culture and Education], 2019, no. 3(76), pp. 488-490.

7. Zamal'dinov V.E. Graphic hybrids as visual means of influence in the modern media text. *Gorizonty sovremennoj rusistiki: sbornik statej mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Horizons of Modern Russian Studies: Collection of Articles of an International Scientific Conference]. Moscow: SlotRL Publ., 2020, pp. 275-279.
8. Zemskaya E.A. Aktivnye processy v russkom slovoobrazovanii nashego vremeni [Active processes in the Russian word formation of our time]. *Acta Neophilologica*, VIII, 2006, pp. 9-21.
9. Zemskaya E.A. Game word formation. *Yazyk v dvizhenii: K 70-letiyu L.P. Krysin*. Moscow [Language in motion: To the 70th anniversary of L.P. Krysin]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2007, pp. 186-193.
10. Izotov V.P., Panyushkin V.V. *Non-standard ways of word formation. Lecture notes for the special academic course*. Orel: OGI Publ., 1997, 127 p.
11. Il'yasova S.V. Language game: word-formation, graphic, spelling (based on the texts of modern Russian media). *Medialingvistika* [Medialinguistics], 2015, no. 1(6), pp. 91-100.
12. Klimas I.S. Abbreviations as part of the current vocabulary of the Russian language. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikaciya* [Language Theory and Intercultural Communication], 2016, no. 3(22), pp. 73-81.
13. Konopkina E.S., Lunina T.P. Truncation as a way of compressive word formation. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* [Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanities studies], 2021, no. 2(31), pp. 107-111.
14. Krysin L.P. On some new types of words in the Russian language: words-"centaurs". *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of Nizhny Novgorod University named after. N.I. Lobachevsky], 2010, no. 4(2), pp. 575-579.
15. Merkur'eva N.M. Occasional and new composite words in the dictionary of complex words of the Russian language. *Vestnik RUDN. Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [Bulletin of RUDN University. Theory of language. Semiotics. Semantics], 2016, no. 2, pp. 175-181.

16. Namitokova R.Yu. *Avtorskie neologizmy: slovoobrazovatel'nyj aspect* [Author's neologisms: the word-formation aspect]. Rostov-na-Donu: Rostov Univ. Publ., 1986, 156 p.
17. Namitokova R.Yu. *Author's neologisms: structure and functioning (based on the material of Russian poetry of the second half of the 20th century)*. Majkop: AGU Publ., 2015, 359 p.
18. Neftyasheva I.A. Occasional word as a phenomenon of postmodern aesthetics. *Teoriya i praktika onomasticheskikh i derivatologicheskikh issledovanij: kollektivnaya monografiya* [Theory and Practice of Onomastic and Derivatological Research: a Collective Monograph]. Majkop: Magarin Oleg Grigor'evich Publ., 2017, pp. 324-346.
19. Nikitina O.A. Truncation of one of the components of complex nouns as a linguistic reason for the development of new word meanings in modern German. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena* [Bulletin of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen], 2009, no. 111, pp. 146-157.
20. Nikitina O.A., Gudkova O.A. Contamination as a manifestation of playful word-making in the discourse on the COVID-19 pandemic (based on the material of neoplasms of the German language). *Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki* [Current Issues of Modern Philology and Journalism], 2020, no. 4(39), pp. 123-132.
21. Popova T.V. Grafiksaciya kak novoe yavlenie v yazyke i nauchnoj kognicii [Graphization as a new phenomenon in language and scientific cognition]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2011, no. 24 (239), pp. 160-163.
22. Rebrina L.N. New socionyms in internet communication 2000-2022: functional and semantic characteristics. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika* [Research and Development. Modern Communication Studies], 2023, no. 4(65), pp. 87-97.
23. Rebrina L.N. Disapproved/approved fragments of contemporary social reality: unusual neonominations. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Volgograd State University], 2023a, no. 22(2), pp. 5-22. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.2.1>

24. Rebrina L.N. Current socionyms in German Internet communication in 2000-2023: semantic dichotomies Poor – Rich, Local – Alien. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], 2023b, no. 12(3), pp. 171-189. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-3-171-189>
25. Hrushchyova O.A. *Universal and linguocultural features of blending: Abstract of PhD dissertation*. Chelyabinsk, 2011, 23 p.
26. Shatalova Yu.N. Otonymic neoplasms in modern Russian. *Problemy regional'noj onomastiki* [Problems of Regional Onomastics]. Majkop, 2006, pp. 223-225.
27. Shatalova Yu.N. Non-standard ways to create new words in everyday spoken language. *Molodoj uchyonyy* [Young Scientist], 2009, no. 2, pp. 192-196.
28. Shatalova Yu.N. Word creation in everyday speech (structural, semantic and functional aspects): Abstract of PhD dissertation. Belgorod, 2013, 23 p.
29. Shmeleva T.V. Non-linear syntax. *Russkij yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost* [The Russian Language: Historical Destinies and Modernity], 2007, pp. 262.
30. Dargiewicz A. Fremde Elemente in Wortbildungen des Deutschen. Zu Hybridbildungen in der deutschen Gegenwartssprache am Beispiel einer raumgebundenen Untersuchung in der Universität- und Hansestadt Greifswald. *Schriften zur diachronen und synchronen Linguistik*, 2013, no. 10, Monographie, 416 S.
31. Daróczy I. Merkmale und Funktionen von Okkasionalismen. *ACTA Universitatis, Germanistische Studien*, Band XII. 2020. S. 95-114.
32. Dressler W.U., Tumfar B., Kunisch D., Hanneschläger V. Poetische und theatersprachliche Okkasionalismen: Schöpfung neuer morphologisch komplexer Wörter bei Joseph von Eichendorff, Johann Nepomuk Nestroy, Peter Handke und Arno Schmidt. *Kalbotyra*, 2023, no. (76), pp. 7-17. ISSN 1392-1517.
33. Elsen H. Das Kunstwort. *Muttersprache*, 2005, no. 115(2,) pp. 142-149.
34. Fellner R. *Okkasionalismen in Werbeslogans zwischen 2003 und 2008 unter besonderer Berücksichtigung der Branchen Kosmetik, Ernährung, Getränke und Pharmazie*. Wien: Universität Wien, 2009, 105 S.
35. Friedrich C. *Kontamination – zur Form und Funktion eines Wortbildungstyps im Deutschen*. Inaugural-Dissertation in der Philosophischen

- Fakultät und Fachbereich Theologie der Friedrich-Alexander-Universität Erlangen-Nürnberg, Ansbach, 2008, 549 S.
36. Gierden V.C., Hoffmann D. Wortbildung und Ad-hoc-Komposita: Typen, Implikationen und ihre möglichen Übersetzungen ins Spanische *Wortbildung heute. Tendenzen und Kontraste in der deutschen Gegenwartssprache*. Tübingen: Narr, 2008, S. 195-211.
37. Karbelaschwili S. *Lexikon zur Wortbildung der deutschen Sprache: Augmentation und Diminution*. Ed. 2., korrigierte und erw. Aufl. Regensburg: Fachverband Deutsch als Fremdsprache, 2001, 173 S.
38. Schindler W. Reduplizierende Wortbildung im Deutschen. *Phon. Sprachwiss. Kommun. Forsch (ZPSK)*, 1991, no. 44(5), S. 597-613.
39. Sisák L. Ad-hoc-Bildungen und ihre textuellen Bezüge. *Deutsche Sprache, Literatur und Kultur aus auslandsgermanistischer Sicht. Referate der Internationalen Germanistischen Konferenz*. Prešov: Philosophische Fakultät der Universität Presov, 2001, S. 134-144.

### ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

**Чукина Екатерина Сергеевна**, ассистент, аспирант кафедры иноязычной коммуникации и лингводидактики  
*Волгоградский государственный университет  
пр. Университетский, 100, г. Волгоград, Волгоградская область, 400062, Российская Федерация  
chukina@volsu.ru*

### DATA ABOUT THE AUTHOR

**Ekaterina S. Chukina**, Assistant, PhD student of the Department of Foreign Language Communication and Linguodidactics  
*Volgograd State University  
100, Universitetskiy Ave., Volgograd 400062, Russian Federation  
chukina@volsu.ru*

Поступила 24.06.2024  
После рецензирования 31.07.2024  
Принята 13.08.2024

Received 24.06.2024  
Revised 31.07.2024  
Accepted 13.08.2024

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-429  
УДК 811.221.18



Научная статья |  
Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

## ТРУДНОСТИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОЛИСЕМИИ И ОМОНИМИИ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

*Л.Б. Моргоева*

**Обоснование.** Содержательная сторона лексической единицы является центральной и наиболее значимой при анализе структурно-семантических связей слов и их классификации с учетом выявленных особенностей. Для осетиноведения такие исследования представляются особенно актуальными, поскольку семантические изменения в слове, связанные с явлениями многозначности и омонимии в осетинском языке недостаточно изучены.

**Цель.** Статья посвящена изучению семантических связей между лексическими единицами осетинского языка и рассмотрению механизмов их функционирования в условиях полисемии и омонимии. Современное состояние осетинского языка позволяет утверждать, что слова склонны к расширению границ своего семантического поля, в результате которого становится возможным обособление отдельных его значений в самостоятельные лексические единицы. Автор ставит целью рассмотрение основных принципов распознавания омонимов и установление границ многозначности с привлечением приемов контекстного использования.

**Метод и методология проведенной работы.** Используются методы структурно-семантического анализа, сравнения и обобщения.

**Результаты.** Для определения семантических возможностей слова и особенностей функционирования его значений в контекстном окружении проведен анализ лексикографических

*источников в сопоставлении с иллюстративным материалом. Сплошная выборка показала некоторые расхождения в словарных дефинициях и в определении семантических связей между значениями. Это связано с тем, что расхождение значений происходит вследствие распада полисемии, и при пограничных случаях эти значения могут относиться к одной лексической единице или быть представлены как омонимы. Применительно к лексике осетинского языка рассмотренные способы выявления омонимов оказываются эффективными только при комплексном использовании.*

**Область применения результатов.** *Результаты проведенного исследования могут быть полезны в области лексикологии и послужить для более глубоко и детального анализа явлений полисемии и омонимии в осетинском языке при разработке актуальных принципов разграничения омонимов от многозначных слов.*

**Ключевые слова:** *лексика; семантические связи; полисемия; омонимия; осетинский язык*

**Для цитирования.** *Моргоева Л.Б. Трудности разграничения полисемии и омонимии в осетинском языке // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 3. С. 53-72. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-429*

Original article | Theoretical, Applied and Comparative Linguistics

## DIFFICULTIES IN DISTINGUISHING POLYSEMY AND HOMONYMY IN THE OSSETIAN LANGUAGE

*L.B. Morgoeva*

**Background.** *The content side of a lexical unit is central and most significant in the analysis of structural-semantic connections of words and their classification taking into account the identified features. For the Ossetian studies, such type of scientific research seems especially relevant, since semantic changes in a word associated with the phenom-*

*ena of polysemy and homonymy in the Ossetian language have not been sufficiently studied.*

**Purpose.** *The article is devoted to the study of semantic connections between lexical units of the Ossetian language and consideration of the mechanisms of their functioning in conditions of polysemy and homonymy. The current state of the Ossetian language allows us to assert that words are inclined to expand the boundaries of their semantic field, therefore, it becomes possible to isolate individual meanings into independent lexical units. The author aims to consider the basic principles of recognizing homonyms and establishing the boundaries of polysemy using techniques of contextual use.*

**Method and methodology of the work performed.** *The methods of structural-semantic analysis and generalization were used.*

**Results.** *To determine the semantic capabilities of a word and the peculiarities of the functioning of its meanings in the contextual environment, an analysis of lexicographic sources was carried out in comparison with illustrative material. The complete sample showed some discrepancies in dictionary definitions and in the definition of semantic connections between meanings. This is due to the fact that the divergence of meanings occurs due to the collapse of polysemy and in borderline cases these meanings may refer to the same lexical unit or are presented as homonyms. In relation to the vocabulary of the Ossetian language, the considered methods for identifying homonyms are effective only when used in a complex manner.*

**Practical implications.** *The results of the study can be useful in the field of lexicology and serve for a more in-depth and detailed analysis of the phenomena of polysemy and homonymy in the Ossetian language when developing current principles for distinguishing homonyms from polysemantic words.*

**Keywords:** *vocabulary; semantic connections; polysemy; homonymy; Ossetian language*

**For citation.** *Morgoeva L.B. Difficulties in Distinguishing Polysemy and Homonymy in the Ossetian Language. Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2024, vol. 16, no. 3, pp. 53-72. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-429*



При исследовании вопросов осетинского языкознания ученые чаще всего придерживаются широкого понимания рассматриваемого явления. Это дает возможность всесторонне рассмотреть проблему, детально разобрать возможные причины возникновения изучаемого явления, его значимость, а также определить его функционально-коммуникативные особенности, оказывающие влияние на создаваемый текст.

I. Единицы языка свои формы и смысловые оттенки наиболее полно раскрывают в речи (тексте), где непосредственно демонстрируют свои функциональные возможности. Следует учитывать, что коммуникативные задачи семантики слова не всегда совпадают с субстанциональным и реляционным смыслами, поскольку последние связаны с лексикографическими отношениями и небольшими отрезками речи [17, с. 27]. Коммуникативные задачи семантики языковой единицы понимаются только в контексте, то есть в процессе функционирования. Именно так объясняет различия между контекстным и лексическим значением известный ученый Г.В. Колшанский. В первую очередь это связывается с тем, что возможности синонимии, омонимии и полисемии раскрываются на фоне соседства с другими словами внутри контекста. Исходя из этого, к наиболее точным и достоверным выводам можно прийти при рассмотрении семантики слова не только в отдельно взятом виде (в его лексикографической дефиниции), но и в контекстном употреблении.

Основной задачей лексикологии является изучение семантики слова и всестороннее исследование полисемии как явления, связанного с мыслительной деятельностью и как языковую универсалию. Многозначность всегда противопоставляется омонимии, поэтому первостепенной необходимостью является определение дифференциальных признаков этих двух явлений и изучение их функциональных особенностей [5, с. 109-110].

Процесс разграничения многозначности и омонимии сопряжен с достаточно сложными дискуссионными вопросами, решение кото-

рых зачастую приводит к противоречивым выводам. Это чаще всего связано с тем, что при определении дифференциальных признаков используются разные критерии, поэтому среди исследователей до сих пор нет единого мнения по этому вопросу.

**II.** Явление омонимии в осетинском языке до настоящего времени рассматривалось с позиций традиционной теории и относилось к одному из видов многозначности. В рамках такого подхода омонимы делятся на полные и неполные омонимы, а последние, в свою очередь, на омофоны, омоформы и омографы, определение которых теснейшим образом связано с морфологией, словообразованием и, конечно, с синтаксисом [13; 14; 20 и др.]. Надо сказать, что омонимы чаще рассматриваются в учебных материалах и носят описательный характер. Специальных работ, посвященных омонимии как самостоятельному языковому явлению, в осетинском языкознании до сих пор не существует.

Известно, что язык необходим для передачи некоторой информации, при которой демонстрируется внешняя видимая оболочка слова. Но язык был бы не жизнеспособен, если бы не существовало внутренней семиотики. «Определенные элементы языка, комбинируясь друг с другом в бесконечных качественно и количественно неодинаковых последовательностях, создают определенный текст «генетической» информации, который регулирует и прогнозирует возможные и невозможные, обязательные и необязательные пути существования, сосуществования и эволюции отдельных звеньев языкового механизма, накладывает «запреты» на одни участки языкового пространства и снимает их с других» [19, с. 7].

Главной особенностью языковой системы является способность языковых элементов к комбинаторным изменениям. На ранней стадии языкового развития в одном слове совмещаются два независимых друг от друга значения. В последующем, с развитием языка слово изменяет свои значения под влиянием процессов метафоризации, а отдельные слова, объединенные одним значением, претерпевают различные изменения, отдаляются друг от друга и становятся разными словами. Установить их связь возможно только в процессе

специальных лингвистических исследований.

При изучении семантики слова в первую очередь нужно учитывать его идеосемантику [2], его «внутреннюю форму» и мотивацию. «Внутренняя форма» является основополагающей для семантики слова, регулируется и выстраивает условия его использования, и раскрыть ее в полной мере представляется возможным только в рамках системы того языка, в котором эта форма возникла, с учетом всех экстралингвистических факторов. Исходя из этого, «выбор той или иной «внутренней формы» слова всегда обусловлен идеологически и, следовательно, культурно-исторически и социально [8, с. 311; 10]. Каждый язык имеет свои особенности и возможности функционирования, и не все значения слова могут реализовываться, а лишь те из них, которые, по мнению носителей языка, оказываются наиболее актуальными [19, с. 23]. Кроме того, со временем слово способно дополнительно приобретать не одно, а несколько различных семасиологических связей, при которых одно и то же значение слова обнаруживает связи с двумя или несколькими прототипами, полностью сохраняя при этом общую фонетическую структуру. В таких случаях без глубоких знаний и детального анализа становится затруднительным разграничение исторически сложившихся синонимов от значений, мотивированных связью с отдельными прототипами, то есть омонимами.

Явление многозначности встречается во всех языках и не является признаком бедности языка, а, скорее, демонстрирует семантические возможности слова, поэтому стремление устранить это явление из языкового употребления неоправданно. Если даже допустить такую возможность, то это деструктивно повлияет на естественное развитие языка. Создание искусственных препятствий для появления дополнительных смыслов и переносных значений может привести к излишнему нагромождению языка сложными сочетаниями и нежизнеспособными неологизмами.

Одним из наиболее распространенных и доступных способов определения семантики слова и раскрытия его смысловых оттенков всегда является комплексное рассмотрение лексикографического

описания слова вместе с предложенными вариантами его использования в речи с учетом сопроводительных стилистических помет. Однако следует помнить, что речь всегда протекает не только при помощи языковых и паралингвистических средств, но с участием фоновых знаний, которые могут выходить за рамки коммуникативных норм. К таким условиям можно отнести культурно-социальные предпосылки, различные виды импликаций и их варианты [17, с. 36]. Язык имеет много возможностей создания и демонстрации такой многозначности. Раскрытию многозначности слова способствует контекст, который создает благоприятные условия для закрепления новых семантических оттенков благодаря коммуникативным актам. В процессе речи человек пользуется нормами и грамматическими формами живого языка. Лексическая и грамматическая многозначность, явление омонимии и синонимии, риторический вопрос, различные виды пресуппозиции, авторское употребление слов и словосочетаний, – все они выполняют свои определенные функции только в контексте, когда коммуниканты хорошо понимают друг друга.

Лексическая и грамматическая многозначность занимает важное место в системе языка и возникает вместе с признаками абстрактного мышления человека. Однако, если бы языковая система основывалась лишь на этих признаках (принципах), то язык не смог бы реализовывать свои коммуникативные функции. Новые смысловые оттенки, возникающие в процессе речи или в авторских текстах, со временем закрепляются в словарях и справочниках.

**III.** Многозначность является отличительной особенностью знаковой системы любого естественного языка, результаты которой находят отражение в большинстве лингвистических словарей. Полисемия характеризуется наличием у языковой единицы нескольких значений. «Многозначность может «бытовать» в области грамматических значений, однако привычной областью ее бытования является лексическая система языка, где многозначным считается слово, обозначающее разные предметы и явления действительности, и значения которого (лексико-семантические варианты) нахо-

дятся в отношении выводимости». [10, с. 115].

Возникновение переносного значения слова и дальнейшее его существование тесно связано с условиями его использования в рамках контекста. Переносное значение зависит от границ ассоциативных связей, его понимания и правильного раскрытия смысла автором текста. Современная лексикология видит в многозначности слов их способность к семантическому варьированию и реализацию того или иного значения слова осуществляют контекст, ситуация или тематика речи [12, с. 105].

Чаще всего при анализе лексического значения, изучении явлений омонимии, синонимии или антонимии наилучшие условия создает контекст. Таким образом возникают эффективные способы устранения общей проблемы языковой номинации для определения стилистических особенностей, для понимания условий их использования, а в последствии при создании идеографических словарей. Для определения сколько-нибудь четких очертаний семантических границ слова недостаточно опираться только на его контекстную репрезентацию, так же как неверно ограничиваться лишь его лексикографическим представлением. К наилучшим результатам можно прийти только при всестороннем рассмотрении этого вопроса, поэтому большинство лингвистов при изучении семантики слова, несомненно, опираются на другие языковые единицы, в окружении которых находится изучаемое слово, то есть на контекст. По мнению Н.М. Шанского «Такое свойство, как многозначность, определяет большое значение для контекста для слова: вне контекста слово в своем значении определимо лишь приблизительно» [27, с. 46]. Схожее мнение высказывали и другие лексикологи [4; 17; 25 и др.].

Многозначность слова определяется как способность слова одновременно выражать несколько значений, то есть, являясь носителем одного значения, слово может указывать на другое явление объективной действительности при условии, что у них обнаруживаются какие-либо общие семантические признаки и свойства. Таким образом, многозначность возникает, когда наименование с одного

предмета переносится на другой предмет на основе какого-либо сходства: по внешнему виду, признакам, свойствам или функциям, реже – по эмоциональному сходству.

Большинство нейтральных слов, в том числе и осетинских, относится к разным тематическим группам: наименования растений (*бæрз* ‘береза’, *æхсæр* ‘орех’, *къабуска* ‘капуста’), животных и птиц (*бирæгъ* ‘волк’, *арс* ‘медведь’, *сæгъ* ‘козел’, *карк* ‘курица’), наименований людей по их роду деятельности (*хуыйæг* ‘швея’, *дохтыр* ‘врач’, *ахуыргæнæг* ‘учитель’). При этом практически все слова (за редким исключением) в определенных контекстных условиях способны приобретать новое, иное значение или дополнительные смысловые оттенки. Принято считать, что однозначные слова постоянны в своем значении, но даже среди них отмечают случаи перехода из одной отрасли знаний в другую или же их выход за пределы научного обихода и использование в публицистике, разговорной речи. Скажем, в медицине, биологии, лингвистике, истории и других науках встречаются общие термины (*реципиент*, *морфология*, *реконструкция*, *паремия* и др.). Чем употребительнее слово, тем больше у него возможностей для расширения семантического потенциала и закрепления приобретенного значения как нового самостоятельного [25]. Между всеми значениями слова обнаруживаются признаки семантической связи, сходства или иная причастность, на основе которой возникло новое значение.

Семантическая структура и смысловое наполнение слова отражаются в толковых словарях. Полнота описания в них напрямую отражает уровень развития лексикологии того или иного языка. Провести разграничение между словами с отдалившимися значениями и словами с переносными значениями возможно только при условии, что лексикология достаточно глубоко и всесторонне изучена. Так, в осетинском языке встречаются слова с 6-10 значениями, часть из которых по определенным признакам можно отнести к омонимам. Вместе с тем основная часть вторичных значений появляется в процессе метафоризации и метонимии, а сами значения характеризуются как языковые метафоры. Метафорами становятся

наименования людей, зверей, птиц, домашних животных, насекомых и названия действий всех перечисленных одушевленных предметов, а также названия предметов домашнего обихода, растений, природных явлений. К примеру, слова *'калм' арс* 'змея', медведь, *рувас* 'лиса', *цъиусур* 'коршун', *иблис* 'дьявол' *хэйрæг* 'черт', *куыдз* 'собака', *хæрæг* 'осел', *тугъыр* 'кровопийца' часто соотносятся с человеком; *къуым* 'угол' (в значении «дома»), *зындон* 'ад' (тяжелая жизнь) и др. Метафоричными бывают не только существительные, но прилагательные, глаголы и даже наречия: *цахдæжын митæ* 'солёные поступки' (лишние действия), *гæбæр адаймаг* 'паршивый человек', *стаæд уæвын* 'вскипеть' (разозлиться), *æруазал уæвын* 'остыть' (успокоиться) и др. [15, с. 75].

Несколько иным видом многозначности является метонимия и ее подвид – синекдоха. Они не настолько глубоко и подробно исследуются, особенно в осетинском языке, но что касается метафоры и связанных с ней процессов, то работ по ним более чем достаточно как в общем, так и в осетинском языкознании. Однако невозможно, не затрагивая метафору, исследовать и вопросы стилистики [14; 20; 26 и др.]. Вместе с тем омонимия в осетинском языке осталась без внимания и до сих пор не получает достаточного изучения.

**IV.** Большая часть знаменательных слов в осетинском языке способна выражать не одно, а два и более значений. Это обеспечивается главным образом за счет метафоризации, благодаря которой возникают вторичные значения, сохраняющие семантическую связь с исходной семьей. «Разные лексико-семантические варианты с совпадающей формой относятся либо к одной (случай полисемии, или многозначности), либо к разным лексемам (случай омонимии)» [12, с. 106].

Кардинальное отличие омонимии от многозначности в своих работах отмечают многие известные ученые. Семантическими вариантами одного слова считаются только такие образования, которые по своему языковому происхождению обнаруживают прямые и тесные семантические связи, при которых одно слово является основным, главным, а другое – его производным [27, с. 52; 28]. В

свою очередь, омонимы семантически никак не пересекаются и не имеют ничего общего между собой, кроме внешнего сходства, или же «былая связь между значениями омонимов с точки зрения современного состояния утрачена» [12, с. 106].

Эта позиция была бы вполне оправданной и состоятельной, если бы явления омонимии и многозначности в осетинском языке были в должной степени изучены и не рассматривались бы в сопоставлении друг с другом и в параллели: омонимию рассматривают в сравнении с синонимией, а синонимию – с омонимией. При изучении лексической омонимии чаще всего рассматриваются омонимы, для которых характерно полное соответствие написания и произношения во всех грамматических формах слов, относящихся к одной части речи: *бал* 'вишня (дерево и плод этого дерева)' / *бал* 'группа, стая, ватага', *ком* 'ущелье' / *ком* 'рот, пасть', *сис* 'ограда, стена' / *сис* 'перо (птичье)' и др. [15, с. 77]. Однако омонимов в осетинском языке гораздо больше, и разграничению они поддаются не так легко, как может показаться. Так, из приведенных примеров следует, что слова, состоящие в омонимичных отношениях, могут иметь самостоятельные полисемантические связи, возникающие на основе метафоры, метонимии или синекдохи. В отдельных случаях слова омонимичной пары могут быть представлены как единицы, относящиеся к одной лексеме: *ком* – 1) рот, пасть; 2) открытая сторона мешка; горлышко (кувшина); 3) ущелье; 4) острие, лезвие (ножа, сабли) [22, с. 260].

К неполным омонимам относятся слова, у которых грамматическая система совпадает не полностью, то есть слова омонимического ряда в других грамматических формах изменяют свой вид. Скажем: *бон* 'день' / *бон* 'сила', возможность'; *барзай* 'шея' / *барзай* (форма отложит. падежа 'береза'), *рог* 'легкий (вес)' / *рог* 'легкое (часть тела)', *рох* 'повод, уздечка' / *рох* 'забытый' и т.д. Однако и они в различных источниках представлены и как омонимы, и как многозначные слова.

В общей теории среди неполных омонимов различают *омоформы*, *омофоны* и *омографы*, а некоторые ученые склоны относить



к ним и *паронимы* [27, с. 53; 11; 25; 28 и др.]. В осетинском языке такая классификация также актуальна, и в качестве самостоятельных групп омонимов они фигурируют во всех соответствующих работах, но нигде подробно не рассматриваются и не анализируются [13; 15; и др.].

Причин возникновения омонимов несколько. Некоторые исследователи в качестве основного источника пополнения омонимов выносят на первый план историческое сложившееся семантическое сходство двух лексем [2; 16], а другие ученые ставят этот критерий на последнее место [3; 7; 18; 21 и др.].

Таким образом, омонимы возникают благодаря процессам исторического развития языка. *Во-первых*, полисемантические связи многозначных слов нарушаются: в процессе исторического развития разные значения одного и того же слова настолько отдаляются друг от друга, что мы их начинаем воспринимать как разные слова. Их некогда существовавшая семантическая близость подлежит восстановлению только благодаря этимологическому анализу. Однако в ряде случаев слова, в этимологическом словаре представленные как многозначные, в современных словарях имеют отдельные дефиниции. В качестве примеров можно привести слова *дзоныгъ* ‘сани’ / *дзоныгъ* ‘челюсть’; *дзуар* ‘святилище’ / *дзуар* ‘оспа’; *курдиат* ‘просьба’ / *курдиат* ‘талант, дарование’; *каердаен* ‘платок женский головной’ / *каердаен* ‘ножницы’ [1, т. 1, с. 397, 401, 583, 602; 22, с. 224, 255, 266].

Как видим, полисемия нарушается не внезапно, для этого нужно достаточно продолжительное время. Кроме того, не всегда можно однозначно определить, окончательно ли разошлись значения и стали самостоятельными, или в некотором сходстве все еще можно уловить некогда существовавшие связи и семантическую близость.

*Во-вторых*, причиной возникновения омонимов может быть звуковое совпадение диалектного и литературного слов с разными значениями. Скажем: в иронском диалекте *сера* ‘обвязка отверстия маслобойки’ (ирон. диал.) / *сера* ‘боковая (не фасадная) стена дома, двора’ (диг. диал.) [1, 3 т., с. 100]; *сус* ‘молчание’, ‘безмолвие’ (*ныссус каенын*

‘заставить молчать’) / *сус* ‘пустотелый’, ‘полый’, пористый’ (*сусдур* ‘пористый камень’) [1, т.3., с. 173]; *ласæг* ‘копна (сена)’ (диг. диал.) / *ласæг* ‘везущий, возчик’ (ирон. диал.) [1, т. 2, с. 13].

Объясняя появление омонимов, Н.М. Шанский выделяет три причины, которые связаны: а) со словами и формами слов, образованными посредством словообразовательных возможностей языка; б) с семантическим влиянием заимствованных из других языков слов на словарный состав языка при его обогащении заимствованиями; в) со звуковыми изменениями, происходящими в языке и изменениями фонетической системы [27, с. 55; 23, с. 16].

Е.И. Диброва предлагает собственную классификацию, в которую включает следующие пути пополнения омонимов: а) семантический – нарушение многозначного слова; б) словообразовательный – появление нового слова с другим значением; в) формальный – сходство грамматических парадигм форм слова; г) фонетический – звуковое (графическое) сходство путем заимствования или же исторические изменения звукового состава [24, с. 235-237].

Звуковое сходство заимствованного слова со словом, уже имеющимся в языке, но с другим значением, а также фонетические и орфографические изменения, в результате которых возникает такое сходство, наряду с остальными выделяются как причины появления омонимов, однако в осетинском языке подобные изменения редко влекут за собой омонимию. Именно поэтому количество омофонов и омографов в осетинском языке существенно ограничено.

Как видим, одни ученые основным источником появления омонимов считают словообразовательные процессы, другие – их появление связывают с изменением многозначности и нарушением семантических связей. Однако все исследователи сходятся во мнении, что полисемию и омонимию трудно разграничить, поскольку фонетическое сходство мешает сделать однозначно правильный вывод без привлечения этимологических сведений о слове и анализа его идеосемантики.

В нашем понимании явление омонимии тесно связано с некогда существовавшей многозначностью слова, даже если слова, на первый взгляд, не обнаруживают явные связи. «Ведь самое признание

того, что омонимы могут образоваться вследствие семантического расщепления многозначного слова, предполагает признание определенного семантического процесса, приводящего к переходу многозначности в омонимию», – пишет Д.Н. Шмелев, говоря об омонимах [28, с. 87]. И далее: «Вряд ли оправданно представлять этот процесс как какой-то мгновенный акт, после которого вместо одного слова с двумя различными значениями в языке появляются два различных слова, совпадающих только своей звуковой формой. Поэтому, конечно, в языке в каждый период его существования могут быть промежуточные, переходные случаи, однозначная характеристика которых оказывается затруднительной» [Там же].

Называют несколько способов отличия омонимии от полисемии. Одним из них является подбор синонимов к слову и их сопоставление. Скажем, *фыд* – *дзидза* ‘мясо’ / *фыд* – *ныййарджытсей иу* ‘отец’. Другим способом определения многозначности является подбор однокоренных слов и сравнение их форм: Скажем, *тас* ‘таз’ – *тасы ныуудаин* ‘замочить в тазу’, *зеронд тасты* ‘в старых тазах’ / *тас* ‘страх, боязнь’ – *тасдзинад* ‘угроза, опасность’, *седас* ‘безопасный’, *тассаг уавар* ‘опасное положение»; *хос* ‘сено’ – *хосаваран* ‘сеновал’, *хосгардан* ‘сенокос, покос’, *хосдзау* ‘косарь’ / *хос* ‘лекарство, средство’ – *хуыфæджы хос* ‘средство от кашля’, *хосганæг* ‘лекарь, врач’, *хосганæн* ‘лекарственный’.

Кроме того, существует способ распознавания омонимов, который наиболее близок и привычен осетинскому языку. Семантика слова лучше просматривается внутри словосочетания, поскольку каждое слово имеет свой круг допустимой сочетаемости [4, с. 64]. При подборе таких словосочетаний четче просматривается значение, в котором используется слово внутри текста. Скажем, *сис* ‘ограда, стена’ – *бæрзонд* ‘высокая’, *фидар* ‘крепкая’, *дурамад* ‘каменная’, *Уыдзæн уæд сис ызнаггадæн æхгæд* ‘и будет заперта стена для злодеяний’ / *сис* ‘перо’ – *мæлхы сис* ‘павлинье перо’, *рог сис* ‘легкое перо’, *сисæй фыст дзырдтæ* ‘слова, написанные пером’ и под. Наконец, для разграничения омонимии и полисемии весомым и убедительным аргументом оказываются этимологические сведе-

ния о словах-омонимах [2; 8; 6].

V. Таким образом, при полисемии значения всегда между собой связаны деривационными связями и демонстрируют целостность семантической структуры многозначного слова. Нарушения этой структуры характеризуется выпадением одного из семантических звеньев слова, влекущим за собой распад полисемии и образование двух самостоятельных слов-омонимов. Процесс семантического распада занимает продолжительное время, и на промежуточных этапах возникают трудности отграничения полисемии от омонимии. В таких случаях эффективнее оказывается комплексное применение описанных нами способов выявления омонимов.

#### *Список литературы*

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: В 4 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958-1989. Т. I, 1958. 657 с.; Т. II, 1973. 448 с.; Т. III, 1979. 358 с.
2. Абаев В.И. Избранные труды. Т. 2. Общее и сравнительное языкознание. / Отв. ред. и сост. В.М. Гусалов. Владикавказ: Ир, 1995. 724 с.
3. Авдина А.И. Вопросы классификации омонимов (на материале словарей омонимов) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2022. Т. 19, № 2. С. 52-58. <https://doi.org/10.14529/ling220207>
4. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика (синонимические средства языка). 2-е изд., испр., доп. М.: «Восточная литература», 1995. 472 с.
5. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. М.: URSS, 2019. 296 с.
6. Бабайцева В.В. Понятие о функциональных омонимах // Русская словесность. 2003. № 3. С. 34-39.
7. Барабаш О.В. Разграничение омонимии и полисемии юридических терминов // Rhema. Рема. № 2. 2015. С. 39-51.
8. Виноградов В.В. Об омонимии и смежных явлениях // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С.

- 295-312.
9. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под ед. Г.А. Золотовой. 4-е изд. М.: Рус. яз., 2001. 720 с.
  10. Воркачев С.Г., Воркачева Е.А. Полисемия, контекст и трансляция смыслов // Современные исследования социальных проблем. 2020. Т. 12. № 5. С. 112-125.
  11. Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. Изд. 4-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2005. 408 с.
  12. Го Лицзюнь Соотношения между полисемией и омонимией и проблема их разграничения // Language. Philology. Culture. 2014. № 3. С. 103-125.
  13. Джусоева К.Г., Дзодзикова З.Б., Цопанова Р.Г. Современный осетинский язык: учебное пособие для вузов [на осетинском языке] / Науч. ред. З.Б. Дзодзикова. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2004. 243 с.
  14. Дзодзикова З.Б. Аналитизм в словообразовании осетинского языка: Монография. Владикавказ: ИПО СИГСИ, 2009. 160 с.
  15. Дзодзикова З.Б. Современный осетинский язык (Фонетика, лексика и фразеология, словообразование): учеб. пос. [на осетинском языке]. Владикавказ: ИПЦ СОГУ, 2017. 160 с.
  16. Исрафилов Н.Р. О смежных явлениях омонимии агульского языка // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2015. № 2(153). С. 43-46.
  17. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. М.: Наука, 1980. 154 с.
  18. Кругляк Е.Е. Семантическое заимствование в полисемии и омонимии. // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2016. Т. 16. Вып 1. С. 17-20.
  19. Маковский М.М. Удивительный ми слов и значений: Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике. М.: КомКнига, 2005. 200 с.
  20. Моргоева Л.Б. Явление функциональной омонимии в осетинском языке // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 9. С. 77-96. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-9-77-96>
  21. Никатуева З.Ш. Сопоставительный анализ лексических омонимов английского и даргинского языков // Мир науки, культуры, образо-

- вания. 2019. № 5(78). С. 480-482
22. Осетинско-русский словарь. 5-е издание / под ред. Т.А. Гуриева. Сост.: Б.Б. Бигулаев, К.Е. Гагкаев, Т.А. Гуриев, Н.Х. Кулаев, О.Н. Туаева. Владикавказ: Алания, 2004. 540 с.
  23. Современный русский язык: Учебник для бакалавров / Под ред. П.А. Леканта. 5-е изд. М.: Юрайт, 2013. 559 с.
  24. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: учеб. для студ. высш. учеб. заведений: в 2-х ч. Ч.1: Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Лексикология. Фразеология. Лексикография. Морфемика. Словообразование. / Е.И. Диброва, Л.Л. Касаткин и др.; Под ред. Е.И. Дибровой. М.: Изд. центр «Академия», 2001. 544 с.
  25. Уфимцева А.А. Лексическое значение: Принцип семасиологического описания лексики / Под ред. Ю.С. Степанова. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2002. 240 с.
  26. Цопанова Р.Г. Многозначность глагольных форм в осетинском языке: стилистический аспект // Актуальные проблемы современного образования в условиях двуязычия. Т. I. Владикавказ: Северо-Осетинский гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова, 2011. С. 280-286.
  27. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. Изд. 3-е, перераб. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 304 с.
  28. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973. 279 с.

### References

1. Abaev V.I. *Historical and etymological dictionary of the Ossetian language in 4 volumes*. Moscow; Leningrad: The USSR Academy of Sciences Publ., 1958-1989. Vol. I, 1958, 657 p.; Vol. II, 1973, 448 p.; Vol. III, 1979, 358 p.
2. Abaev V.I. *Selected works. Vol. 2. General and comparative linguistics*. Vladikavkaz: Ir Publ., 1995, 724 p.
3. Avdina A.I. Questions of classification of homonyms (based on the material of homonym dictionaries). *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics], 2022, vol. 19, no. 2, pp. 52-58. <https://doi.org/10.14529/>

- ling220207
4. Apresyan Yu.D. *Selected works. Vol. 1. Lexical semantics (synonymous means of language)*. 2nd ed., Moscow: Vostochnaja literatura Publ., 1975, 472 p.
  5. Akhmanova O.S. *Essays on general and Russian lexicology*. Moscow: URSS Publ., 2019, 296 p.
  6. Babaytseva V.V. The concept of functional homonyms. *Russkaya slovestnost'* [Russian Philology], 2003, no. 3, pp. 34-39.
  7. Barabash O.V. Distinction between homonymy and polysemy of legal terms. *Rhema*, 2015, no. 2, pp. 39-51.
  8. Vinogradov V.V. On homonymy and related phenomena. *Selected works. Research in Russian grammar*. Moscow: Nauka Publ., 1975, pp. 295 -312.
  9. Vinogradov V.V. *Russian language (Grammatical doctrine of the word)*. Ed. G.A. Zolotova, 4th ed. Moscow: Russkij jazyk Publ., 2001, 720 p.
  10. Vorkachev S.G., Vorkacheva E.A. Polysemy, context and translation of meanings. *Sovremennye issledovanija social'nyh problem* [Modern Studies of Social Problems], 2020, vol. 12, no. 5, pp. 112-125.
  11. Gvozdev A.N. *Essays on the stylistics of the Russian language*. 4<sup>th</sup> ed. Moscow: KomKniga Publ., 2005, 408 p.
  12. Go Litszyun' The relationship between polysemy and homonymy and the problem of their differentiation. *Language. Philology. Culture*, 2014, no. 3, pp. 103-125.
  13. Dzhusoeva K.G., Dzodzikova Z.B., Tsopanov R.G. *Modern Ossetian language: textbook*. Ed. Z.B. Dzodzikova. Vladikavkaz: SOGU Publ., 2004, 243 p.
  14. Dzodzikova Z.B. *Analyticism in word formation of the Ossetian language*. Vladikavkaz: IPO SIGSI Publ., 2009, 160 p.
  15. Dzodzikova Z.B. *The Modern Ossetian language (Phonetics, vocabulary and phraseology, word formation)*. Vladikavkaz: IPO SOGU Publ., 2017, 160 p.
  16. Israfilov N.R. On related phenomena of homonymy of the Agul language. *Vestnik Adygejskogo gos. un-ta. Serija 2: Filologija i iskusstvovedenie* [Bulletin of the Adyghe State University. Series 2: Philology

- and Art History], 2015, no. 2(153), pp. 43-46.
17. Kolshanskiy G.V. *Contextual semantics*. Moscow: Nauka Publ., 1980, 154 p.
  18. Kruglyak E.E. Semantic borrowing in polysemy and homonymy. *Izvestija Saratovskogo un-ta. Nov. ser. Ser. Filologija. Zhurnalistika* [News of the Saratov University. Series: Philology. Journalism], 2016, vol. 1b, no. 1, pp. 17-20.
  19. Makovskiy M.M. *The amazing world of words and meanings: illusions and paradoxes in lexicon and semantics*. Moscow: KomKniga Publ., 2005, 200 p.
  20. Morgoeva L.B. The phenomenon of functional homonymy in the Ossetian language. *Nauchnyj dialog* [Scientific Dialogue], 2023, vol. 12, no. 9, pp. 77-96. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-9-77-96>
  21. Nikatueva Z.Sh. Comparative analysis of lexical homonyms of English and Dargin languages. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija* [World of Science, Culture, Education], 2019, no. 5(78), pp. 480-482.
  22. *Ossetian-Russian dictionary*. 5th ed. Ed. T.A. Gurieva. Vladikavkaz: Alania Publ., 2004, 540 p.
  23. *The Modern Russian language: textbook*. Ed. by P.A. Lekant. 5th ed. Moscow: Yurait Publ., 2013, 559 p.
  24. *Modern Russian language: Theory. Analysis of linguistic units: textbook in 2 parts. Part 1: Phonetics and spelling. Graphics and spelling. Lexicology. Phraseology. Lexicography. Morphemics. Word formation*. Moscow: Academija Publ., 2001, 544 p.
  25. Ufimtseva A.A. *Lexical meaning: The principle of semasiological description of vocabulary* / Ed. Yu.S. Stepanov. Moscow: Editorial URSS Publ., 2002, 240 p.
  26. Tsopanova R.G. Polysemy of verb forms in the Ossetian language: stylistic aspect. *Aktual'nye problemy sovremennogo obrazovanija v uslovijah dvujazychija* [Actual Problems of Modern Education in the Context of Bilingualism]. Ed. by R.P. Bibilova. Vol. I. Vladikavkaz: North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov Publ., 2011, pp. 280-286.
  27. Shanskiy N.M. *Lexicology of the modern Russian language*. 3rd ed.



Moscow: LKI Publ., 2007, 304 p.

28. Shmelev D.N. *Problems of semantic analysis of vocabulary*. Moscow: Nauka Publ., 1973, 279 p.

### ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

**Моргоева Лариса Батразовна**, кандидат филологических наук,  
заведующий отделом современного осетинского языка  
*Центр развития осетинского языка Института истории и  
археологии Республики Северная Осетия-Алания*  
ул. Ватутина, 46, г. Владикавказ, Российская Федерация  
*Lalik\_m@mail.ru*

### DATA ABOUT THE AUTHOR

**Larisa B. Morgoeva**, Ph.D. in Philology, Head of the Department of  
Modern Ossetian Language  
*Center for the Development of the Ossetian Language, Institute of  
History and Archaeology of the Republic of North Ossetia-Alania*  
46, Vatutina Str., Vladikavkaz, Russian Federation  
*Lalik\_m@mail.ru*

Поступила 05.08.2024

После рецензирования 20.08.2024

Принята 02.09.2024

Received 05.08.2024

Revised 20.08.2024

Accepted 02.09.2024

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-432  
УДК 811.111



Научная статья | Языки народов зарубежных стран

## СЕМАНТИЧЕСКИЙ СДВИГ КАК МЕХАНИЗМ ПОПОЛНЕНИЯ СЛОВАРЯ ВИРТУАЛЬНОГО ДИСКУРСА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

*Ю.С. Гаврикова*

**Обоснование.** В статье рассматривается явление семантического сдвига и его виды в контексте их роли в процессе пополнения лексики виртуального дискурса. Актуальность данного исследования связана с тем, что данный вид дискурса постоянно пополняется новой лексикой, что обуславливает необходимость исследования механизмов данного процесса. В данной работе рассматриваются различные подвиды семантического сдвига как механизм пополнения словаря английского языка в рамках виртуального дискурса.

**Цель работы** – рассмотрение явления семантического сдвига и выявление его наиболее частотных видов как способа пополнения словарного запаса виртуального дискурса на английском языке.

**Материалы и методы.** Главный метод исследования в данной работе – компонентный анализ, с его помощью была выявлена специфика значения новых слов по сравнению со словами-основами. Метод сплошной направленной выборки применялся для отбора примеров неологизмов современного англоязычного виртуального дискурса. Также применялись контекстуальный метод и количественные методы.

**Результаты.** Результаты исследования показали, что семантический сдвиг является высоко продуктивным способом возникновения новой лексики в рамках виртуального дискурса английского языка. Виды семантического сдвига, которые являются основой для появления новых слов, разнообразны и включают следующие: метафорический перенос, метонимический перенос, ухудшение значения,

улучшение значения, сужение значения, расширение значения и гиперболизация значения. Были выявлены наиболее частотные виды семантического сдвига как механизма возникновения новой лексики в рамках виртуального дискурса на английском языке, которые включают в себя метафорический перенос, метонимический перенос и ухудшение значения. Высокая частотность последнего предположительно связана с широким распространением необходимости выразить коммуникативное намерение критики в современном виртуальном дискурсе и поиском носителями языка новых лексических инструментов для выражения данного намерения.

**Область применения результатов.** Полученные результаты могут быть использованы для дальнейшего изучения вопросов пополнения словаря виртуального дискурса и семантического сдвига как способа пополнения словаря английского языка по различной тематической отнесенности.

**Ключевые слова:** неологизм; семантический сдвиг; метафоризация; метонимизация; улучшение значения; ухудшение значения; сужение значения; расширение значения; гиперболизация; виртуальный дискурс

**Для цитирования.** Гаврикова Ю.С. Семантический сдвиг как механизм пополнения словаря виртуального дискурса английского языка // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 3. С. 73-88. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-432

Original article | Languages of Peoples of Foreign Countries

## SEMANTIC SHIFT AS A MECHANISM FOR EXPANDING THE VOCABULARY OF THE ENGLISH LANGUAGE IN VIRTUAL DISCOURSE

*Y.S. Gavrikova*

**Background.** The article examines the phenomenon of semantic shift and its types in the context of their role in the process of replenishing the vocabulary of virtual discourse. The relevance of this study is due to the

*fact that this type of discourse is constantly replenished with new vocabulary, which necessitates studying the mechanisms of this process. This paper examines various subtypes of semantic shift as a mechanism for replenishing the vocabulary of the English language within virtual discourse.*

**The purpose of the work** is to study the phenomenon of semantic shift and identify its most frequent types as a way of replenishing the vocabulary of virtual discourse in English.

**Materials and methods.** The main research method in this work is component analysis, which was used to identify the specifics of the meaning of a new word in comparison with the base word. The continuous directional sampling method was used to select examples of neologisms of modern English-language virtual discourse. The contextual method and quantitative methods were also used.

**Results.** The results of the study showed that semantic shift is a highly productive way of the emergence of new vocabulary within the framework of the virtual discourse of the English language. The types of semantic shift that are the basis for the emergence of new words are varied and include the following: metaphorical transfer, metonymic transfer, deterioration of meaning, improvement of meaning, narrowing of meaning, expansion of meaning, and hyperbolization of meaning. The most frequent types of semantic shift as a mechanism for the emergence of new vocabulary within the framework of virtual discourse in English were identified, which include metaphorical transfer, metonymic transfer, and deterioration of meaning. The high frequency of the latter is presumably associated with the widespread need to express the communicative intention of criticism in modern virtual discourse and the search by native speakers for new lexical tools to express this intention.

**Practical implications.** The results obtained can be used for further study of the issues of replenishing the vocabulary of virtual discourse and semantic shift as a way of replenishing the vocabulary of the English language according to various thematic references.

**Keywords:** neologism; semantic shift; metaphorization; metonymization; improvement of meaning; deterioration of meaning; narrowing of meaning; expansion of meaning; hyperbolization; virtual discourse

---

**For citation.** *Gavrikova Y.S. Semantic Shift as a Mechanism for Expanding the Vocabulary of the English Language in Virtual Discourse. Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2024, vol. 16, no. 3, pp. 73-88. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-432*

### **Введение**

В рамках виртуального дискурса происходит постоянное возникновение новых лексических единиц, что предполагает наличие неугасающего исследовательского интереса к данной сфере. Семантический сдвиг как путь пополнения словаря английского языка представляет особый интерес, поскольку при отсутствии формальных признаков изменения значения происходят скрытые процессы, которые влияют на семантику и употребление языковой единицы.

В статье предпринимается попытка определить продуктивность семантического сдвига как способа пополнения словаря английского языка в рамках виртуального дискурса. Кроме того, рассматривается не только семантический сдвиг как целостное явление, но и его отдельные виды и выявляются наиболее частотные в пополнении словаря виртуального дискурса.

Наличие явления семантического сдвига механизма пополнения словарного запаса английского языка в рамках виртуального дискурса при учете его широкого распространения и появление новой полисемантической лексики в результате данного процесса обуславливают актуальность данного исследования и необходимость выявления и рассмотрения видов семантического сдвига присущих механизму пополнения словарного запаса английского языка в рамках виртуального дискурса на английском языке.

**Целью** данного исследования является рассмотрение семантического сдвига как механизма пополнения словарного запаса английского языка в рамках виртуального дискурса.

Технический прогресс, начиная с конца XX в. и по сей день, влияет на развитие не только терминологического аппарата, но и на пополнение словарного запаса практически во всех сферах жиз-

ни. Под его влиянием постоянно возникает новая лексика, которая призвана называть новые явления и предметы или давать новое переосмысленное значение понятиям, которые существовали и ранее, но к которым в обществе изменилось отношение.

Язык, являясь постоянно развивающейся системой, чутко реагирует на изменения в обществе, что является одним из его основных свойств и предназначений. По мнению Г. В. Колшанского, «язык в целом является динамической системой, поскольку он связан с деятельностью человека, способствующей непрерывному его развитию, обогащению и совершенствованию» [3, с. 69].

Лексика как языковой аспект претерпевает изменения с наибольшей степенью интенсивности. Данные изменения сводятся к двум противоположным процессам. С одной стороны, некоторые лексические единицы постепенно устаревают и выходят из обращения, в то время как другие лексические единицы, напротив, пополняют словарный запас языка.

Для вновь пришедшей в язык лексики в Лингводидактическом энциклопедическом словаре А.Н. Щукина находим следующее определение «неологизм – это слово или оборот речи, созданные для обозначения нового предмета или выражения нового понятия» [12, с. 175].

Кроме экстралингвистических факторов появлению неологизмов в языке способствуют и факторы внутриязыковые. В данной связи В.И. Заботкина отмечает, что «...неологизм – это результат новых ассоциаций или результат устранения омонимии и так далее, то есть при создании неологизма зачастую действуют чисто внутриязыковые стимулы» [2, с. 6].

Нет единого мнения касательно того сколько именно времени новое слово находится в статусе неологизма, такое состояние может длиться как несколько лет, так и десятилетий. Это связано с тем, что вхождение неологизма в словарный запас широкого круга носителей языка происходит с различной скоростью и зависит от множества индивидуальных факторов, среди которых конкретная прагматическая задача, которую призвано решить новое слово, сфера его употребления и многие другие.

Что касается роли интернета в появлении новой лексики, то в последние десятилетия она только возрастает. Если его изначальной функцией было хранение и передача данных, то сейчас интернет представляет пользователям разнообразные инструменты для общения на различных языках мира, включая английский.

«Особенностью интернет-коммуникации является эффективность. Пользователи электронной почты обнаружили, что эффективно изобрести новый набор аббревиатур для упрощения коммуникации, которые позже распространились в интернете с высокой скоростью. Например, именно так аббревиатура *ROFL* проникла в повседневную речь молодежи и даже на страницы некоторых уважаемых словарей» [11, с. 213]. Роль интернета в появлении слов сложно переоценить.

Интернет, используемый как платформа для общения, способствовал порождению нового вида дискурса, виртуального. По мнению О.В. Лутовиновой, виртуальный дискурс – это «текст, погружённый в ситуацию общения в виртуальной реальности, то есть особой модели реальности, возникающей на основе новых информационных технологий при помощи компьютерной и некомпьютерной техники» [7, с. 12]. По мнению некоторых исследователей, виртуальный дискурс может подразделяться на отдельные подвиды. Так, например, М.П. Таймур говорит о политическом виртуальном дискурсе, чьей основной функцией является оценочная интерпретация социополитических феноменов и событий [16, с. 448]. П.А. Балышев использует термин «образовательный виртуальный дискурс» для описания еще одного подвида виртуального дискурса в контексте исследования, а именно «разработки модели дискурс-ориентированной образовательной среды» [14, р. 89]. Также отечественные ученые занимаются исследованиями корпоративного виртуального дискурса [13, с. 150], массмедийного виртуального дискурса [4, с. 40], игрового виртуального дискурса [6, с. 206] и многих других его видов. Мы полагаем, что выделение подвидов виртуального дискурса носит прагматический характер и способствует достижению конкретных целей отдельного филологического исследова-

дования. В целом же виртуальный дискурс обладает определенными признаками, присущими виртуальному дискурсу в целом. По мнению Суворовой Е.В., основной из характерных особенностей виртуального дискурса является его «гибридная природа», связанная с тем, что виртуальная коммуникация обладает как признаками устного общения, так и признаками письменного общения. Благодаря гибридной природе виртуального дискурса он обладает чертами, которые в других видах дискурса были бы взаимоисключающими, а именно спонтанностью и возможностью корректировки высказывания, зависимостью от ситуации и ослабленной привязка к контексту, отсутствием невербального компонента и использованием его заменителей в виде символов-эмоджи [15, р. 31]. Специфические отношения между языковыми средствами, коммуникативным намерением и ситуацией общения (контекстом) делают виртуальный дискурс гибким в выборе и создании новых средств выражения мысли. Данное утверждение справедливо для различных аспектов языка и в первую очередь для лексики.

Новая лексика приходит в английский язык различными способами, среди которых выделяются морфологические способы словообразования и семантические способы словообразования. Если морфологические способы словообразования основаны на морфологической структуре слова, при котором приобретение нового значение обусловлено новой формой, то семантические способы словообразования основаны на явлении семантического сдвига.

О явлении семантического сдвига говорил еще Л. Блумфильд, выделяя следующие видов данного явления в зависимости от процесса, лежащего в их основе. Итак, по мнению исследователя, в основе семантического сдвига могут лежать следующие процессы: метафоризация, метонимизация, гиперболизация, использование литоты, ухудшение значения, улучшение значения, расширение значения и сужение значения [1].

Современные исследователи часто обращаются к явлению семантического сдвига как объекту исследования. Ученые изучают семантический сдвиг как совместно с другими средствами слово-



образования, так и как самостоятельный словообразовательный механизм. Так, Н.О. Турганбаев рассматривает семантический сдвиг, который происходит при использовании словообразовательных аффиксов [10, с. 65], в то время как З.В. Тодосиенко изучает семантический сдвиг как самостоятельное явление, акцентируя внимание на его роли в динамике пополнения словаря [7, с. 25]. В последнее время некоторые исследователи затрагивают также интенциональность как характеристику семантического сдвига [9, с. 188]. По мнению Осокиной Н.Ю., которая занимается рассмотрением семантического сдвига в глаголах английского языка, семантический сдвиг может отличаться по степени интенциональности [8, с. 108].

В современном английском языке явление семантического сдвига широко используется в качестве механизма пополнения словарного запаса английского языка в рамках виртуального дискурса.

### **Материалы и методы**

Практическим материалом данного исследования послужили 145 неологизмов, возникших в результате семантического сдвига в значении ранее существовавшей лексической единицы, в рамках виртуального дискурса английского языка. Корпус примеров был получен при помощи метода сплошной направленной выборки из видеохостинга YouTube и социальной сети Reddit.

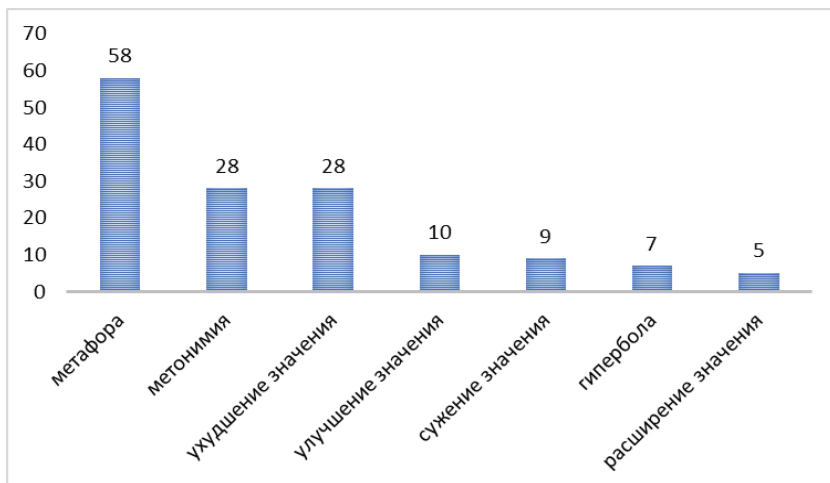
### **Результаты и обсуждение**

В нашей работе мы исходим из предположения о том, что семантический сдвиг является широко распространенным механизмом пополнения словарного запаса английского языка в рамках виртуального дискурса.

Отобрав методом сплошной направленной выборки корпус из 145 примеров английских неологизмов виртуального дискурса, все неологизмы, возникшие в результате семантического сдвига в значении ранее существовавшей лексической единицы, нами были выделены отдельные подгруппы согласно виду семантического

сдвига. За основу для группировки была использована классификация Л. Блумфильда.

В следующей диаграмме можно ознакомиться с количественными данными по каждому типу семантического сдвига.



**Диаграмма 1.** Типы семантического сдвига как механизм пополнения словарного запаса английского языка в рамках виртуального дискурса

В данной диаграмме можно увидеть, что метафорический семантический сдвиг является ведущим механизмом при образовании английских неологизмов виртуального дискурса и составляет 58 единиц из общего корпуса примеров, содержащих 145 единиц, что составляет 40%. Следующим по частотности видом семантического сдвига в исследуемых нами неологизмах является метонимия (28 единиц, 19%); далее, ухудшение значения (28 единиц, 19%), улучшение значения (10 единиц, 7%), сужение значения (9 единиц, 6%), гипербола (7 единиц, 5%) и, наконец, расширение значения (5 единиц, 3%).

Далее более подробно рассмотрим примеры каждого вида семантического сдвига, который является механизмом пополнения словарного запаса английского языка в рамках виртуального дискурса.

Наиболее частотная группа **метафорического** семантического сдвига представлена, например, такими лексическими единицами,

как *plugged* и *snowflake*. Первоначальное значение слова *plugged* «подключенный к розетке», получило метафорическое переосмысление, в результате которого в современном виртуальном дискурсе прилагательное *plugged* применяют по отношению к человеку, много времени проводящему в социальных сетях. Также метафорическому переосмыслению было подвергнуто слово *snowflake*. В данном случае метафорическая ассоциация связана с тем, что форма снежинок уникальна и не повторяется. Таким образом, *snowflake* используется по отношению к человеку, который считает себя уникальным и особенным.

Среди примеров **метонимического** семантического сдвига находим такие единицы, как *silver surfer* и *popcorn brain*.

Метонимическая связь неологизма *silver surfer* основывается на переносе значения с внешней характеристики объекта на сам объект. *Silver surfer* обозначает пожилого человека, который много времени проводит в интернете.

На основе переноса действия на предполагаемый результат (просмотр фильмов, поедание попкорна и постоянное использование соцсетей могут привести к ухудшению внимания и других когнитивных функций) в современном виртуальном дискурсе *popcorn brain* обозначает физиологическое состояние, при котором человек не в состоянии удерживать свое внимание подолгу на одной цели, возникающее в результате длительного использования соцсетей.

Семантический сдвиг, основанный на **ухудшении значения**, также является основой появления неологизмов виртуального дискурса на английском языке. Так, лексическая единица *washing* изначально не имела в своем значении негативного коннотативного компонента, в то время как *AI washing* содержит ярко выраженный негативный компонент и обозначает вид поведения организации, которая пытается убедить общественность, что она использует технологии искусственного интеллекта в разработке своих продуктов, чтобы сделать их лучше, хотя на самом деле такие технологии не применяются. Еще одним примером ухудшения значения как типа семантического сдвига при возникновении неологизма является

нарицательное существительное *karen*, используемое для описания женщины, которая проявляет эгоистичное или слишком требовательное поведение. Изначально *Karen* является именем собственным и по своей сути не имеет отрицательной коннотации.

В некоторых случаях можно наблюдать противоположный процесс, при котором возникает или усиливается положительная коннотация языковой единицы, что является семантическим сдвигом, основанным на **улучшении значения**. Так, *cape* обозначает «поддерживать или защищать кого-то» и часто употребляется в контекстах, связанных с проведением сбора средств или иных кампаний в интернет-пространстве. *Password child* также приобретает положительную оценку и называет ребенка, чье имя родитель часто использует в качестве пароля к устройствам и аккаунтам из-за любви и привязанности к нему.

Несколько менее частотным способом создания английских неологизмов виртуального дискурса является семантический сдвиг, основанный на **сужении значения**. Среди примеров можно привести как широко известный неологизм *friend* (друг в социальной сети), так и менее известный, но постепенно входящий в английский язык неологизм *hallucination* в значении «правдоподобный, но неверный ответ искусственного интеллекта на поставленный вопрос».

Семантический сдвиг, основанный на **расширении значения**, наблюдаем в таких примерах неологизмов, как *wavy* в значении «модный» и *catfish* для наименования человека, который использует поддельную личность в соцсетях с целью привлечения внимания или даже мошенничества.

Семантический сдвиг, основанный **гиперболе**, является наименее частотным в выборке данного исследования, что не умаляет его роли в создании английских неологизмов виртуального дискурса. Так, например, *danger season* нередко применяется пользователями соцсетей по отношению к летнему сезону, если, по их мнению, лето несет с собой множество потенциальных опасностей. Также на преувеличении основано появление неологизма *digital amnesia*, которое обозначает состояние человека, при котором он не может

запомнить новую информацию из-за того, что привык постоянно полагаться на легкий доступ к информации в сети Интернет.

### **Заключение**

Подводя итог проведенному исследованию явления семантического сдвига как механизма пополнения словарного запаса английского языка в рамках виртуального дискурса, можно сделать определенные выводы. Во-первых, было выявлено, что семантический сдвиг является высоко продуктивным механизмом пополнения словарного запаса английского языка в рамках виртуального дискурса. Во-вторых, в рамках семантического дискурса виды семантического сдвига, которые являются механизмом для появления новых слов, разнообразны и включают следующие виды: метафорический перенос, метонимический перенос, ухудшение значения, улучшение значения, сужение значения, расширение значения и гиперболизация значения. И, наконец, были выявлены наиболее частотные виды семантического сдвига как механизма пополнения словарного запаса английского языка в рамках виртуального дискурса, которые включают в себя метафорический перенос, метонимический перенос и ухудшение значения. Высокая частотность последнего предположительно связана с широким распространением необходимости выразить коммуникативное намерение критики в современном виртуальном дискурсе и поиском носителями языка новых лексических инструментов для выражения данного намерения.

### ***Список литературы***

1. Блумфилд Л. Язык. М.: Либроком, 2017. 608 с.
2. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка. М.: Искусство, 1989. 126 с.
3. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 2018. 103 с.
4. Копачева А.Р. Особенности конфликтного диалога в виртуальном массмедийном дискурсе // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: Материалы

- XII Международной научной конференции, Челябинск, 11–12 апреля 2024 г. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2024. С. 39-42.
5. Костомарова К.П. Об одном семантическом сдвиге в истории прилагательного хороший // Славянский мир: общность и многообразие: Материалы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры, Москва, 23–24 мая 2023 г. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2023. С. 247-250.
  6. Левицкий А.Э. Виртуальный игровой дискурс как разновидность компьютерного дискурса (на примере игры «Disco Elysium») // Германистика – 2023: nove et nova: Материалы VI международной научной конференции, Москва, 29 ноября–01 декабря 2023 г. М.: Московский гос. лингвистический ун-т, 2024. С. 205-208.
  7. Лутовинова О.В. Языковая личность в виртуальном дискурсе: Автореф. дисс... д-ра филол. наук. Волгоград, 2013. 42 с.
  8. Осокина Н.Ю. Интенциональный семантический сдвиг на основе категории «градуальность» у глаголов (на материале произведений современных англоязычных авторов) // Перевод. Язык. Культура: Материалы IX между. научно-практической конф.-ии, Санкт-Петербург, 25 мая 2018 г. СПб: Ленинградский гос. ун-т им. А.С. Пушкина, 2018. С. 107-110.
  9. Тодосиенко З.В. Механизм метонимических сдвигов в семантической динамике словаря // Актуальные проблемы теоретической и прикладной филологии: Материалы IV Международной заочной (электронной) научной конференции, посвященной 60-летию филологического факультета БашГУ, Уфа, 15–16 декабря 2017 г. Уфа: Башкирский гос. ун-т, 2017. С. 185-190.
  10. Турганбаев Н.О. О субъектно-объектном спряжении и семантическом «сдвиге» в аффиксальных морфемах языка // Роль гуманитарных и социально-экономических наук в развитии общества: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции в 3-х ч., Белгород, 28 декабря 2018 г. Белгород: ООО «Агентство перспективных научных исследований», 2019. С. 61-66.

11. Шарипова В.А. Интернет-коммуникация: новые возможности и способы опосредованного общения или деградация языка // Вестник Башкирского университета. 2019. Т. 24, № 1. С. 210-214.
12. Шукин А.Н. Лингводидактический энциклопедический словарь. М.: АСТ, 2016. 746 с.
13. Эльбиздукаева З.И. Передача эмоциональности в виртуальном корпоративном дискурсе при переводе // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2022. № 15. С. 148-157.
14. Balyshev P. The stages of developing a discourse-oriented virtual learning environment model // *Technology and Language*. 2022, vol. 3, no. 3(8), pp. 88-105.
15. Suvorova E.V. Inference in the virtual discourse // *Humanitarian and Pedagogical Research*, 2021, vol. 5, no. 4, pp. 30-33.
16. Taymour M.P. Anthropocentric signs of linguocreativity in political virtual discourse // Диалог культур и цивилизаций: Сборник трудов III Международной научно-практической конференции, Москва, 14–16 апреля 2022 года. М.: Московский гос-лингв. ун-т, 2022. С. 447-455.

### References

1. Bloomfield L. *Language*. Moscow: Librokom Publ., 2017, 608 p.
2. Zabotkina V.I. *New vocabulary of the modern English language*. Moscow: Iskusstvo Publ., 1989, 126 p.
3. Kolshanskij G.V. *The objective picture of the world in cognition and language*. Moscow: Nauka Publ., 2018, 103 p.
4. Kopacheva A.R. Features of conflict dialog in virtual mass-media discourse. *Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kul'turologicheskom aspektah* [Word, statement, text in cognitive, pragmatic and cultural aspects]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 2024, pp. 39-42.
5. Kostomarova K.P. On one semantic shift in the history of the adjective good. *Slavjanskij mir: obshhnost' i mnogoobrazie* [Slavic World: Community and Diversity]. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2023, pp. 247-250.

6. Levitsky A.E. Virtual game discourse as a kind of computer discourse (on the example of the game “Disco Elysium”). *Germanistics – 2023: nove et nova*. Moscow: Moscow State Linguistic University, 2024, pp. 205-208.
7. Lutovinova O.V. *Linguistic personality in virtual discourse*. Abstract of PhD dissertation. Volgograd, 2013, 42 p.
8. Osokina N.Yu. Intentional semantic shift on the basis of the category “gradality” in verbs (on the material of works of modern English-speaking authors). *Perevod. Jazyk. Kul'tura* [Translation. Language. Culture]. St. Petersburg: Leningrad State University named after A.S. Pushkin, 2018, pp. 107-110.
9. Todosienko Z.V. Mechanism of metonymic shifts in the semantic dynamics of the dictionary. *Aktual'nye problemy teoreticheskoy i prikladnoj filologii* [Modern problems of theoretical and applied philology]. Ufa: Bashkir State University, 2017, pp. 185-190.
10. Turganbaev N.O. On subject-object conjugation and semantic “shift” in affixal morphemes of the language. *Rol' gumanitarnyh i social'no-jeekonomicheskikh nauk v razvitii obshhestva* [The role of humanities and socio-economic sciences in the development of society]. Belgorod: OOO Agency for Advanced Scientific Research Publ., 2019, pp. 61-66.
11. Sharipova V.A. Internet communication: new opportunities and methods of indirect communication or degradation of language. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University], 2019, vol. 24, no. 1, pp. 210-214.
12. Shchukin A.N. *Linguodidactic encyclopedic dictionary*. Moscow: AST Publ., 2016, 746 p.
13. Elbuzdukaeva Z.I. Transmission of emotionality in virtual corporate discourse in translation. *Professional'naja kommunikacija: aktual'nye voprosy lingvistiki i metodiki* [Professional communication: topical issues of linguistics and methodology], 2022, no. 15, pp. 148-157.
14. Balyshev P. The stages of developing a discourse-oriented virtual learning environment model. *Technology and Language*, 2022, vol. 3, no. 3(8), pp. 88-105.
15. Suvorova E.V. Inference in the virtual discourse. *Humanitarian and Pedagogical Research*, 2021, vol. 5, no. 4, pp. 30-33.



16. Taymour M.P. Anthropocentric signs of linguocreativity in political virtual discourse. *Dialog kul'tur i civilizacij* [Dialogue, Cultures and Civilizations]. Moscow: Moscow State Linguistic University, 2022, pp. 447-455.

### ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

**Гаврикова Юлия Сергеевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка  
*Воронежский государственный педагогический университет*  
*ул. Ленина, 86, г. Воронеж, 394043, Российская Федерация*  
*ykanshina@yandex.ru*

### DATA ABOUT THE AUTHOR

**Yuliya S. Gavrikova**, Cand. Phi. (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages  
*Voronezh State Pedagogical University*  
*86, Lenin Str., Voronezh, 394043, Russian Federation*  
*SPIN-code: 4164-6690*  
*ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8526-1629>*

Поступила 10.09.2024

После рецензирования 18.09.2024

Принята 28.09.2024

Received 10.09.2024

Revised 18.09.2024

Accepted 28.09.2024

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-435

УДК 811.111: 81'276.6



Научная статья | Языки народов зарубежных стран

## АНАЛИЗ ПОНЯТИЙ «БИНОМИАЛ» И «ДУБЛЕТ» В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ЮРИДИЧЕСКОГО АНГЛИЙСКОГО

*М.А. Гросс, Е.Б. Шевченко*

**Обоснование.** Сфера юридического английского языка представляет интерес как для ученых-лингвистов, так и для ученых-юристов. Несмотря на разные цели таких исследований, часто их предметом становятся двух- и многокомпонентные выражения, соединенные союзами «and» или «or». На данный момент применительно к этим выражениям используются различные термины, но наиболее часто встречающимися являются «дублет» и «биномиал».

**Цель** – определение наиболее подходящего термина для наименования двух- и многокомпонентных выражений в юридическом английском.

**Материалы и методы.** Двух- и многокомпонентные выражения были подвергнуты морфологическому, семантическому и этимологическому анализам. С целью проверки устойчивости данных выражений были использованы методы корпусной лингвистики.

**Результаты.** Двух- и многокомпонентные выражения, используемые в юридическом английском, обладают следующими характеристиками. Компоненты данных выражений всегда относятся к одной части речи и могут находиться в отношениях синонимии, комплементарности, или соотноситься как «часть и целое». Этимологически выражения могут состоять из исконно английских слов, либо из заимствованных из одного или двух языков, либо включать как заимствованное, так и английское слово. Порядок компонентов в выражениях может меняться, но всегда один из

вариантов встречается чаще. Весь комплекс выявленных характеристик охватывается понятием «биномиал», поэтому рекомендуется использовать именно его.

**Ключевые слова:** юридический английский; биномиал; дублет; синонимия; устойчивые выражения

**Для цитирования.** Гросс М.А., Шевченко Е.Б. Анализ понятий «биномиал» и «дублет» в контексте исследований юридического английского // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 3. С. 89-101. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-435

Original article | Languages of Peoples of Foreign Countries

## ANALYZING THE CONCEPTS OF “BINOMIAL” AND “DOUBLET” IN THE CONTEXT OF LEGAL ENGLISH STUDIES

*M.A. Gross, E.B. Shevchenko*

**Background.** *Legal English is a field of interest to both linguistic and legal scholars. Despite the different purposes of such research, two- and multi-component expressions connected by the conjunctions “and” or “or” are often the subject of such research. Various terms are currently used for these expressions, but the most common are “doublet” and “binomial”.*

**Purpose.** *Identifying the most appropriate term for naming two- and multi-component expressions in legal English.*

**Materials and methods.** *Two- and multi-component expressions have been analyzed in terms of morphology, semantics and etymology. The methods of corpus linguistics have been used to check the irreversibility of these expressions.*

**Results.** *Two- and multi-component expressions used in legal English have the following characteristics. The components of these expressions always belong to the same part of speech and can be in synonymous or complementary relations, as well as correlate as “part and whole”. In*

*terms of components' etymology, the expressions can include words etymologically English or borrowed from one or two languages, or both. The sequence of components in expressions may vary, but one of the variants is always more frequent. The whole complex of the identified characteristics is covered by the concept of "binomial", so it is recommended to use this term.*

**Keywords:** *legal English; binomial; doublet; synonymy; irreversible expressions*

**For citation.** *Gross M.A., Shevchenko E.B. Analyzing the Concepts of "Binomial" and "Doublet" in the Context of Legal English Studies. Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2024, vol. 16, no. 3, pp. 89-101. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-435*

## **Введение**

Проблемы юридического английского и его специфика являются предметом исследований как в юриспруденции, так и в лингвистике. Этому способствует в первую очередь главенствующая роль английского как языка международного общения и торговли. Как и любой язык, английский является отражением исторических процессов, протекавших во время его формирования, но в юридическом английском в силу его «ригидности» некоторые специфические лингвистические явления присутствуют в большей мере, чем в литературном или разговорном варианте. С одной стороны, это усложняет процесс понимания и применения юридического английского, но с другой стороны, это дает основу для многочисленных исследований, объектом которых часто является выявление и анализ особенностей юридического языка с целью его последующего упрощения.

В качестве часто встречающихся особенностей юридического английского ученые неизменно упоминают «дублеты» или «триплеты» (doublets, triplets). Иногда их также могут называть синонимическими цепочками или рядами, парными синонимами или терминам, а также плеонастическими построениями. Но наиболее часто встречающимися терминами являются «дублет» и «биномиал».

Под «дублетом» понимают устойчивые словосочетания, состоящие из двух слов, относящихся к одной части речи и соединенных союзами «and» или «or». Как правило, компоненты таких словосочетаний являются синонимами и использование второго компонента избыточно, поскольку он не несет дополнительного смысла. Если число компонентов – три, то словосочетание называют «триплетом». В случае большего количества компонентов применяется термин «синонимический ряд», но зачастую термин «дублет» используют в широком смысле для номинации не только двух-, но и многокомпонентных выражений, обладающих ранее указанными признаками (одна часть речи, синонимичность, союз и отсутствие дополнительного смысла у последующих компонентов).

Другим термином, часто применяемым по отношению к таким словосочетаниям, является «биномиал». Под «биномиалом» понимается словосочетание, состоящее из двух и более слов, относящихся к одной части речи, соединенных союзами «and», «or» или «but». При этом, в отличие от «дублета», компоненты «биномиала» могут находиться не только в синонимических, но и в антонимических и комплементарных отношениях, а также соотноситься как часть и целое. Также устойчивость словосочетания не является обязательной характеристикой «биномиала». Напротив, принято говорить об обратимых (свободных, «reversible») и необратимых (устойчивых, «irreversible») «биномиалах».

Таким образом для наименования одного и того же явления в теоретической литературе по юридическому английскому применяют два термина. Краткая характеристика данных понятий демонстрирует, что они обладают как схожими, так и отличающимися характеристиками. Следовательно, возникает вопрос – какой же из данных терминов наиболее полно и точно описывает рассматриваемое явление, активно исследуемое учеными.

Целью данной работы является выявление термина, наиболее подходящего для наименования устойчивых двухкомпонентных словосочетаний, характерных для юридического английского.

Для достижения данной цели будут выполнены следующие задачи:

- выделение ключевых характеристик понятий «дублет» и «биномиал» на основе определений, приводимых в теоретической литературе по лингвистике и юриспруденции;
- анализ самого лингвистического явления – двух- и многокомпонентных выражений – и выделение его характеристик;
- выбор наиболее подходящего термина на основе проведенного сравнительного анализа характеристик понятий и явления.

### **Материалы и методы**

В качестве основы исследования послужил список из 26 дублетов и 10 триплетов, приведенный в работе Р. Хая «Legal English» [8, р. 34-35]. Выражения из данного списка были подвергнуты морфологическому, семантическому и этимологическому анализам. Семантический анализ был проведен на основе монолингвальных словарей Oxford Learner's Dictionary [13], Merriam-Webster Dictionary [11], а также специализированных юридических словарей The Law Dictionary [16], в основе которого лежит уважаемый Black's Law Dictionary, и Legal Dictionary [10]. Этимологический анализ был осуществлен с помощью словаря Online Etymology Dictionary [12].

С целью определения устойчивости дублетов и триплетов, а также определения их альтернативных вариантов использовался составленный авторами корпус объемом около 1 млн. токенов, состоящий из различных типов договоров: трудовых, купли-продажи, аренды, услуг, поставки и оказания услуг. В случае отсутствия искомого дублета в упомянутом корпусе с той же целью использовался сайт Law Insider [9], представляющий собой обширную базу договоров.

### **Результаты и обсуждение**

Говоря о дублетах в юридическом английском, такие исследователи, как Б. Гарнер [5, р. 163], П. Теппер [15, р. 157], Р. Хай [8, р. 34], в качестве главной характеристики указывают синонимич-

ность компонентов, чем и обосновывают необходимость избегать их употребления и ограничиваться только одним словом. Размышляя о причинах появления дублетов, ряд авторов [4; 6] упоминает об историческом процессе отказа от использования французского языка в качестве языка юриспруденции и обращения к английскому. Они высказывают предположение, что дублеты являются результатом этого процесса и потому чаще всего представляют собой пару: слово из английского языка – слово из французского или латинского языка. Поскольку новое для юриспруденции слово могло не совпадать по значению с его французским эквивалентом, а также при отсутствии устоявшейся терминологии вызывать проблемы толкования у некоторых юристов, французский термин в дублете пояснял значение английского и позволял избегать недопонимания. Со временем необходимость в этом отпала, но юристы по привычке продолжали использовать распространенные дублеты, а потом и образовывать новые как стилистическую особенность юридического языка. Но при этом исследователи отмечают существование и дублетов, состоящих только из английских терминов, некоторые из которых возникли еще до нормандского завоевания [11, р. 99]. Их возникновение связывают с необходимостью заучивать текст устных «договоров» во времена отсутствия письменности. Такие древние «договоры» заключались путем произнесения стандартных фраз [17, р. 9-11].

Если посмотреть на понятие «дублет» шире – в рамках лингвистических исследований, которые не сосредоточены на юридическом английском, то можно четко выделить два признака дублетов: происхождение и синонимия. Дублетами считаются слова, называющие одно и то же явление или предмет, но эти слова могут представлять собой пару «незаимствованное слово и заимствованное», повторные заимствования из одного языка, или заимствования из разных языков [14, р. 3].

Также следует отметить, что в российском языкознании выделяется два вида дублетов: лексические и этимологические. Под лексическими дублетами понимаются абсолютные синонимы (также

называемые полными) [1, с. 211], в то время как этимологические дублеты представляют собой пары или группы слов, относящиеся к одной части речи, которые произошли от одного и того же слова. Но при этом они могут отличаться приставками или суффиксами, имеют разное произношение и значение [3, с. 268]. Дублеты в рамках нашего исследования не относятся ни к одной из данных разновидностей.

Что касается биномиалов, то наиболее полным исследованием об этом явлении в сфере юридического английского является монография М. Густафсон. В данной работе не только дается определение понятия как «последовательность двух слов, принадлежащих к одному формальному классу, которые являются синтаксически согласованными и семантически связанными» (здесь и далее перевод мой – М. Г.) [7, р. 74-75], но и классификации по различным основаниям, среди которых можно упомянуть обратимость (последовательность компонентов может меняться, но при этом один из вариантов встречается чаще), шаблонность (выражение существует только в одном варианте и изменение порядка упоминания компонентов приводит к потере смысла), и семантическая связь (компоненты могут быть синонимами либо антонимами, обладать отношениями «часть – целое», либо дополнять друг друга). Иными словами, в отличие от понятия «дублеты», понятие «биномиалы» также включает следующие случаи:

- выражение не является устойчивым (то есть используется лишь данным автором),
- компоненты выражения могут использоваться в свободном порядке и даже с разными союзами,
- семантические отношения между компонентами не ограничиваются синонимией.

Обобщим характеристики всех понятий в таблице 1.

Используя список дублетов (и триплетов), представленный в работе Р. Хая «Legal English» [8, р. 34-35], определим наличие у них вышеперечисленных признаков. Для наглядности количественные результаты данного анализа представлены в таблице 2.



Таблица 1.

**Характеристики понятий «дублет 1»  
(в исследовании юридического английского), «дублеты 2»  
(в прочих лингвистических исследованиях) и «биномиал»**

Дублет 1	Дублеты 2	Биномиал
1. устойчивое выражение из двух или более компонентов 2. одна часть речи 3. союзы and/or 4. синонимы 5. возможное разное происхождение	1. синонимы 2. слово исследуемого языка и заимствование, или 3. слова, заимствованные из разных языков, или 4. слова, заимствованные из одного языка в разные периоды	1. выражение из двух или более компонентов 2. одна часть речи 3. союзы and/or/but 4. синонимы, антонимы, комплементарные слова, часть и целое 5. возможна шаблонность выражения 6. возможна устойчивость выражения

Таблица 2.

**Количество выражений, обладающих характеристиками  
дублетов и биномиалов**

характеристики	количество (из 36)
состоит из двух компонентов	26
состоит из трех компонентов	13
компоненты принадлежат к одной части речи	36
соединены союзом and	36
соединены союзом or	33
соединены союзом but	—
Этимология компонентов выражения	
английский + английский	2
английский + заимствование	18
заимствование + заимствование (из разных языков)	12
заимствование + заимствование (из одного языка)	4
Семантические отношения между компонентами	
синонимические	23
антонимические	—
комплементарные	10
часть – целое	3
шаблонность выражения	6
обратимость	30

Следует пояснить, что суммарное количество выражений с союзами «and» и «or» больше 36, поскольку некоторые «дублеты» могут использоваться с обоими союзами, например *agree and/or covenant*, *authorize and/or direct*, *cancelled and/or set aside*, *deem and/or consider*,

*due and/or owing, goods and/or chattels, part and/or parcel*, и прочие.

Похожая ситуация возникает и с количеством двух- и трехкомпонентных выражений, так как некоторые дублеты, приведенные в выборке Р. Хая как состоящие из двух компонентов, могут также быть частью трехкомпонентного выражения, например *due and owing* используется в варианте *due, owing and duly invoiced, object and purpose – aim, object and purpose, perform and discharge – pay, perform and discharge*.

Исходя из проведенных структурно-семантического анализа и корпусного исследования, можно сделать следующие выводы.

Несмотря на то, что лингвисты, занимающиеся исследованием юридического английского, постоянно упоминают «дублеты» как одну из главных его особенностей и изучают их происхождение и использование, фактическое явление не соответствует определению понятия, используемого для его номинации. В качестве основной характеристики «дублетов» приводится синонимичность, при этом семантический анализ компонентов «дублетов» и «триплетов», приведенных в уже упомянутой работе, свидетельствует о том, что только в 23 выражениях из 36 компоненты связывает синонимия разной степени – от полной до частичной. К тому же проведенное корпусное исследование свидетельствует о том, что «устойчивость» также не является обязательной характеристикой, что выражается не только в вариативности порядка компонентов в «дублете», но и в возможности замены союза «and» на «or» и наоборот.

Что касается понятия «дублеты» в более широком лингвистическом смысле, то оно также не полностью описывает анализируемое явление, поскольку компоненты некоторых выражений имеют древне- или среднеанглийские корни и не были заимствованы из других языков. Синонимия, являясь одной из главных характеристик данного понятия «дублеты», также присуща не всем исследованным выражениям.

Последнее из рассматриваемых понятий – «биномиал» – наиболее полно описывает проанализированные двух- и трехкомпонентные выражения. Хотя среди них не встретилось отношений антонимии и союза «but», отрицать возможность их существования не следует ввиду ограниченности использованного списка.

### Заключение

Основываясь на дефинициях понятий «дублет» и «биномиал» и проведенных морфологическом, семантическом и этимологическом анализах, а также корпусном исследовании, можно сделать однозначный вывод, что лишь часть двух- и многокомпонентных выражений, свойственных для юридического английского и традиционно называемых «дублеты», обладает характеристиками, приписываемыми данному явлению. Поскольку устойчивость выражений, а также синонимичность и разность этимологии компонентов встречаются только у некоторых из них, представляется контрпродуктивным продолжать использовать термин «дублеты» применительно к таким выражениям как *due and owing, terms and conditions, acknowledge and agree* и прочим. Отказ от использования данного понятия и переход к более подходящему «биномиалы» позволит не только полнее учитывать особенности данного явления, но и потенциально добавить новые выражения к уже исследуемым. Альтернативным вариантом представляется применение термина «дублет» только к тем биномиалам, которые соответствуют необходимым требованиям устойчивости, синонимичности и разной этимологии компонентов.

### Список литературы

1. Лемов А.В. Тожественны ли дублеты-синонимы? // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 3. С. 211-213. <https://doi.org/10.17748/2075-9908.2015.7.3.211-213>
2. Ускова Т.В. История формирования англоязычной юридической терминологии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 13(829). С. 96-105.
3. Царевская И.В. О лингвистической природе этимологических дублетов // Вестник МГУКИ. 2014. № 5(61). С. 266-269.
4. Butt P., Castle R. *Modern legal drafting: A guide to using clearer language* (2nd ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2006, 274 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139168533>
5. Garner B.N. *The redbook: A manual on legal style* (Coursebook). 3rd ed. West Academic Publ., 2013, 656 p.

6. Gocić M.S. Cohesive devices in legal discourse // *Facta Universitatis Series: Linguistics and Literature*, 2012, vol. 10, no 2, pp. 89-98. URL: <http://facta.junis.ni.ac.rs/lal/lal201202/lal201202-04.pdf> (дата обращения: 18.08.2024)
7. Gustafsson M. *Binomial expressions in present-day English: A syntactic and semantic study*. Turku: Yliopisto, 1975, 173 p.
8. Haigh R. *Legal English*. Routledge-Cavendish, 2009, 343 p.
9. Law Insider. URL: <https://www.lawinsider.com> (дата обр.: 22.09.2024)
10. Legal Dictionary. URL: <https://dictionary.law.com> (дата обращения: 22.09.2024)
11. Merriam-Webster Dictionary <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 22.09.2024)
12. Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com> (дата обращения: 22.09.2024)
13. Oxford Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 22.09.2024)
14. Sesterhenn K.A. *An overview of the phenomenon of doublets in English*. MA Thesis. Athens, USA: The University of Georgia, 2011, 66 p. URL: [https://getd.libs.uga.edu/pdfs/sesterhenn\\_karen\\_e\\_201605\\_ma.pdf](https://getd.libs.uga.edu/pdfs/sesterhenn_karen_e_201605_ma.pdf) (дата обращения: 12.08.2024)
15. Terper P.P. *Basic legal writing for paralegals*. 2nd edition. McGraw-Hill/Irwin, 2008, 385 p.
16. The Law Dictionary. URL: <https://thelawdictionary.org> (дата обращения: 22.09.2024)
17. Tiersma P. *Legal language*. Chicago: University of Chicago Press, 1999, 340 p.

### *References*

1. Lemov A.V. Whether doublets-synonyms are identical or not. *Historical and social-educational ideas*, 2015. vol. 7, no. 3., pp. 211-213. <https://doi.org/10.17748/2075-9908.2015.7.3.211-213>
2. Uskova T.V. History of the formation of English legal terminology. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2019, no. 13(829), pp. 96-105.

3. Tsarevskaya I.V. On the linguistic nature of etymological doublets. *The bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*, 2014, no. 5(61), pp. 266-269.
4. Butt P., Castle R. *Modern legal drafting: A guide to using clearer language* (2nd ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2006, 274 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139168533>
5. Garner B.N. *The redbook: A manual on legal style* (Coursebook). 3rd Edition. West Academic Publ., 2013, 656 p.
6. Gocić M.S. Cohesive devices in legal Discourse. *Facta Universitatis Series: Linguistics and Literature*, 2012, vol. 10, no 2, pp. 89-98. URL: <http://facta.junis.ni.ac.rs/lal/lal201202/lal201202-04.pdf> (accessed August 18, 2024)
7. Gustafsson M. *Binomial expressions in present-day English: A syntactic and semantic study*. Turku: Yliopisto, 1975, 173 p.
8. Haigh R. *Legal English*. Routledge-Cavendish, 2009, 343 p.
9. *Law Insider*. URL: <https://www.lawinsider.com> (accessed September 22, 2024)
10. *Legal Dictionary*. URL: <https://dictionary.law.com> (accessed September 22, 2024)
11. *Merriam-Webster Dictionary*. URL: <https://www.merriam-webster.com> (accessed September 22, 2024)
12. *Online Etymology Dictionary*. URL: <https://www.etymonline.com> (accessed September 22, 2024)
13. *Oxford Learner's Dictionary*. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (accessed September 22, 2024)
14. Sesterhenn K.A. *An overview of the phenomenon of doublets in English*. MA Thesis. Athens, USA: The University of Georgia, 2011, 66 p. URL: [https://getd.libs.uga.edu/pdfs/sesterhenn\\_karen\\_e\\_201605\\_ma.pdf](https://getd.libs.uga.edu/pdfs/sesterhenn_karen_e_201605_ma.pdf) (accessed August 12, 2024)
15. Tepper P.P. *Basic legal writing for paralegals*. 2<sup>nd</sup> edition. McGraw-Hill/Irwin, 2008, 385 p.
16. *The Law Dictionary*. URL: <https://thelawdictionary.org> (accessed September 22, 2024)
17. Tiersma P. *Legal language*. Chicago: University of Chicago Press, 1999, 340 p.

### ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

**Милена Александровна Гросс**, старший преподаватель  
*Омский государственный технический университет*  
*пр. Мира, 11, г. Омск, 644050, Россия*  
*[gross\\_m\\_a@mail.ru](mailto:gross_m_a@mail.ru)*

**Елена Борисовна Шевченко**, старший преподаватель  
*Омский государственный технический университет*  
*пр. Мира, 11, г. Омск, 644050, Российская Федерация*  
*[pisma\\_shev@mail.ru](mailto:pisma_shev@mail.ru)*

### DATA ABOUT THE AUTHORS

**Milena A. Gross**, Senior Lecturer  
*Omsk State Technical University*  
*11, Mira Ave., Omsk, 644050, Russian Federation*  
*[gross\\_m\\_a@mail.ru](mailto:gross_m_a@mail.ru)*  
*SPIN-code: 3504-1630*  
*ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8506-7797>*  
*Scopus Author ID: 57210980548*

**Elena B. Shevchenko**, Senior Lecturer  
*Omsk State Technical University*  
*11, Mira Ave., Omsk, 644050, Russian Federation*  
*[pisma\\_shev@mail.ru](mailto:pisma_shev@mail.ru)*  
*SPIN-code: 4780-5978*

Поступила 24.08.2024  
После рецензирования 10.09.2024  
Принята 21.09.2024

Received 24.08.2024  
Revised 10.09.2024  
Accepted 21.09.2024

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-448

УДК 378.016:37.01:803.0:659.123.1:802.0



Научная статья |

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

## ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

*Е.Ю. Ладонина, Н.А. Сытина*

**Обоснование.** В данной статье авторы рассматривают проблему подготовки специалистов в области информационной безопасности с точки зрения комплексного подхода и с учётом предметных и межпредметных связей. Обосновывается необходимость практической составляющей, позволяющей симулировать реальные жизненные ситуации, что способствует развитию критического мышления и формирует умение работать в команде. При изучении дисциплины *Theory and practice of information security* (Теория и практика информационной безопасности) как части общепрофессиональной подготовки специалистов особое внимание уделяется модульному обучению, что обеспечивает снятие языковых и методических трудностей. Анализируются традиционные и инновационные подходы в учебном процессе, описываются отдельные виды упражнений для достижения целей обучения в каждом модуле.

**Цель исследования** – обосновать эффективность традиционных и проектных методов обучения, что дает возможность сформировать языковые и коммуникативные навыки в плоскости иностранного языка, а также научить решать профессионально значимую проблему в сфере информационной безопасности.

**Материалы и методы.** Для достижения цели были использованы следующие методы: теоретические (анализ научной и методической литературы) и эмпирические (обобщение личного педа-

гогического опыта и экспериментальное обучение в студенческих группах).

**Результаты.** Апробирован модульный подход и комплекс упражнений, направленный на формирование критического мышления и приемов сотрудничества в учебном процессе.

**Область применения.** Результатом исследования являются рекомендации по применению модульного подхода при преподавании дисциплины *Theory and practice of information security* в вузе для подготовки специалистов в области информационной безопасности.

**Ключевые слова:** информационная безопасность; теория и практика информационной безопасности; критическое мышление; ассоциативное мышление; командная работа; аутентификация; проектные технологии; кластер; кейс-метод; личностные компетенции

**Для цитирования.** Ладонина Е.Ю., Сытина Н.А. Основные аспекты подготовки специалистов в области информационной безопасности // *Современные исследования социальных проблем*. 2024. Т. 16, № 3. С. 102-113. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-448

Original article | Theoretical, Applied and Comparative Linguistics

## MAIN ASPECTS OF TRAINING SPECIALISTS IN THE INFORMATION SECURITY SPHERE

*E. Yu. Ladonina, N.A. Sytina*

**Background.** In this article, the authors consider the problem of training specialists in the information security sphere from the point of view of an integrated approach, taking into account disciplinary and interdisciplinary connections. The need for a practical component is proved, allowing for the simulation of real-life situations which contributes to the development of critical thinking and forms the ability to work in a team. When studying *Theory and Practice of Information Technology* as a part of the general professional training of specialists particular attention is paid to modular training, which ensures the removal of linguistic



*and methodological difficulties. Traditional and innovative approaches to the educational process are analyzed and individual types of exercises for achieving the learning objectives in each module are described.*

**The purpose of the study** is to confirm the effectiveness of traditional and project-based teaching methods which makes it possible to develop language and communication skills in learning a foreign language as well as to teach how to solve a professionally significant problem in the information security sphere.

**Materials and methods.** To achieve the goal, the following methods were used: theoretical (analysis of scientific and methodological literature) and empirical (generalization of personal pedagogical experience and experimental training in student groups).

**Results.** A modular approach and a set of exercises aimed at developing critical thinking and collaboration techniques in the educational process have been tested.

**Practical implications.** The result of the study is to give recommendations for the use of a modular approach in teaching the discipline Theory and practice of information technology at a university for training specialists in the information security sphere.

**Keywords:** information security; theory and practice of information security; critical thinking; associative thinking; teamwork; authentication; project technologies; cluster; case-study; personal competencies

**For citation.** Ladonina E. Yu., Sytina N.A. Main Aspects of Training Specialists in the Information Security Sphere. *Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues]*, 2024, vol. 16, no. 3, pp. 102-113. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-448

## **Введение**

В глобальной конкурентной экономике ценность знаний в сфере информационной безопасности нельзя недооценивать. Это подтверждают и итоги Всемирного молодежного форума, который проходил в 2024 г. в России на федеральной территории «Сириус». На форуме неоднократно подчеркивалось, что для эффективной защиты информации в современном мире необходимо обладать

определёнными знаниями и навыками, которые помогут предотвращать утечки конфиденциальных данных и защищать системы от кибератак. В связи с этим сотрудникам в сфере информационной безопасности требуется глубокое понимание технологий и процессов, связанных с информационной безопасностью, а также умение применять современные методы и инструменты для обеспечения защиты информации. Они должны быть готовы к постоянному обучению и развитию, так как эта сфера деятельности безусловно меняется и требует от специалистов регулярного обновления знаний и навыков. Следовательно, поставщики образовательных услуг, а именно высшие учебные заведения и учреждения среднего профессионального образования, должны оправдать ожидания бизнеса и подготовить студентов как профессионалов. При этом необходимо учитывать два важных аспекта. Во-первых, это развитие критического мышления у молодых людей, так как, получая знания о методах и технологиях защиты информации, они учатся, прежде всего, анализировать всякого рода уязвимые моменты и находить решения для их устранения. Без критического взгляда на проблемы безопасности невозможно развиваться в этой области. Во-вторых, важным является умение работать в команде, поскольку защита информации – задача не для одного человека. И только совместные усилия и командная работа могут обеспечить полноценную безопасность информационных систем. Все это меняет основные требования к подготовке обучающихся по направлению «Информационная безопасность». Как справедливо было отмечено, в общеизвестной триаде «знания-умения-навыки» появляется новая дидактическая единица «опыт практической деятельности» [1], что предполагает проведение интерактивных занятий с моделированием реальных жизненных ситуаций [6; 9].

### **Основная часть**

Как известно, в общеобразовательную программу профессиональной подготовки специалистов в области информационной безопасности наряду с другими дисциплинами профессиональной подго-

товки включена дисциплина Theory and practice of information security (Теория и практика информационной безопасности (на английском языке), которая дает студентам возможность ознакомиться с особенностями профессии и сформировать требуемые компетенции с учетом реалий современного мира. Бесспорно, специалисту в области информационной безопасности требуется специфическая лексика и терминология на английском языке. Однако сегодня этого недостаточно для полноценной подготовки специалистов в этой сфере.

Опыт преподавания данной дисциплины студентам направления подготовки «Информационная безопасность» в Волгоградском государственном университете (2020-2023) позволил выявить несколько проблем или факторов, среди которых можно выделить два основных: языковой фактор и методический фактор.

Кратко охарактеризуем обозначенные проблемы.

1) *Языковой фактор*. Студенты обнаруживают недостаточное знание английского языка, что негативно влияет как на усвоение дисциплины, которая читается на английском языке, так и дальнейшее интегрирование полученных знаний, навыков и умений в профессиональную деятельность.

2) *Методический фактор*. Опыт преподавания данной дисциплины свидетельствует о недостаточности традиционных вузовских занятий по английскому языку. Кроме того, современные методики постоянно пополняются новыми стратегиями, подходами и технологиями, которые позволяют достигнуть целей изучения дисциплин, такими как проектная технология и технология обучения в сотрудничестве, case-study, технология активного обучения, информационно-коммуникативные технологии, языковой портфель и др. В качестве учебника для преподавания дисциплины использовалось пособие English for Information Security [2]. Данный учебный материал и содержащиеся в нем упражнения позволяют формировать и развивать у студентов четыре основных навыка: чтение, аудирование, говорение и письмо. Вместе с тем структура пособия содержит теоретические и практические компоненты для развития критического (аналитического) мышления и навыка командной работы на

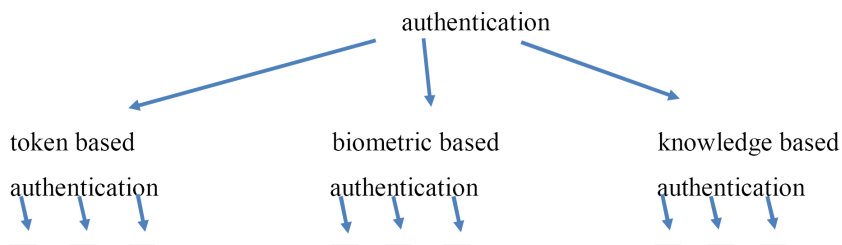
английском языке по проблемам информационной безопасности. В частности, учитывая потребности современного общества, авторы данной статьи выделили три основных модуля в преподавании данной дисциплины:

- развитие базовых лексических и грамматических умений;
- формирование основных коммуникативных навыков;
- введение и использование в процессе обучения новых технологий (в частности, проектной деятельности, например, кейс-метод, кластер и др.)

*Развитие базовых лексических и грамматических умений.* Необходимо подчеркнуть, что их формирование и развитие происходит наиболее успешно в условиях грамотной комбинации современных приемов, позволяющих заинтересовать и мотивировать обучающихся к освоению лексики и грамматики и создать комфортную психологическую атмосферу на занятии [12]. В данном модуле студенты компенсируют пробелы в знании английского языка с помощью традиционных методов и упражнений. Так, им предлагаются различного рода задания на выявление знаний по лексике. Например, соотнесите транскрипцию с выделенными словами в тексте и произнесите их (*Match the following transcriptions with the highlighted words and pronounce them*) или попробуйте угадать значения выделенных слов в тексте; затем соотнесите их с определениями (*Try to work out the meaning of the highlighted words. Then match them with their definitions*). А также задания по грамматическому аспекту, например, на повторение типов условных предложений: завершите предложение правильными глагольными формами в сослагательном наклонении (*Complete the following sentences with the best ending: If you employ white hat hackers...*). Подобные упражнения создают базу для развития основ профессиональной коммуникации на английском языке, так как способствуют не только расширению запаса профессиональной лексики, но и развитию умений грамотно использовать эту лексику в речи. *Формирование основных коммуникативных навыков.* С целью развития коммуникативных навыков и профессиональных компетенций студентам предлагают-

ся следующие виды заданий: выберите самое актуальное определение сетевой безопасности; аргументируйте ваш выбор (*Choose the best definition of Network Security. Prove your choice*) или опишите в группах по 2 человека график «Основные угрозы безопасности» (*Write down the description of the chart Top Security threats. Present your description to your groupmate*). Следует помнить, что коммуникативные навыки в сфере профессиональной деятельности быстро утрачиваются, если обучающиеся исключаются из контекста иноязычной профессиональной деятельности. В связи с этим важным аспектом является формирование стратегий студентов по самостоятельному овладению иноязычной речевой деятельностью [8; 9].

*Введение и использование в процессе обучения новых технологий.* В рамках проектной деятельности на занятиях используются такие приемы, как кластер и кейс-метод. В результате применения метода обучения «кластер» у студентов развивается ассоциативное мышление, умение структурировать и систематизировать. В совокупности это ведет к формированию критического мышления обучающихся, что способствует их интеллектуальному развитию, являясь главной целью современной системы образования. Кластер также считается одним из самых эффективных приемов развития критического мышления [3]. Так, например, при изучении темы *Authentication* студентам предлагается выделить смысловые единицы, ассоциирующиеся с основными способами аутентификации, и представить их в графическом виде.



Другим приемом метода проектных технологий с элементами критического мышления является «кейс-метод» [4; 5; 7; 10]. Студентам предлагается проанализировать и найти решение в моде-

лируемой ситуации, с которой они могут столкнуться в реальной жизни. Например, при изучении темы «Социальная инженерия: недооцененная опасность» (Social Engineering: an underestimated danger) студенты могут выступать в роли тестировщика на проникновение.

*Task: You are a member of the department responsible for the security of the company. You are supposed to test the effectiveness of security procedures. Choose the most relevant method. Then you will report back with recommendations for improvement.* Имитация условий дает студентам возможность организовать изученную информацию на иностранном языке таким образом, чтобы проанализировать ситуацию, оценить риски и применить различные методы социальной инженерии в зависимости от поставленной цели, так как тесты на проникновение могут быть физическими (кто-то пытается пройти мимо охраны здания) или через ИТ-системы («белые» хакеры пытаются взломать системы ИТ-безопасности). Итоговым продуктом выступают рекомендации и предложения компании по устранению угроз безопасности.

На заключительном этапе студенты выполняют свой проект. Необходимо отметить, что этот метод стимулирует обучающихся к командной работе по приобретению знаний, применению этих знаний на практике, формирует у них творческий подход и позволяет моделировать свою будущую профессиональную деятельность средствами иностранного языка.

Таким образом, специфика предмета Theory and practice of information security (Теория и практика информационной безопасности (на английском языке) обеспечивает возможность формирования предметных, межпредметных и личностных компетенций, что способствует подготовке практико-ориентированного специалиста в области информационной безопасности.

В результате проведенного исследования авторы приходят к следующим выводам:

1. обучение специалиста в области информационной безопасности представляет собой сложный процесс;

2. дисциплина Theory and practice of information security рассматривается как часть общепрофессиональной подготовки специалиста и комплекс, состоящий из трех модулей;
3. в результате изучения дисциплины используются традиционные и проектные технологии и формируются предметные, межпредметные и личностные компетенции.

### *Список литературы*

1. Брызгалова О.Н. Проектное обучение в системе профессиональной подготовки студентов: цели и проблемы реализации // Koinon. 2021. Т. 2, № 4. С. 195-212.
2. Валиева Г.Ф., Яруллина Д.А. English for Information Security. Казань: Казан. ун-т, 2015. 120 с.
3. Денина О.О. Условия повышения мотивации при изучении иностранного языка у студентов нелингвистических направлений подготовки // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2016. № 1(189). С. 16-18.
4. Ильина О.К. Использование кейс-метода в практике преподавания английского языка // Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. Шестой межвузовский семинар по лингвострановедению. Языки в аспекте лингвострановедения: сб. научн. статей в 2 ч. Ч. 1. М.: МГИМО, 2009. С. 253-261.
5. Махиня П.П., Ларина Т.В. Метод кейс-стади в процессе формирования иноязычной профессиональной компетенции // Материалы VI Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». URL: <https://scienceforum.ru/2014/article/2014005436> (дата обращения: 25.05.2024).
6. Ноздрякова Е.В. Интерактивное обучение – реальность или вымысел современного образовательного процесса? // Интерактивное образование. 2017. №1. С. 5-10.
7. Рябова Т.В., Торосян С.Г. Кейс-метод как эффективное средство обучения иностранному языку // Мир педагогики и психологии. 2022. № 11(76). URL: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/kejs-metod-kak-effektivnoe-sredstvo-obucheniya-inostrannomu-yazyku> (дата обращения: 30.05.2024).

8. Сергеева Н.Н., Бушманова Ю.А. Профессионально ориентированная иноязычная коммуникативная компетентность студента технического вуза // Казанская наука. 2011. № 8. Казань: Казанский изд. дом. С. 241-242.
9. Сорокина Л.В. Основные принципы, методы, приемы и средства обучения иностранному языку // Современные подходы в обучении профессионально ориентированному иностранному языку. Краснодар: КВВАУЛ. 2021. С. 31-51.
10. Пересунько Е.А. Метод кейс-стади в сфере профессиональной иноязычной коммуникации // Мир педагогики и психологии. 2018. №7(24). С. 24-36.
11. Методические рекомендации «Проектная деятельность в предметной деятельности «Иностранные языки»: от исследования до продукта. / Составитель: Печерица Э.И. URL: [https://toipkro.ru/files/in yaz/MR\\_In\\_Yaz](https://toipkro.ru/files/in yaz/MR_In_Yaz) (дата обращения: 05.06.2024).
12. Levitskaya O.S. Lexical Competence Development as an Integral Part of Translators Training // Идеи. Поиски. Решения: сборник статей и тезисов X Междунар. науч.-практ. конф. Ч. 6. Минск.: БГУ, 2017. С. 58-59.

### *References*

1. Bryzgalova O.N. Project-based learning in the system of professional training of students: goals and problems of implementation. *Koinon*, 2021, vol. 2, no 4, pp. 195-212.
2. Valieva G.F., Yarullina D.A. *English for Information Security*. Kazan: Kazan University Publ., 2015, 120 p.
3. Denina O.O. Conditions to increase motivation among non-linguistic students to learn a foreign languageю *Vestnik Orenburgskogo gos. un-ta* [Bulletin of Orenburg State University], 2016, no. 1(189), pp. 16-18.
4. Il'ina O.K. Case-based method in practice of teaching the English language. *Lingvostranovedenie: metody analiza, tekhnologiya obucheniya* [Linguistic and regional studies: methods of analysis, teaching technology]. Part 1. Moscow: MGIMO Univ. Publ., 2009, pp. 253-261.
5. Makhinya P.P. Case study method in the process of foreign language professional competence development. *Materialy VI Mezhdunarodnoy studencheskoy nauchnoy konferentsii «Studencheskiy nauchnyy fo-*



- rum*» [Materials of the VI International Student Scientific Conference “Student Scientific Forum”]. URL: <https://scienceforum.ru/2014/article/2014005436> (accessed May 25, 2024).
6. Nozdryakova E.V. Interactive education – reality or myth of modern education process? *Interaktivnoe obrazovanie* [Interactive Education], 2017, no1, pp. 5-10.
  7. Ryabova T.V., Torosyan S.G. Case-method as an effective means of teaching foreign languages. *Mir pedagogiki i psikhologii* [World of Pedagogy and Psychology], 2022, no. 11(76). URL: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/kejs-metod-kak-effektivnoe-sredstvo-obucheniya-inostrannomu-yazyku> (accessed May 30, 2024).
  8. Sergeeva N.N., Bushmanova Yu.A. Professionally oriented foreign language communicative competence of technical university student]. *Kazanskaja nauka* [Kazan Science], 2011, no 8. Kazan: Kazan Publ., 2011, pp. 241-242.
  9. Sorokina L.V. Basic principles, methods and techniques of teaching a foreign language. *Sovremennye podkhody v obuchenii professional'no orientirovannomu inostrannomu yazyku* [Modern Approaches to Teaching a Professionally Oriented Foreign Language]. Krasnodar: KVVAUL Publ., 2021, pp. 31-51.
  10. Peresun'ko E.A. Case-study method in the sphere of foreign language professional communication. *Mir pedagogiki i psikhologii* [World of Pedagogy and Psychology], 2018, no. 7(24), pp. 24-36.
  11. “Project activity in the “Foreign languages” subject activity: from research to product. Methodological recommendations. URL: [https://toip-kro.ru/files/in yaz/MR\\_In\\_Yaz](https://toip-kro.ru/files/in yaz/MR_In_Yaz) (accessed June 05, 2024).
  12. Levitskaya O.S Lexical competence development as an integral part of translators training. *Idei. Poiski. Resheniya: sbornik statey i tezisev X Mezhdunar. nauch. prakt. konf.* [Ideas. Searching. Solutions. Collection of articles and theses of X International. scientific practical conference], part 6. Minsk: BSU Publ., 2017, pp. 58-59.

### ДАнные ОБ АВТОРАХ

**Ладонина Елена Юрьевна**, кандидат исторических наук, доцент  
кафедры иноязычной коммуникации и лингводидактики  
*Волгоградский государственный университет*

*проспект Университетский, 100, г. Волгоград, 400062, Рос-  
сийская Федерация  
e.ladonina@volsu.ru*

**Сытина Надежда Александровна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычной коммуникации и лингводидактики  
*Волгоградский государственный университет  
проспект Университетский, 100, г. Волгоград, 400062, Рос-  
сийская Федерация  
n.sytina@volsu.ru*

#### **DATA ABOUT THE AUTHORS**

**Elena Yu. Ladonina**, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Foreign Language Communication and Language Education Department  
*Volgograd State University  
100, Universitetskij Ave., Volgograd, 400062, Russian Federation  
e.ladonina@volsu.ru  
SPIN-code: 7927-8926  
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3369-3806>  
Researcher ID: Y-2896-2018*

**Nadezhda A. Sytina**, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Foreign Language Communication and Language Education Department  
*Volgograd State University  
100, Universitetskij Ave., Volgograd, 400062, Russian Federation  
n.sytina@volsu.ru  
SPIN-code: 8945-2414  
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8247-6157>  
Researcher ID: Y-2887-2018*

Поступила 11.07.2024  
После рецензирования 07.08.2024  
Принята 15.08.2024

Received 11.07.2024  
Revised 07.08.2024  
Accepted 15.08.2024

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-447

УДК 81



Научная статья |

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

## ПЕРСУАЗИВНЫЙ КОМПОНЕНТ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ «ПРИРОДА – ЭТО ИСКУССТВО» В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ПРАГМА-КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

*К.А. Павлова*

**Обоснование.** Исследование посвящено вопросу персуазивного функционирования метафорической модели «Природа – это искусство» в экологическом дискурсе. Актуальность обусловлена необходимостью изучения в рамках прагма-когнитивного подхода функции воздействия на читательскую аудиторию, осуществляемую с помощью текстов СМИ по экологической тематике. Одна из наиболее острых проблем современности – это проблема взаимодействия Человека и Природы. Данная проблема широко освещается в экологическом медиадискурсе, основная задача которого, наравне с распространением информации экологического характера, заключается в формировании общественного экологического сознания – замещении эгоцентрической потребительской модели поведения на более внимательное и благосклонное отношение к окружающей среде. Так как основополагающей функцией СМИ является функция воздействия, представляется необходимым изучить персуазивный компонент одной из наиболее широко распространенных метафорических моделей «Природа – это искусство» в экологическом дискурсе.

**Цель.** Выделить фреймы и слоты в метафорической модели «Природа – это искусство» и провести лингвистический анализ их персуазивного компонента.

**Материалы и методы.** В качестве материалов для исследования были использованы англоязычные статьи по экологической тематике, опубликованные в британском онлайн издании 'The Guardian'. Для достижения цели и решения поставленных задач в работе были использованы следующие методы исследования: метод анализа и синтеза теоретического материала; метод лексико-семантического, прагма-стилистического и компонентного анализов с использованием англоязычных словарей (Merriam Webster Dictionary, Cambridge Dictionary); метод дискурсивного анализа; метод контекстуального анализа; описательный метод. Вышеперечисленные методы позволили получить достоверные сведения о реализации персуазивного воздействия в экологическом дискурсе посредством метафоры.

**Результаты.** В ходе исследования в проанализированной нами метафорической модели были выделены следующие фреймы: 'Природа как танец', 'Природа как литература' и 'Природа как театр'. Результаты исследования показали, что каждый фрейм характеризуется набором определенных маркеров персуазивности, посредством которых осуществляется эффект воздействия на читательскую аудиторию. Были рассмотрены языковые способы экспликации основных маркеров персуазивности.

**Область применения.** Полученные результаты могут быть использованы для дальнейшего исследования способов персуазивного воздействия в рамках экологического дискурса, при разработке вузовских курсов лекций по общему языкознанию и в чтении спецкурсов, посвященных экологическому дискурсу, категории персуазивности и метафорическому моделированию.

**Ключевые слова:** экологический дискурс; категория персуазивности; метафора; метафорическая модель

**Для цитирования.** Павлова К.А. Персуазивный компонент метафорической модели «Природа – это искусство» в экологическом дискурсе: прагма-когнитивный аспект // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 3. С. 114-137. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-447

---

Original article | Theoretical, Applied and Comparative Linguistics

## PERSUASIVE COMPONENT OF THE METAPHORICAL MODEL “NATURE IS ART” IN ECOLOGICAL DISCOURSE: PRAGMA-COGNITIVE ASPECT

*K.A. Pavlova*

**Background.** *The article focuses on the issue of persuasive functioning of a metaphorical model ‘Nature is Art’ in ecological discourse. The relevance is due to the necessity of thorough investigation of a persuasive component of ecological discourse within the framework of pragmatic and cognitive approaches. One of the most acute problems existing nowadays is the problem of interaction of a human being with nature. This problem is widely discussed in mass media. Since one of the main functions of mass media is the function to influence the reader, it is of prime importance to analyze the persuasive component of eco-texts realized by means of metaphors that are connected to the theme of Art.*

**Purpose.** *The purpose of the study is to present a structure of frames and slots in the metaphorical model ‘Nature is Art’ and provide a linguistic analysis of its persuasive component.*

**Materials and methods.** *The research material comprises articles on the theme of ecology taken from the digital version of the British magazine ‘The Guardian’. The main research methods include analysis and synthesis of theoretical materials; lexico-semantic, pragma-stylistic and componential analyses with the application of online dictionaries (Merriam Webster Dictionary, Cambridge Dictionary); discourse and contextual analysis together with descriptive method. The aforementioned methods have given an opportunity to obtain accurate data on realization of persuasive influence in ecological discourse by means of metaphors.*

**Results.** *As part of the study the key frames within the metaphorical model ‘Nature is Art’, videlicet, ‘Nature as Dance’, ‘Nature as Literature’ and ‘Nature as Theatre’ have been investigated. The results demonstrated that each frame is characterized by a set of persuasive markers*

*that influence the reader. The ways of linguistic representation of these markers were analyzed.*

**Practical implications.** *The research results can be used for further investigation of ways of persuasive influence within ecological discourse as well as in the development of courses on ecological discourse, category of persuasion and metaphorical modelling.*

**Keywords:** *ecological discourse; category of persuasion; metaphor; metaphorical model*

**For citation.** *Pavlova K.A. Persuasive Component of the Metaphorical Model “Nature Is Art” in Ecological Discourse: Pragma-Cognitive Aspect. Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2024, vol. 16, no. 3, pp. 114-137. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-447*

## **Введение**

На сегодняшний день отмечается существенное усложнение и расширение отношений между *Человеком* и *Природой*. Обострение экологического кризиса, ухудшение экологической обстановки по всей планете выводят на передний план вопрос сохранения природной среды обитания всех живых существ. Рост общественных дискуссий о пагубных последствиях человеческой деятельности, формирование «зеленой» повестки и создание природоохранных движений создают необходимые условия для развития столь необходимого нам экологического сознания – понимания значимости природы и принятия необходимости выстраивания с ней симбиотических отношений.

Повышенный интерес мирового сообщества к ухудшению экологической обстановки способствует освещению экологической проблематики в различных средствах массовой информации, что, в свою очередь, привело к возникновению экологического дискурса – относительно нового направления в лингвистике, которое, однако, уже стало объектом пристального внимания в трудах многих лингвистов (А.В. Голоднов [1], А.А. Громорушкина [2], Е.В. Иванова [4] и др.). Подобная заинтересованность ученых в экологическом дискурсе ука-

зывает на актуальность исследований в данном направлении, в том числе и настоящей работы, сконцентрированной на вопросе персуазивного воздействия в рамках экологического дискурса.

#### *Обоснование исследования*

Как показывает обзор теоретической литературы, экологический дискурс предоставляет значительные возможности для анализа языковых механизмов его функционирования и влияния на реципиента, включая механизмы формирования экологических ориентиров и ценностей. Попытки трансформировать поведение людей, изменить их экологическое мировоззрение, обуславливают ключевую роль *персуазивного* компонента текстов по экологической тематике. Персуазивность коммуникативной ситуации представляет собой процесс намеренного продуцирования сообщения таким образом, чтобы изменить точку зрения адресата выгодным для адресанта образом. Так, в рамках нашего исследования мы считаем целесообразным понимать под персуазивностью одну из прагматических характеристик текста по экологической тематике. Данная характеристика связана с реализацией воздействующей функции, которая может быть осуществлена посредством *концептуальной метафоры*.

Метафора представляет собой яркое выражение, потенциально способное выстроить запоминающийся, необычный образ в сознании реципиента и является одним из самых популярных инструментов персуазивности. Выделяя определенный аспект проблемы и отвлекая внимание от других, не столь важных деталей, метафора формирует конкретное мнение среди адресатов. В рамках данной работы мы говорим о возможности метафорического персуазивного воздействия в статьях по экологической тематике. Таким образом, в качестве *объекта* исследования выступает метафорическая модель «Природа – это искусство», выделенная в англоязычных статьях, объединенных темой экологии; в качестве *предмета* – языковая экспликация персуазивного компонента анализируемой метафорической модели. *Целью* является лингвистический анализ персуазивного функционирования метафорической модели «Природа – это искусство» посредством выделения ее фреймов и слотов.

Рассмотрение метафорических моделей в рамках экологического медиадискурса, ключевой функцией которого является функция воздействия, позволяет нам сформулировать следующую *гипотезу*: метафорическая модель «Природа – это искусство» обладает существенным персуазивным потенциалом, обусловленным интенцией адресанта (автор статьи) повлиять, изменить или же полностью трансформировать отношение адресата (читатель статьи) к освещаемому экологическому событию.

Таким образом, мы предпринимаем попытку структурировать одну из наиболее частотных метафорических моделей «Природа – это искусство» в фреймово-слотовую иерархию и рассмотреть возможности её функционирования в качестве инструмента воздействия для реализации интенции адресанта.

Методика данной работы состоит в следующем:

(1) исследование текстов статей по экологической тематике на предмет метафор, объединенных темой искусства и характеризующихся персуазивным потенциалом, на базе лексико-семантического, прагма-стилистического и компонентного анализов с использованием англоязычных словарей (Merriam Webster Dictionary, Cambridge Dictionary); (2) анализ метафорической модели «Природа – это искусство» в рамках прагма-когнитивного подхода; (3) структурирование обнаруженных и проанализированных метафор в иерархию из фреймов и слотов.

В качестве материала для исследования было проанализировано 9 статей из онлайн версии британского издания 'The Guardian'.

#### *Обзор литературы*

Прежде чем приступить к эмпирическому доказательству вышеуказанной гипотезы, необходимо дать краткий обзор основных работ по освещаемому нами вопросу. Для получения представления о степени изученности категории персуазивности и метафорического моделирования в экологическом дискурсе, был проведен обзор зарубежных и отечественных источников, посвященных данной тематике. Ключевыми словами для поиска выступали: 'экологический дискурс', 'экологический медиадискурс'; 'персуазивность', 'кате-



горя персуазивности»; ‘метафора’, ‘концептуальная метафора’, ‘метафорическая модель’. В зарубежных исследованиях по метафорическому моделированию выделяют такие метафорические модели, как «Природа – это соревнование», «Природа – это машина», «Земля – это космический корабль» [26], «Природа – это машина», «Природа – это мать» [28, р. 371], «Природа – это дом» [21, р. 14]. Обзор отечественных исследований по метафорическому моделированию позволил выделить следующие модели: «Природа – это дом» [9], «Природа – это человек», «Природа – это одежда», «Глобальное потепление как преступление» [2].

Вышеприведенные работы указывают на актуальность исследований в области экологического дискурса и метафорического моделирования. Тем не менее нами не было отмечено исследований, в которых наиболее типичные метафорические модели экологического дискурса рассматривались бы не только как средство познания и структурирования реальности, но и как эффективный инструмент воздействия, способный повлиять на мировоззрение реципиента. В данной работе мы акцентируем внимание на персуазивном компоненте метафорической модели «Природа – это искусство» и его языковой экспликации, что позволяет нам говорить о *новизне* исследования.

## Результаты и обсуждение

### *1. Экологический дискурс: теоретический аспект*

Экологический дискурс – это объект изучения лингвистической экологии (эколингвистики), научного направления, учитывающего знания социальных наук, лингвистики, психологии и занимающегося описанием приемов языковой репрезентации злободневных экологических тем [8, с. 45]. Таким образом, опираясь на уже предложенную лингвистами терминологию (А.В. Голоднов [1], А.А. Громорушкина [2], Е.В. Иванова [4], З.В. Маньковская [8]), в качестве основы мы возьмем широкое определение экологического дискурса: совокупность текстов (как устных, так и письменных), освещающих экологические темы, затрагивающих вопросы сохранения природы и окружающей среды и направленных на формиро-

вание общественного экологического сознания. Под *экологическим медиадискурсом* мы будем понимать тексты периодических изданий, сконцентрированные на вопросах экологического характера.

Обзор работ, в которых анализируется понятийный аспект экологического дискурса (Е.В. Иванова [4], З.В. Маньковская [8], Д.В. Шапочкин [10]), позволяет нам рассматривать его строение следующим образом: (1) в качестве основы экологического дискурса выступают тексты научного и научно-популярного стиля, созданные экологами; (2) экологический медиадискурс, включающий в себя тексты, опубликованные в периодических изданиях и освещающие вопросы экологического характера, находятся в ближайшей зоне от «ядра» экологического дискурса; (3) к окраине относятся тексты художественного характера и иные тексты по экологической тематике.

Главная цель данного типа дискурса – трансформация отношения Человека к окружающей среде. Осознание неповторимости нашей планеты, ее уникальности и ценности в жизни каждого без исключения, является основополагающим для понимания необходимости бережного отношения к ней. Опираясь на особо значимые концепты, выделяемые в экологическом дискурсе («природа» и «защита природы»), можно выделить два направления, согласно которым формируется экологическое сознание:

1. дискредитация действий, наносящих вред природе;
2. популяризация действий, направленных на бережное отношение к природе [7, с. 72].

Ключевая роль в формировании экологического сознания, воспитании внимательного и бережного отношения к окружающему миру, отводится экологическому медиадискурсу, для которого свойственен высокий персуазивный потенциал.

*Категория персуазивности: теоретический аспект*

Персуазивность – это функционально-прагматическая категория текста, непосредственно связанная с осуществлением его воздействующей функции. Персуазивная коммуникация обусловлена построением процесса общения таким образом, что адресант осознанно выбирает языковые приемы и средства, потенциально способные вызвать

определенное поведение адресата. Следовательно, персуазивная коммуникация, являясь особым видом ментально-речевой деятельности [1], может считаться успешной при условии, если адресат (тот, на кого направлено речевое воздействие), присваивает конкретные установки или намерения, в реальности навязанные извне адресантом (тот, кто осуществляет речевое воздействие), как свои собственные.

Остановимся на основных характеристиках категории персуазивности:

1. Персуазивность не существует вне контекста. Механизмы персуазивности, различные средства и приемы могут отличаться значительной эффективностью в конкретной ситуации общения и быть бессмысленными в другой [5]. Подобные средства зависят от участников коммуникации и целого спектра экстралингвистических факторов, таких как опыт и знания, возраст и сфера деятельности. Таким образом, мы отмечаем большое разнообразие и разнородность средств персуазивности.

2. Эффективность персуазивности часто обусловлена совокупностью не только лингвистических, но и визуальных средств [6, с. 108]. Так, в экологическом дискурсе в качестве визуальных средств могут выступать различные фотографии, усиливающие эмоциональный компонент повествования, а также таблицы и диаграммы, направленные на рациональное восприятие сообщения.

3. Средства персуазивности способны затрагивать как эмоциональную сферу реципиента, так и апеллировать к разуму [Там же, с. 108-109]. В рамках экологического дискурса к интеллектуальным средствам убеждения можно отнести статистические данные, а также данные из научных авторитетных источников, которые позволяют объективно взглянуть на обсуждаемое экологическое событие; к эмоциональным средствам – эмотивная, оценочно-окрашенная лексика, разнообразные стилистические тропы, вызывающие, прежде всего, к интуиции и эмоциям.

Исходя из вышесказанного, мы делаем вывод о разнообразии средств и приемов воздействия, варьируемых в зависимости от коммуникативных личностей адресанта и адресата и коммуникативной

ситуации в целом. В рамках данного исследования мы остановимся на персуазивном функционировании одного из наиболее действенных приемов убеждения – концептуальной метафоре.

### *II. Метафора и метафорическая модель: теоретический аспект*

На современном этапе развития лингвистической мысли метафора все реже рассматривается в качестве стилистического тропа, выполняющего исключительно эстетическую функцию, и все чаще – как способ познания и структурирования мира. Благодаря новому подходу в изучении метафоры, многие ученые начинают обращать внимание на ее воздействующий потенциал. Так, например, при исследовании возможностей воздействующего характера метафоры, С. ван Стее пришла к выводу о существенном вкладе метафор в увеличении персуазивности текста [25]. В совместном труде П. Тибодо и Л. Бородицкой было выяснено, что образность влияет на то, как мы решаем проблемы социального характера, а персуазивность текста объясняется фреймовой структурой метафоры, которая, в свою очередь, признается и воспринимается авторами инструментом воздействия [24]. С точки зрения В. Оттани и Р. Ренстрома, метафора напрямую влияет на восприятие как самого сообщения, так и его автора [22]. Следовательно, персуазивный характер метафор подтвержден различными исследованиями в данной области.

Следует отметить, что для образов, хранящихся в нашем сознании, свойственна системность. Они выстроены в структуру, где все элементы связаны между собой. Таким образом, мы говорим о существовании метафорических моделей – совокупности метафор единого концептуального поля [3, с. 98]. Метафорическая картина мира, заложенная в фундаменте каждого дискурса (в том числе и экологического), оказывает существенное влияние на формирование у реципиента картины мира, его мировоззрения и мировосприятия.

### *III. Анализ языковой репрезентации персуазивного компонента метафорической модели «Природа – это искусство»*

Итак, рисуя живой, надолго остающийся в памяти образ и играя на разнообразии порой неочевидных ассоциаций, метафора способна оказывать существенное воздействие на реципиента.

Исходя из положений теории концептуальной метафоры, предложенной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [19], метафорический перенос основывается на взаимодействии двух структур знаний: *сферы-источника* (source domain) и *сферы-цели* (target domain). В рамках экологического дискурса, где доминантой выступает понятие «природа», мы выделяем метафорическую модель «Природа – это искусство», где *Природа* (сфера-цель) метафорически уподобляется *Искусству* (сфера-источник). При подобном моделировании сфера-цель сохраняет образные, экспрессивные и эмоциональные свойства сферы-источника, что обуславливает высокую персуазивность модели, реализуемую по двум уже упомянутым выше направлениям: (1) дискредитация действий, наносящих вред природе; (2) популяризация действий, направленных на бережное отношение к природе.

Анализ фактического материала позволил нам выстроить рассматриваемую нами модель следующим образом:

*Фрейм 1. Природа как танец*

Слот 1.1 Виды танца; Слот 1.2 Танцоры

*Фрейм 2. Природа как литература*

Слот 2.1 Автор; Слот 2.2 Элементы литературных произведений

*Фрейм 3. Природа как театр*

Слот 3.1 Жанры; Слот 3.2 Сцена

Рассмотрим наиболее иллюстративные примеры, обнаруженные нами в экологических статьях, и на их основе проведем лингвистический анализ заложенного в них персуазивного компонента.

*Фрейм 1. Природа как танец*

В рамках данного фрейма ключевая лексема ‘dance’ позволяет отождествить мир Человека и мир Природы на основании семы *ритмичного движения* (‘to dance: to **move** one’s body **rhythmically** usually to music: to engage in or perform a dance’ [20] – «ритмично двигать телом, обычно под музыку» (здесь и далее – наш перевод, примеч. автора)). Как правило, в таких словосочетаниях, как “*the sun dances over the water of Havannah Bay*” [23], “*the fireflies began to dance to the nightly frog chorus*” [16], метафора выполняет орна-

ментальную функцию, однако мы не можем ограничиваться эстетической составляющей при объяснении использования подобной образности. Так, в контексте, взятом из статьи, посвященной критическому снижению популяции дюгоней на островах южной части Тихого океана, автор рассуждает на тему поиска возможных решений с целью предотвращения катастрофы. Задействуя метафорический перенос («солнце танцует»), он, рисуя яркий контраст ‘природа прекрасна/то, что делает с ней человек, ужасно’, затрагивает эмоциональную сферу читателя, побуждая его задуматься о том, как можно остановить процесс вымирания. Вина Человека обсуждается более эксплицитно в продолжении статьи, где адресант буквально перечисляет пункты, негативно влияющие на популяцию животных: “*Dugongs globally are threatened by **gill-net fishing, boat traffic, coastal development and hunting***” [23]. Таким образом, воздействие на адресата реализуется по первому направлению (дискредитация действий, наносящих вред природе). Теперь рассмотрим персуазивное функционирование входящих в состав данного фрейма слотов.

#### *Слот 1.1 Виды танца*

Обзор фактического материала позволил нам выделить три маркера персуазивности в данном слоте: ‘tango’, ‘waltz’ и ‘ballet’. Проиллюстрируем персуазивный компонент маркера ‘waltz’:

“*A single bolus of 20 to 30 swifts spiralled across the blue, hurling down their communal scream, swerving and twisting and suddenly splintering apart; then they would all come together and resume their crazy sky **waltz***” [14].

В данном случае персуазивный компонент реализуется по второму направлению (популяризация действий, направленных на бережное отношение к природе). Это становится очевидным в последнем абзаце статьи, где автор прямо говорит о необходимости трепетного отношения к окружающей среде и об ответственности Человека за ее будущее: “*Alas, **the miracle of swifts is fading**. In the past decade they’ve declined in Britain by 40%. You wonder if we think swifts so miraculous that they’ll trigger that final Eureka moment when we really get it: that **this whole living landscape is in our hands***” [Там же]. Мета-

форе в данном контексте отводится ключевая роль воздействия, так как именно тема танца акцентируется в финальном предложении, в котором автор приходит к выводу о том, что деятельность Человека, его «собственный танец», поглощает почти все живое вокруг него: “*Just as we might see the swifts’ sky-trawl as composed of nothing but insects, we should recall that our own **dance consumes** almost every other living thing around us*” [Там же]. Таким образом, сравнивая с танцем и полет стрижей, и саму нашу жизнь, адресант усложняет структуру метафорического переноса, добавляя ему «второе дно», что, в свою очередь, привлекает внимание адресата к ключевой теме статьи – существенное сокращение численности птиц и необходимость действий, направленных на исправление ситуации.

### Слот 1.2 Танцоры

Рассмотрим данный слот на примере использования лексемы ‘flamenco dancer’ как маркера персуазивности:

“*Country diary: Breeding newts with all **the drama of a flamenco dancer***” [27].

Расположение метафоры в тексте (начало/середина/конец) влияет на ее персуазивный потенциал. Сравнение тритонов с танцорами фламенко выносится в заголовок статьи, а затем повторяется в самом тексте: “*Their display has all the flair and drama of **a flamenco dancer**, tail looped back, fanning and pulsing vigorously to impress a female*” [Там же], что указывает на особую значимость метафоры как приема, задающего тон всему повествованию. Автор позволяет читателю наблюдать за жизнью тритонов своими глазами, раскрывая тему бережного отношения к природе посредством сравнения с «энергичным, ритмичным танцем» (“*flamenco – a **vigorous rhythmic dance style of the Andalusian Gypsies***” [20]).

### Фрейм 2. Природа как литература

Природа в статьях на экологическую тематику выступает в качестве нарратива – взаимосвязи разнообразных элементов. Основные герои – это животные и растения, а также моря и океаны, наделенные характеристиками живых существ. Анализ материала позволил выделить два ключевых слота, где Природа представлена

в форме автора (1), а также в форме элементов литературных произведений (2).

*Слот 2.1 Автор (писатель/поэт)*

В околоэкологической статье, посвященной кулинарии, автор размышляет на тему необычной философии питания, где меню включает в себя нестандартные для традиционной диеты ингредиенты. Природа вербализуется как автор произведения. Подобная вербализация подчеркивает идею адресанта о неисчерпаемых природных богатствах:

*“Nature **writes** our menu and we should listen”* [17].

Природа, являясь неиссякаемым источником ингредиентов, предоставляет разнообразные возможности для кулинарии: она «пишет» меню, к которому Человек должен «прислушиваться». Идея о необходимости заботы о природе прослеживается в статье имплицитно. Маркер персуазивности ‘to write’ усилен модальным глаголом ‘should’ в значении «обязательства», «долга».

*Слот 2.2 Элементы литературных произведений.*

*а) Coda*

В статье о возвращении акул, которые долгое время считались вымершими, автор, представляя историю глазами 76-летнего последнего свидетеля массового отлова, проводившегося еще в 50-е годы XX в., воздействует на читателя по первому направлению (дискредитация действий, наносящих вред природе). Отрицательная оценочность действий Человека вынесена в заголовок ко статье: *“‘I’m happy we’re not killing them any more’: Ireland’s last basking shark hunter on the return of the giants”* [13]. Повествование об охоте на гигантскую акулу в Атлантическом океане около побережья Ирландии, а впоследствии ее исчезновении, представлено как цельный рассказ, а неожиданное возвращение хищника – его *эпилог* (‘coda’):

*“Now aged 76, he is one of the last living connections to the hunting era – and a witness to an unexpected **coda**: the sharks are back”* [Там же].

Под данным термином (‘*coda – a **concluding** part of a literary or dramatic work*’ [20]) подразумевается заключительная часть; точка в литературном произведении, которое, в данном случае, получило



счастливым финал. Однако, несмотря на это, автор считает необходимым помнить о пагубном влиянии Человека на Природу и стараться минимизировать его последствия.

#### б) *Scenario*

У любой истории есть план, по которому она развивается. История китов, согласно мнению автора статьи, развивается по ужасающему сценарию (“*scenario – an outline or synopsis of a play*” [20]):

*“Brownlow’s research proposes a drastic scenario: that mass strandings are increasing exponentially – in the numbers of animals and events”* [18].

Персуазивный компонент метафоры усиливается благодаря использованию оценочной лексики ‘drastic’ (*радикальный*), в то время как сама метафора дополняет основной посыл статьи – побуждение читательской аудитории к более бережному отношению к природе: *“We’ve got to be really careful about what else we are doing in those waters”* [Там же].

#### *Фрейм 3. Природа как театр*

Природа может представлять собой театральное представление, спектакль с актерами, представленными в виде животных и растений; или же подмостки, сцену (слот 2), на которой развивается действие, воплощенное в разных жанрах (слот 1).

#### *Слот 3.1 Жанры*

Среди основных театральных жанров выделяют драму, комедию, трагедию, трагикомедию, мюзикл, буффонаду, мистерию и фарс. Обзор источников, проведенный по ключевым словам, показал, что авторы статей предпочитают сравнивать экологические события с *драмой* и *трагедией*. Данное положение может быть объяснено стремлением адресанта донести свои мысли в понятных адресату терминах, способных оказать влияние на эмоциональное восприятие. Таким образом, мы можем говорить о лексемах ‘drama’ и ‘tragedy’ как основных маркерах персуазивности данного слота. Проиллюстрируем функционирование маркера ‘tragedy’ на примере.

Говоря о необходимости выстроить новое экологическое мышление, которое проявлялось бы в более трепетном отношении к

природе, автор настаивает на необходимости остановить разворачивающуюся на наших глазах трагедию – разрушение «земли, воды и атмосферы»:

*“It’s time to halt the tragedy, and focus on the necessity of the commons. Every drop of water we drink, every molecule of oxygen we breathe and every morsel of food we eat comes from nature”* [15].

«Трагизм» ситуации дополнительно усиливается на языковом уровне посредством приема параллелизма – эмоционально-экспрессивной синтаксической структуры, заключающейся в повторении тождественных грамматических элементов.

### Слот 3.2 Сцена

Данный слот представлен двумя лексемами: ‘stage’ и ‘scene’. Согласно Merriam Webster Dictionary ‘stage’ (сцена) представляет собой часть театра, платформу, на которой разворачивается театральное действие (*“the part of a theater on which the acting takes place and which often includes the wings”* [20]), в то время как ‘scene’ (сцена) – это часть представления, в котором действие происходит в одном месте в течение длительного периода времени (*“a part of a play or film in which the action stays in one place for a continuous period of time”* [12]). Отличаясь смысловым наполнением (часть здания/часть постановки), данные лексемы тождественны в обозначении места действия: в театре, как здании, и в театре, как пьесе или представлении. Рассмотрим подробнее лексему ‘scene’ как маркер персуазивности:

*“My encounters with wild lives often leave me with the feeling that I’ve interrupted something – in fact, I’m sometimes accused of disturbing wildlife by merely existing in the same place. There is, among a subset of environmentalists, an idea that in order to allow nature to heal we must write ourselves out of the scene. But we’re neither spectators nor dramaturges in the theatre of life. We’re players. On an individual level, we are nature”* [11].

Не соглашаясь с набирающей в последнее время обороты идеей об инородности Человека в природной парадигме, его исключительно пагубном влиянии на окружающую среду, автор настаивает на

симбиотических отношениях Человека и Природы, их неразрывной, взаимовыгодной связи. Человек, по мнению адресанта, такая же неотъемлемая часть Природы, как и «упавшее дерево» [Там же]. Таким образом, он предстает не пассивным, безвольным зрителем в *театре жизни*, а *актером*. Убеждая читателя согласиться с данным мнением, автор прибегает к таким маркерам персуазивности, как ‘write ourself out of the scene’, ‘spectators’, ‘dramaturges’, ‘theatre of life’. Подобные лексические единицы помогают создать яркий, заслуживающий доверия образ, надолго остающийся в памяти у адресата.

### Выводы

Лингвистический анализ из фреймов и слотов метафорической модели «Природа – это искусство», эксплицированной в англоязычном экологическом дискурсе, позволяет нам прийти к следующим выводам:

1. Метафора, помимо украшения речи, выполняет функцию познания и структурирования действительности и характеризуется существенным персуазивным потенциалом.

2. Успех персуазивного воздействия зависит от выбора языковых средств (маркеров персуазивности) для его реализации. Данное положение справедливо и для экологического дискурса, в рамках которого автор статьи, стремясь повлиять на читателя по одному из двух направлений ((а) дискредитация действий, наносящих вред природе; (б) популяризация действий, направленных на бережное отношение к природе), использует метафору ‘искусства’ в качестве продуктивного приема убеждения.

3. Эффективность персуазивного функционирования метафорической модели «Природа – это искусство» в экологическом дискурсе обусловлена тем, что многие компоненты природы нередко сравниваются с произведениями искусства и вербализуется соответствующим образом посредством театральной, танцевальной и литературной терминологии. Это позволило нам выделить основные фреймы в проанализированной метафорической модели, а

именно: «природа как танец», «природа как литература» и «природа как театр». Перечисленные фреймы состоят из слотов, каждый из которых обладает персуазивными возможностями – эффектом «убеждения», направленным на непосредственное воздействие на читательскую аудиторию. Так, мы приходим к общему выводу о том, что когнитивный потенциал и воздействующий характер метафорической модели «Природа – это искусство» определяют ее использование в экологическом дискурсе. Прикладным результатом настоящего исследования является выделение наиболее действенных маркеров персуазивности, свойственных экологическому дискурсу. Предложенная версия структуры из фреймов и слотов может быть полезна широкому кругу специалистов в области когнитивной лингвистики и языкознания, а также исследователям в области экологического дискурса и метафорического моделирования.

#### *Список литературы*

1. Голоднов А.В. Лингвопрагматические особенности персуазивной коммуникации: Дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2003. 101 с.
2. Громорушкина А.А. Концептуальная метафора в экологическом дискурсе СМИ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 4(820). С. 91-99.
3. Зарипов Р.И. Метафорическое манипулятивное воздействие как элемент информационной войны // Вопросы психолингвистики. 2015. С. 95-106.
4. Иванова Е.В. Когнитивное моделирование образа природы в медийном экологическом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. Вып. 41. № 7(188). С. 65-72.
5. Ивин А.А. Аргументация в процессах коммуникации: Монография. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. 557 с.
6. Колчевская В.А. Средства выражения категории персуазивности в гипержанре «сайт» туристического интернет-дискурса: Дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2020. 206 с.
7. Лазуркина А.О. Персуазивные стратегии и тактики в экологическом дискурсе // Электронный сборник трудов молодых специа-

- листов Полоцкого государственного университета. Образование. Педагогика. 2020. Вып. 33(103). С. 71-73. URL: <https://elib.psu.by/handle/123456789/31971> (дата обращения: 20.09.2024).
8. Маньковская З.В. Стратегии воздействия в экологическом дискурсе (на примере англоязычной публичной речи) // Проблемы современной науки и образования. 2018. № 3(123). С. 44-49.
  9. Овсянникова В.В. Метафорические модели в научном геологическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. фил. наук. Томск, 2010. 261 с.
  10. Шапочкин Д.В. Экологический дискурс: интенциональный аспект // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 3(39). <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.39.32>
  11. Beer A.-J. Country diary: Humans are nature just as much as the falling tree. 2022. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2022/aug/27/country-diary-humans-are-nature-just-as-much-as-the-falling-tree> (дата обращения: 20.09.2024).
  12. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 20.09.2024).
  13. Carroll R. 'I'm happy we're not killing them any more': Ireland's last basking shark hunter on the return of the giants, 2024. URL: <https://www.theguardian.com/environment/article/2024/may/04/ireland-achill-mayo-last-basking-shark-hunter-return-of-giant-fish> (дата обращения: 20.09.2024).
  14. Cocker M. Swifts make sense if you think of them as insects, 2012. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2012/aug/05/ruralaf-fairs-birds> (дата обращения: 20.09.2024).
  15. Figueres Ch. If we keep abusing nature it will collapse, taking us with it. We need a new mindset, 2022. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/nov/02/nature-climate-crisis-new-mindset> (дата обращения: 20.09.2024).
  16. Gilbert S. Call of the wild: eco adventures in Argentina's Iberá wetlands, 2020. URL: <https://www.theguardian.com/travel/2020/feb/13/rewilding-eco-adventures-argentina-ibera-wetlands-conservation> (дата обращения: 20.09.2024).
  17. Henderson F. Fergus Henderson: Feet, glands, shanks, tripe. That's what I like to eat, 2014. URL: <https://www.theguardian.com/lifeand->

- style/2014/apr/27/fergus-henderson-nature-writes-our-menu-st-john (дата обращения: 20.09.2024).
18. Hoare P. How to solve a mass stranding: what caused 77 healthy whales to die on a Scottish beach? 2024. URL: <https://www.theguardian.com/environment/article/2024/jul/18/pilot-whale-stranding-scottish-beach-sanday-orkney-cetaceans-sound> (дата обращения: 20.09.2024).
  19. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. The University of Chicago Press Books, 1980, 241 p.
  20. Merriam Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 20.09.2024).
  21. Meisner M.S. Metaphors of Nature. Old Vinegar in New Bottles? // *The Trumpeter. Journal of Ecosophy*, 1995, vol. 12, no. 1, pp. 11-18.
  22. Ottati V., Renstrom R. Metaphor and Persuasive Communication: A Multifunctional Approach // *Social and Personality Psychology Compass*, 2010, vol. 10, no. 9, pp. 783-794. <https://doi.org/10.1111/j.1751-9004.2010.00292.x>
  23. Root R. 'We rarely see them now': just how vulnerable are Vanuatu's dugongs? 2024. URL: <https://www.theguardian.com/environment/article/2024/jul/04/vanuatu-dugong-sea-cow-population-south-pacific-vulnerable> (дата обращения: 20.09.2024).
  24. Thibodeau Ph., Boroditsky L. Metaphors We Think With: The Role of Metaphor in Reasoning // *PLoS One*, 2011, vol. 6, no. 2. <https://dx.plos.org/10.1371/journal.pone.0016782>
  25. Van Stee S.K. Meta-Analysis of the Persuasive Effects of Metaphorical vs. Literal Messages // *Communication Studies*, 2018, vol. 69, no. 5, pp. 545-566. <https://doi.org/10.1080/10510974.2018.1457553>
  26. Wang L. Metaphor Research from the Perspective of Ecolinguistics // *Вопросы психолингвистики*, 2021, no. 2(50). С. 162-175.
  27. White S. Country diary: Breeding newts with all the drama of a flamenco dancer, 2022. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2022/jun/13/country-diary-breeding-newts-with-all-the-drama-of-a-flamenco-dancer> (дата обращения: 20.09.2024).
  28. Yan J. Metaphoric representation of Nature // 3rd International Conference on Interdisciplinary Social Sciences & Humanities (SOSHU

2020), 2020, pp. 370-374. URL: [https://www.webofproceedings.org/proceedings\\_series/ESSP/SOSHU%202020/SOSHU20074.pdf](https://www.webofproceedings.org/proceedings_series/ESSP/SOSHU%202020/SOSHU20074.pdf) (дата обращения: 20.09.2024).

### References

1. Golodnov A.V. *Linguopragmatic peculiarities of persuasive communication*. PhD dissertation. St. Petersburg, 2003, 101 p.
2. Gromorushkina A.A. Conceptual metaphor in ecological discourse of mass media. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Moscow State Linguistic University], 2019, no. 4 (820). pp. 91-99.
3. Zaripov R.I. Manipulation impact through metaphors as an element of information. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics]. 2015, pp. 95-106.
4. Ivanova E.V. Cognitive modelling of the image of nature in ecological mediadiscourse. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2009, is. 41, no. 7 (188), pp. 65-72.
5. Ivin A.A. *Argumentation in the process of communication*. Moscow; Berlin: Direct-Media Publ., 2015, 557 p.
6. Kolchevskaya V.A. *Means of expressing the category of persuasion in the genre "site" of tourist Internet-discourse*. PhD dissertation. Krasnodar, 2020, 206 p.
7. Lazurkina A.O. Persuasive strategies and tactics in ecological discourse. *Elektronnyy sbornik trudov molodykh spetsialistov Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Obrazovanie. Pedagogika* [Electronic catalogue of works by young specialists of Polotsk State University. Education. Pedagogics], 2020, no. 33(103), pp. 71-73. <https://elib.psu.by/handle/123456789/31971> (accessed September 20, 2024)).
8. Man'kovskaya Z.V. The use of persuasive strategies in ecological discourse (on the example of American public speeches). *Problemy sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Problems of Modern Science and Education], 2018, no. 3(123), pp. 44-49.
9. Ovsyannikova V.V. *Metaphorical models in scientific geological discourse*. Abstract of PhD dissertation. Tomsk, 2010, 261 p.

10. Shapochkin D.V. Ecological discourse: an intentional aspect. *Russian Linguistic Bulletin*, 2023, no. 3(39). <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.39.32>
11. Beer A.-J. *Country diary: Humans are nature just as much as the falling tree*, 2022. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2022/aug/27/country-diary-humans-are-nature-just-as-much-as-the-falling-tree> (accessed September 20, 2024).
12. *Cambridge Dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed September 20, 2024).
13. Carroll R. *'I'm happy we're not killing them any more': Ireland's last basking shark hunter on the return of the giants*, 2024. URL: <https://www.theguardian.com/environment/article/2024/may/04/ireland-achill-mayo-last-basking-shark-hunter-return-of-giant-fish> (accessed 20.09.2024).
14. Cocker M. *Swifts make sense if you think of them as insects*, 2012. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2012/aug/05/ruralaffairs-birds> (accessed September 20, 2024).
15. Figueres Ch. *If we keep abusing nature it will collapse, taking us with it. We need a new mindset*, 2022. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/nov/02/nature-climate-crisis-new-mindset> (accessed September 20, 2024).
16. Gilbert S. *Call of the wild: eco adventures in Argentina's Iberá wetlands*, 2020. URL: <https://www.theguardian.com/travel/2020/feb/13/rewilding-eco-adventures-argentina-ibera-wetlands-conservation> (accessed September 20, 2024).
17. Henderson F. *Fergus Henderson: Feet, glands, shanks, tripe. That's what I like to eat*, 2014. URL: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2014/apr/27/fergus-henderson-nature-writes-our-menu-st-john> (accessed September 20, 2024).
18. Hoare P. *How to solve a mass stranding: what caused 77 healthy whales to die on a Scottish beach?* 2024. URL: <https://www.theguardian.com/environment/article/2024/jul/18/pilot-whale-stranding-scottish-beach-sanday-orkney-cetaceans-sound> (accessed September 20, 2024).
19. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. The University of Chicago Press Books, 1980, 241 p.



20. *Merriam Webster Dictionary*. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (accessed September 20, 2024).
21. Meisner M.S. Metaphors of Nature. Old Vinegar in New Bottles? *The Trumpeter: Journal of Ecosophy*, 1995, vol. 12, no. 1, pp. 11-18.
22. Ottati V., Renstrom R. Metaphor and Persuasive Communication: A Multifunctional Approach. *Social and Personality Psychology Compass*, 2010, vol. 10, is. 9, pp. 783-794. <https://doi.org/10.1111/j.1751-9004.2010.00292.x>
23. Root R. 'We rarely see them now': just how vulnerable are Vanuatu's dugongs? 2024. URL: <https://www.theguardian.com/environment/article/2024/jul/04/vanuatu-dugong-sea-cow-population-south-pacific-vulnerable> (accessed September 20, 2024).
24. Thibodeau Ph., Boroditsky L. Metaphors We Think With: The Role of Metaphor in Reasoning. *PLoS One*, 2011, vol. 6. is. 2. <https://dx.plos.org/10.1371/journal.pone.0016782>
25. Van Stee S.K. Meta-Analysis of the Persuasive Effects of Metaphorical vs. Literal Messages. *Communication Studies*, 2018, vol. 69, is. 5, pp. 545-566. <https://doi.org/10.1080/10510974.2018.1457553>
26. Wang L. Metaphor Research from the Perspective of Ecolinguistics. *Journal of Psycholinguistics*, 2021, no. 2(50), pp. 162-175.
27. White S. *Country diary: Breeding newts with all the drama of a flamenco dancer*, 2022. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2022/jun/13/country-diary-breeding-newts-with-all-the-drama-of-a-flamenco-dancer> (accessed September 20, 2024).
28. Yan J. Metaphoric representation of Nature. *3rd International Conference on Interdisciplinary Social Sciences & Humanities (SOSHU 2020)*, 2020, pp. 370-374. URL: [https://www.webofproceedings.org/proceedings\\_series/ESSP/SOSHU%202020/SOSHU20074.pdf](https://www.webofproceedings.org/proceedings_series/ESSP/SOSHU%202020/SOSHU20074.pdf) (accessed September 20, 2024).

## ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

**Павлова Ксения Андреевна**, ассистент высшей школы лингвистики и педагогики  
*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого*

*ул. Политехническая, 29, г. Санкт-Петербург, 195251, Рос-  
сийская Федерация  
lone9782@yandex.ru*

#### **DATA ABOUT THE AUTHOR**

**Ksenia A. Pavlova**, Instructor of Graduate School of *Linguistics and  
Pedagogy*  
*Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University*  
*29, Polytechnicheskaya Str., St. Petersburg, 195251, Russian  
Federation*  
*lone9782@yandex.ru*  
*SPIN-code: 7304-7061*  
*ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0898-131X>*

Поступила 24.08.2024  
После рецензирования 18.09.2024  
Принята 28.09.2024

Received 24.08.2024  
Revised 18.09.2024  
Accepted 28.09.2024

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-446

УДК 81.432.1-006



Научная статья | Языки народов зарубежных стран

## ВЫРАЖЕНИЕ ЖЕНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕРЕЗ МАНИФЕСТАЦИЮ ГЛАГОЛА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА У. ТЕВИСА «ХОД КОРОЛЕВЫ»)

*Е.И. Винник*

*В статье рассматривается проблема становления женской идентичности в современных условиях, определенных мировоззрением постмодерна. Актуальность данного исследования обусловлена назревшей необходимостью теоретического осмысления и практического изучения роли языка как средства конструирования гендера через глагол.*

**Цель.** Выявить динамику становления женской идентичности в художественном тексте посредством глагольного воплощения.

**Материалы и методы.** В исследовании применяются: дефиниционный анализ гендерных тенденций, проблемы женской гениальности, контекстологическое наблюдение речевого материала художественного текста, интерпретирование и систематизация языковых фактов, статистическая обработка данных.

**Результаты.** Подтверждена гипотеза возможной динамики становления женской идентичности в художественном тексте посредством анализа глагольного семантического пространства романа У. Тевиса «Ход королевы» (около 1900 манифестаций).

**Область применения результатов.** Исследовательские результаты могут найти применение в системном изучении употребления глагола и глагольных форм в текстуальном пространстве как средства реализации гендерного аспекта.

**Ключевые слова:** гендер; идентичность; феминность; постмодерн; глагол; феминный хабитус; гений; роман инициации

*Для цитирования.* Винник Е.И. Выражение женской идентичности через манифестацию глагола (на материале романа У. Тевиса «Ход королевы») // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 3. С. 138-156. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-446

Original article | Languages of Peoples of Foreign Countries

## EXPRESSION OF FEMALE IDENTITY THROUGH VERBAL MANIFESTATION (ON THE BASIS OF THE QUEEN'S GAMBIT BY W. TEVIS)

*E.I. Vinnik*

**Background.** *The article discusses the problem of female identity's formation in the modern context determined by the worldview of post-modernism. The relevance of this study is due to the urgent need for theoretical understanding and practical scrutiny of the linguistic role as means of constructing gender through the verb.*

**Purpose.** *The study is aimed to ascertain the dynamics of female identity's formation in literary text through verbal presentation.*

**Materials and methods.** *The survey is based on: the definitional analysis of gender tendencies, problems of female genius, contextual observation of speech material of the fictional work, as well as linguistic facts interpretation and collation, statistical data manipulation.*

**Results.** *The hypothesis of potential dynamics of the female identity's formation in the literary text through the verbal semantic space's analysis of the novel The Queen's Gambit by W. Tevis (1900 manifestations) is justified.*

**Practical implications.** *The research outcome can find the application in systematic scrutiny of the verb/ verbals usage in the textual space as a means of gender aspect implementation.*

**Keywords:** *gender; identity; femininity; postmodern; verb; feminine habitus; genius; initiation novel*

**For citation.** *Vinnik E.I. Expression of Female Identity Through Verbal Manifestation (on the Basis of the Queen's Gambit by W. Tevis).*

*Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2024, vol. 16, no. 3, pp. 138-156. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-446*

## Введение

Изучение феномена женской идентичности является актуальной темой в современной культуре. В рамках различных гуманитарных исследований в русле культурологии, философии, социологии, гендерологии, лингвистики учёные обращаются к проблеме идентичности. Труды австрийского психоаналитика З. Фрейда в конце XIX в. основывались на анализе бессознательного в человеческой природе, опирающемся на концепцию существования традиционной биологической дихотомии «мужское/ женское». Женская идентичность в контексте биологического детерминизма определялась через призму материально-биологических факторов, характеризующих женщину в том или ином социуме и отсылалась к фрейдистскому представлению о врожденном мужском / женском начале. Структуру бессознательного ученый обозначал как гетерогенную, множественную и прерывистую, в которой соотношение компонентов и образов лишено последовательности. Следует отметить, что эти качества бессознательного дают возможность приблизиться к осмыслению феномена женского в культуре [7, с. 347].

Ключевую роль в становлении новых дефиниций идентичности имела философия постмодерна, опирающаяся на труды французских философов Ж. Лакана, С. де Бовуар, Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Делеза, М. Фуко, Ф. Гваттари, Ж. Дерриды, Р. Брайдотти. Основанием культуры постмодерна считается новое ощущение картины мира, которое опирается на плюрализм мировоззрений. По мысли Ж.-Ф. Лиотара, французского философа, постмодернизм можно определить как «... общий культурный знаменатель второй половины XX века, уникальный период, в основе которого лежит специфическая парадигмальная установка на восприятие мира в качестве хаоса» [11, с. 63]. Благодаря обозначенному Ж.-Ф. Лиотаром понятию «постмодернистское состояние» термин *постмодерн* получает рас-

пространение в исследованиях проблематики социума. В состоянии, когда система культуры постмодерна лишена иерархичности, ее компоненты равнозначны, равноценны, отсутствует деление на «высокое/ низкое», те сферы общества и культуры, которые прежде были оставлены без внимания стали анализироваться. В частности, вопросы самоопределения и идентичности человека, его развития как уникального творческого субъекта и т.д. Более того, обретают подвижность привычные понятия личностных ценностей, стереотипов и норм поведения, ориентаций, отношений между людьми.

С различных мировоззренческих и теоретико-методологических позиций ученые предприняли панорамный анализ пермутаций, происходящих с основным субъектом культуры – человеком. В трудах французских философов Ж. Лакана и М. Фуко разработана символическая теория пола. Ученые испытывали сомнения в том, что имеется сущностное единство «Я» в пространстве и времени, т.е. самоидентичность. В концепции Ж. Лакана сущность человека невозможно зафиксировать, однозначно охарактеризовать ввиду того, что человек постоянно находится в поисках самого себя, субъективность рассматривается с точки зрения социальной и культурной конструируемости. Исследуя ранние этапы осознания человеком своей субъективности, ученый выделил так называемую стадию зеркала и понятие «друговость» – эксплицированность двойственности в сознании субъективности. По мнению Ж. Лакана, маскулинность и феминность – символические параметры субъективности, рождающиеся на стадии ее социальной идентификации. По утверждению ученого «друговость» всегда присутствует и определяет женскую субъективность. Следовательно, субъективность не может обрести устойчивую идентичность, соответственно существует множественность уровней идентичности. М. Фуко выдвигал идею «смерти субъекта» - идею об исчезновении или растворении человека, который может быть помыслен в универсальной форме субъекта, определяющего основания и дающего смыслы [15, с. 327]. В своих работах философ поднимал проблему субъективности и в соотношении с властью как фактора, оказывающего влияние на

формирование идентичности человека, мужчины или женщины, поскольку власть диктует норму, предписывает индивиду отождествляемый статус. В работе «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» М. Фуко излагает историю становления тела в качестве объекта дисциплины: «В любом обществе тело зажато в тисках власти, налагающей на него принуждение, запреты или обязательство» [14, с. 199].

Значительно обогатили изучение ситуации постмодерна исследования представительниц интеллектуального феминизма: С. де Бовур, К. Миллит, С. Фаейрстоун, Л. Ирригарей, Э. Сиксу, Ю. Кристевой и др. Феминистский проект в философии возник в результате социально-экономических и культурных изменений в обществе, позволивший проявиться женским проблемам. Вторая волна феминистского движения связана с появлением социальной теории пола. Французский философ С. де Бовуар в исследовании «Второй пол» констатировала наличие женской субъективности, вынужденной существовать зависимым, вторичным явлением в патриархальном мире. Ее концепция инаковости сводилась к тому, что мужское и женское признается в качестве равных, соответственно, трактовка женщины как второстепенного пола устраняется, она получает возможность реализации себя по тем же образцам и схемам, какие были доступны мужчинам. С позиций феминистских теоретиков «мужчина и женщина» – концепты, сконструированные культурой, т.е. мужская и женская бытийность – это выполнение стереотипных социокультурных, гендерных ролей. Здесь уместно обращение к, ставшей классической, формуле, выведенной С. де Бовуар: *«женщиной не рождаются, женщиной становятся»* [3, с. 158]. С феминистскими исследованиями связывают введение в научный обиход понятия *гендер*, интенсивное использование которого в качестве аналитического инструмента позволило открыть новые возможности в изучении проблем общества и культуры.

В данной статье речь пойдет об анализе образа женщины в контексте описанных выше изменений. Отождествление феномена «женщина» и четко зафиксированного типа феминности в действи-

тельности не обнаруживается, поскольку фемининность по мысли С.А. Ильиных «представляет собой набор установок, ролей, норм поведения, иерархию ценностей, свойственных женскому полу в каждом конкретном обществе» [9, с. 123]. Еще в 1970-х гг. американский психолог С. Бем стала автором полоролевого опросника с целью исследования женщин в рамках определения типизированности гендерной идентичности. В ходе работы она выявила следующие три типа: маскулинный, фемининный и андрогинный. В последнее десятилетие предприняты попытки осмыслить множественность и неоднозначность фемининности, расширить типологию ее проявления. Отечественным социологом С.А. Ильиных предложена система фемининности, включающая следующие типы: нормативную, инверсионную, андрогинную, инфантильную, деформированную, ограничительную, естественную, престижную, имитационную, которые отражают множественность женских образов. Релевантно стоит отметить, что гендерная идентичность, по мнению психологов, усваивается индивидом в процессе социализации. Российские ученые в области гендера Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина указывают на то, что гендерная идентичность формируется у индивида в возрасте 5-7 лет с последующим наполнением и развитием посредством опыта и практик. А главным этапом вторичной социализации называют возраст между 17-25 годами, когда формируется мировоззрение личности и ее представления о собственном предназначении: «Период первичной социализации связан в основном с бессознательными и пассивными механизмами усвоения культуры, в то время как вторичная социализация предполагает большую включенность когнитивных механизмов и возможность творческого преобразования среды» [8, с. 114].

Устойчивость исторически сложившегося стереотипа об отсутствии женской гениальности служила причиной ее гендерной сегрегации как от предмета исследований ученых. Гениальность считалась сугубо мужской способностью и не подлежала сомнению. Историческая ретроспектива развития культуры свидетельствует о невозможности женщин проявить свои таланты,



неординарные дарования ни в одном виде творчества и оставить заметный след в анналах достижений. Отсутствие великих свершений, открытий со стороны женщин долгое время было темой ироничных насмешек, злых нападок, снисходительного оценивания женского пола как ущербного и неполноценного по сравнению с мужским. Немецкий философ Г. Гегель считал, что наука, философия, искусство – области знания, невозможные для женщины. Различия между мужчиной и женщиной он сравнивал с различием между животным и растением. Австрийский психоаналитик З. Фрейд язвительно заметил: «Полагают, будто женщины внесли меньший вклад в открытие и изобретение истории культуры, но, может быть, именно они открыли один вид техники – технику плетения и ткачества» [13, с. 383].

По мысли австрийского философа и психолога О. Вейнингера, «талант встречается у настоящей женщины крайне редко и бывает мало интенсивен <...> гениальность является некоторой степенью высшей мужественности, а потому – то женщина и не может быть гениальной» [5, с. 93]. Вопрос о роли гения и понимании гениальности в эпоху постмодерна в аспекте гендерной коллизии инициировала философия феминизма. Идеолог движения С. де Бовуар утверждала, что гением способен стать тот, кто способен к трансценденции, основанной на свободе. Эту способность женщине развивать было не дано, но все должно поменяться с утверждением за ней свободы, в том числе творческой [3, с. 537]. Традиционно сложившаяся подчиненность женщины мужчине, а не врожденная предрасположенность лишала женский пол возможности принадлежать к особой группе людей-гениев.

### **Материалы и методы исследования**

Проблема идентичности возникает в литературном дискурсе XX в. в связи с уходом от традиционных социальных ролей, ранее существовавших, укоренившихся и становится центральной для творчества писателей. Герои литературных произведений сфокусированы на поиске собственного места в новой модели социума,

на необходимости адаптироваться к быстро меняющейся действительности, на активном взрослении. Становится актуальной тема инициации. Этим объясняется возникновение в рамках романа воспитания инвариантной модели, получившей название *романа инициации*. Важно отметить особенность изображения истории героя в событийной канве этого типа романа, которая проявляется в становления личности, пережившей экзистенциальный переворот, т.е. прошедшей посвящение. Российский литературовед И.Е. Адельгейм, исследуя произведения, в которых репрезентирован мотив/ сюжет/ жанр инициации, замечает, что такой тип романа «изображает биографию как бы пунктиром, повествование не воспроизводит последовательно весь процесс взросления, а сосредоточено на моменте достижения зрелости, воспринимаемом как биографическая цезура» [1, с. 448]. Стоит отметить и тип героя романа инициации – это необычный персонаж, часто обладающий уникальными способностями, одаренный, способный нестандартно мыслить, брать на себя ответственность, принимать решения. Объектом нашего исследования стал жанр романа инициации в литературе США второй половины XX в.

Роман американского писателя У. Тевиса «Ход королевы», опубликованный в 1983 г., повествует о жизни девушки-шахматистки, вундеркинде Элизабет Хармон. Экранизация романа вышла в свет 2020 г., благодаря компании Netflix, главную роль в фильме сыграла британско-аргентинская актриса Аня Тейлор-Джой. В произведении представлен женский тип инициации. Роман У. Тевиса предваряется эпиграфом, взятым из стихотворения У.Б. Йейтса «Водомерка»:

*«She thinks, part woman, three parts a child,  
That nobody looks; her feet  
Practice a tinker shuffle  
Picked up on the street.  
Like a long-legged fly upon the stream  
Her mind moves upon silence»* [16, p. 1].

Этот фрагмент стихотворения акцентирует внимание на одной из главных проблем произведения – внутренней работе гения в жен-

щине. По заявлению У. Тевиса, его роман – это дань уважения умным женщинам. В фабуле романа раскрывается жизнь героини Бет Хармон с момента ее детства, проведенного в сиротском приюте, в приемной семье, борьбы с транквилизаторами и алкогольной зависимостью до ее триумфального восхождения к вершине мировых шахмат - к званию гроссмейстера.

В аспекте гендерной лингвистики гендер как социокультурный пол может быть рассмотрен через его языковые репрезентации. Французский лингвист Э. Бенвенист, автор лингвистической теории субъективности, характеризуя язык, описывал его как «священное звено жизни психической и жизни общественнокультурной» [2, с. 45]. Сходная позиция ранее была изложена в работах А.А. Потебни, выдающегося отечественного языковеда: «язык есть средство не выражать уже готовую мысль, а создавать ее, что он не отражение сложившегося мирозерцания, а слагающая его деятельность» [12, с. 151]. Как индивидуальное явление язык изучался в работах русского лингвиста И.А. Бодуэна де Куртенэ, утверждавшего, что причину языковых изменений нужно искать в психической деятельности человека: «язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое общество» [4, с. 71]. Следовательно, гендерный подход позволяет изучить какими средствами располагает язык для конструирования гендерной идентичности.

### **Результаты исследования**

Предметом нашего исследования выступают манифестации глагола как средства отражения динамики становления женской идентичности героини романа «Ход королевы». В работах российского лингвиста А.В. Кирилиной исследуется проблема конструирования маскулинности и фемининности через функционирование гендерных маркеров, среди которых можно выделить глаголы и глагольные формы, отражающие мужское и женское поведение [10, с. 137]. Интерес исследователей к классу глаголов обусловлен всеобщим

признанием нормативно-синтагматической ценности этой части речи, поскольку она фиксирует темпорально-динамический аспект объективной действительности, отражающейся в разнообразных последовательностях изменений.

Немецкий филолог В. фон Гумбольдт давно указывал на то, что «...Все остальные слова предложения подобны мертвому материалу... и лишь глагол является связующим звеном, содержащим в себе и распространяющим жизнь» [6, с. 135]. Одним из важнейших свойств семантики глагола учеными-лингвистами отмечается высокая степень вариативности при передаче информации, о протекании, характере и направлении процесса. Далее представим следующую таблицу 1, отражающую систематизацию основных парадигматико-семантических признаков глагола в романе «Ход королевы» У. Тевиса.

Таблица 1.

**Классификация основных парадигматико-семантических признаков глагола в романе «Ход королевы» У. Тевиса**

Класс	Подкласс	Количество манифестаций в динамике становления женской идентичности героини Бет Хармон			
		8 лет	13-16 лет	17 лет	18-19 лет
Динамические глаголы	Глаголы движения	14	42	61	83
	Глаголы совершения действия, поступка или воздействия	8	35	54	87
	Глаголы созидания или придания нового качества	5	13	21	29
	Глаголы приобретения	3	11	24	41
	Глаголы мгновенного действия	7	15	27	36
	Глаголы речи	13	28	45	67
	Глаголы звучания	2	5	8	12
	Глаголы эмоциональной реакции	17	31	48	71
	Глаголы «самостийные», обозначающие произвольные процессы, исключают волю или усилие субъекта	0	1	3	3
	Безличные глаголы	1	1	0	1

Статальные глаголы	Глаголы восприятия и осмысления	32	51	68	127
	Концептуально-дивергентные глаголы	5	12	16	19
	Глаголы ощущения и восприятия телом	12	25	37	45
Релятивные глаголы	Глаголы, передающие компаративные двусторонние отношения равенства/неравенства и т.д.	1	1	2	1
	Глаголы, выражающие отношение, включение	2	3	3	4
	Глаголы, передающие оценочные, эмоциональные отношения	22	38	52	61
Модальные, модусные, функторные глаголы	Модальные глаголы, выражающие долженствование, возможности, сомнения	6	13	17	23
	Модусные глаголы запрещения, препятствия	1	5	4	2
	Модусные глаголы интенции	18	33	56	73
	Глаголы, выражающие нереализованность действия или недостаточность	1	1	0	1
		170	364	546	786
<b>Всего:</b>		<b>1 866</b>			

В ходе статистического анализа употребления глагола и личных форм глагола в пространстве романа было установлено 1866 манифестаций, которые охватывают разного рода семантические классы и подклассы глаголов в речи Бет Хармон, освещающих четыре жизненных временных периода героини – от 8 до 19 лет.

Классификация, представленная в таблице 1, учитывает динамику становления женской идентичности Элизабет Хармон, репрезентированную основными парадигматико-семантическими признаками глагола в произведении.

### Обсуждение

Статистический анализ исследуемого материала позволил установить:

- выбранный автором жанр романа инициации предоставил возможность на качественном уровне изучить фемининный хабитус биографической реконструкции пройденного жизненного пути героини и отследить индивидуальные процессы формирования ее идентичности. Развертывание перспективы становления личности героини, ее взросления носит динамичный характер, который можно обнаружить в ее портретизации через употребление динамических глаголов движения (14/ 42/ 61/ 83), совершения действия и поступка (8/ 35/ 54/ 87), эмоциональной реакции (17/ 31/ 48/ 71), речи (13/ 28/ 45/ 67), статальных глаголов восприятия и осмысления (32/ 51/ 68/ 127), ощущения и восприятия телом (12/ 25/ 37/ 45), релятивных глаголов, передающих оценочные, эмоциональные отношения (22/ 38/ 52/ 61). Таким образом, в изучаемом художественном тексте представлена трансформация личности Бет Хармон, поиск самоидентичности через возможность действовать, меняться, совершенствоваться посредством глагольных форм. Стоит отметить возрастающую частотность употребления глаголов, выражающих совершение поступка и осмысление на пути к взрослению героини, к экзистенциональному повороту ее сознания через отказ от пагубных привычек, осознание своего гения и профессиональную реализацию.
- автор У. Тевис в работе над текстом использует, характерный для человеческой когниции, принцип «когнитивной экономии», применяя глагол как ту часть речи, которая обладает информационной насыщенностью, при этом минимизирует когнитивные усилия и ресурсы человека. Рассмотрение траектории жизненного пути женского гения через призму употребления глагольных форм, в частности, модальных глаголов, выражающих долженствование, возможности, сомнения (6/ 13/ 17/ 23) и модусных глаголов интенции (18/ 33/ 56/ 73) подтверждают факт выраженной интенциональности, свойственной действиям героини и осмысленного целеполагания как способа ее мышления.

Таблица 2.

## Поиск женской идентичности в глагольном выражении

Элизабет Хармон	Примеры
8 лет	<p>Abruptly she <u>saw</u> herself as a small unimportant person—a plain, brown-haired orphan girl in dull institutional clothes. She <u>was</u> half the size of these easy, insolent students with their loud voices and bright sweaters. She <u>felt</u> powerless and silly. But then she <u>looked</u> at the boards again, with the pieces set in the familiar pattern, and the unpleasant feelings <u>lessened</u>. She <u>might</u> be out of place in this public high school, but she <u>was not out of place</u> with those twelve chessboards. “Take your seats and be quiet, please.” Mr. Ganz spoke with surprising authority. “Charles Levy will take Board Number One, since he’s our top player. The rest can sit where they want to. There will be no talking during play.”</p> <p>Suddenly everyone was quiet, and they all began to look at Beth. She <u>looked back</u> at them, <u>unblinking</u>, and she <u>felt rising</u> in her a hatred as black as night. She <u>turned</u> to Mr. Ganz. “<u>Do I start</u> now?” she <u>asked</u>. “With Board Number One.”</p> <p>“And then I <u>go</u> to the next one?”</p> <p>“That’s right,” he said. She <u>realized</u> that he hadn’t even introduced her to the class. She <u>stepped over</u> to the first board, the one with Charles Levy sitting behind the black pieces. She <u>reached out</u>, <u>picked up</u> the king’s pawn and <u>moved</u> it to the fourth rank. The surprising thing was how badly they played. All of them. In the very first games of her life she <u>had understood</u> more than they did. They left backward pawns all over the place, and their pieces were wide open for forks. A few of them tried crude mating attacks. She <u>brushed</u> those aside like flies. She <u>moved</u> briskly from board to board, her stomach calm and her hand steady. At each board it <u>took</u> only a second’s glance to read the position and see what <u>was called for</u>. Her responses <u>were</u> quick, sure and deadly. Charles Levy was supposed to be the best of them; she <u>had</u> his pieces <u>tied up</u> beyond help in a dozen moves; in six more she <u>mated</u> him on the back rank with a knight-rook combination. Her mind <u>was</u> luminous, and her soul <u>sang</u> to her in the sweet moves of chess. The classroom smelled of chalk dust and her shoes squeaked as she <u>moved down</u> the rows of players. The room was silent; she <u>felt</u> her own presence centered in it, small and solid and in command. Outside, birds sang, but she <u>did not hear</u> them. Inside, some of the students stared at her. Boys came in from the hallway and lined up along the back wall to watch the homely girl from the orphanage at the edge of town who <u>moved</u> from player to player with the <u>determined</u> energy of a Caesar in the field, a Pavlova under the lights. There were about a dozen people watching. Some smirked and yawned, but others could feel the energy in the room, the presence of something that had never, in the long history of this tired old schoolroom, been felt there before. What she <u>did was</u> at bottom shockingly trivial, but the energy of her <u>amazing</u> mind <u>crackled</u> in the room for those who knew how to listen. Her chess <u>moves blazed</u> with it. By the end of an hour and a half, she <u>had beaten</u> them all without a single false or <u>wasted</u> move.</p> <p>She <u>stopped</u> and <u>looked</u> around her. Captured pieces sat in clusters beside each board. A few students were staring at her, but most avoided her eyes. There was scattered applause. She <u>felt</u> her cheeks flush; something in her <u>reached out</u> desperately toward the boards, the dead positions on them. There was nothing left there now. She <u>was</u> just a little girl again, without power [16, p. 28-29].</p>

<p>1-16 лет</p>	<ol style="list-style-type: none"> <li>Beth <u>had learned not to believe</u> in God during her time in Methuen’s chapel, and she never <u>prayed</u>. But now she <u>said</u>, under her breath, <i>Please God let me play Beltik and checkmate him</i> [16, p. 66].</li> <li>There was a tight little world of tournaments like the United States Championship and the Merriwether Invitational that she <u>knew</u> of through <u>overheard</u> conversations and from articles in <i>Chess Review</i>; it <u>was</u> time she <u>got into</u> it, and then into international chess. Sometimes she <u>would visualize</u> herself as what she <u>wanted to become</u>; a truly professional woman and the finest chessplayer in the world, <u>traveling</u> confidently by herself in the first-class cabins of airplanes, tall, perfectly <u>dressed</u>, goodlooking and <u>poised</u>—a kind of white Jolene. She often <u>told</u> herself that she <u>would send</u> Jolene a card or a letter, but she never <u>did</u>. Instead she <u>would study</u> herself in the bathroom mirror, <u>looking for</u> signs of that <u>poised</u> and beautiful woman she <u>wanted to become</u>. At sixteen she <u>had grown</u> taller and better-looking, <u>had learned to have</u> her hair cut in a way that <u>showed</u> her eyes to some advantage, but she still <u>looked</u> like a schoolgirl. She <u>played</u> tournaments about every six weeks now—in states like Illinois and Tennessee, and sometimes in New York. They still <u>chose</u> ones that <u>would pay</u> enough <u>to show</u> a profit after the expenses for the two of them. Her bank account <u>grew</u>, and that <u>was</u> a considerable pleasure, but somehow her career <u>seemed to be</u> on a plateau. And she <u>was</u> too old <u>to be called</u> a prodigy anymore [16, p. 97-98].</li> <li>Beth <u>was</u> in high school now, and there was a chess club, but she <u>did not belong</u>. The boys in it were nonplused to have a Master walking the hallways, and they would stare at her in a kind of embarrassed awe when she <u>passed</u> &lt;...&gt; She <u>spent</u> about an hour a night on her homework and <u>made</u> As. But homework <u>meant</u> nothing to her. It <u>was</u> the five or six hours of <u>studying</u> chess that <u>was</u> at the center of her life. She <u>was enrolled</u> as a special student at the university for a class in Russian that <u>met</u> one night a week. It <u>was</u> the only schoolwork that she <u>paid</u> serious attention to [16, p. 108].</li> </ol>
<p>17 лет</p>	<ol style="list-style-type: none"> <li>...she <u>felt</u> light and springy, ready <u>to go ahead</u> and <u>finish</u> high school and <u>devote</u> her energy to chess. She <u>had</u> three thousand dollars in her savings account; she <u>was</u> no longer a virgin; and she <u>knew</u> how <u>to drink</u> &lt;...&gt; Beth <u>graduated</u> from high school in June, and Mrs. Wheatley gave her a Bulova watch. The back of the case read “<i>With love from Mother.</i>” She <u>liked</u> that, but what she <u>liked</u> better <u>was</u> the rating that <u>came</u> in the mail: 2243. At the school party, several other graduates offered Beth surreptitious drinks, but she <u>refused</u>. She <u>had</u> fruit punch and <u>went</u> home early. She <u>needed to study</u>; she <u>would be playing</u> her first international tournament, in Mexico City, in two weeks, and after that came the United States Championship. She <u>had been invited</u> to the Remy-Vallon in Paris, at the end of the summer. Things were beginning to happen [16, p. 114].</li> <li>She <u>arrived</u> five minutes early and <u>was</u> at the board when her opponent came walking up, a bit awkwardly. He looked about twelve years old. Beth <u>had seen</u> him around the ballroom, <u>had passed</u> boards where he was playing, but she <u>had been distracted</u>, and his youth hadn’t really registered. &lt;...&gt; It <u>was</u> very strange, and she <u>felt</u> uncomfortable. <i>She was supposed to be the prodigy.</i> He looked so damned <i>serious</i>. She <u>held out</u> her hand. “I’m Beth Harmon.” He stood, bowed slightly, took her hand firmly and shook it once. “I am Georgi Petrovitch Girev,” he said. Then he smiled shyly, a small furtive smile. “I am honored.”</li> </ol>



	<p>She <u>felt flustered</u>. “Thanks.” They both <u>sat</u>, and he pressed the button down on her clock. She <u>played</u> pawn to queen four, glad <u>to have</u> the first move against this <u>unnerving</u> child. It started out as a routine Queen’s Gambit Accepted; he took the offered bishop pawn, and they both <u>developed</u> toward the center. But as they <u>got</u> into the midgame it became more complex than usual, and she <u>realized</u> that he was playing a very sophisticated defense. He moved fast—maddeningly fast—and he seemed to know exactly what he was going to do. She <u>tried</u> a few threats, but he was unperturbed by them. An hour passed, then another. The move numbers were now in the thirties, and the board was dense with men. She <u>looked</u> at him as he was moving a piece—at the skinny little arm stuck out from the absurd shirt—and she <u>hated</u> him. He could have been a machine. You little creep, she <u>thought</u>, suddenly <u>realizing</u> that the adults she <u>had played</u> as a child <u>must have thought</u> the same thing about her [16, p. 122-123].</p> <p>3. She <u>awoke</u> the next morning with a <u>crushing</u> headache and a determination to <u>get on with</u> her career. Mrs. Wheatley was dead. Harry Beltik was gone. The U.S. Championship was in three weeks; she <u>had been invited</u> to it before <u>going</u> to Mexico, and if she <u>was going to win</u> it, she <u>was going to have to beat</u> Benny Watts &lt;...&gt; The U.S. Championship <u>would be</u> in three weeks; <u>it was</u> time it was <u>won</u> by a woman. It <u>was</u> time she <u>won</u> it [16, p. 144-146].</p>
18-19 лет	<p>1. She <u>had been so wrapped</u> up in chess that only now <u>did she realize</u>: she <u>was</u> actually in Paris! This was Paris, this avenue she <u>was walking on</u>; those beautifully dressed women walking toward her were Frenchwomen, <i>Parisiennes</i>, and she herself <u>was</u> eighteen years old and the United States Champion at chess. She <u>felt</u> for a moment a joyful pressure in her chest and <u>slowed</u> her walking. &lt;...&gt; She <u>might have</u> an apartment here someday, on the Boulevard Raspail or the Rue des Capucines. By the time she <u>was</u> in her twenties she <u>could be</u> World’s Champion and <u>live</u> wherever she <u>wanted to live</u>. She <u>could have a pied à terre</u> in Paris and <u>go</u> to concerts and plays, <u>eat</u> lunch every day in a different café, and <u>dress</u> like these women who walked by her &lt;...&gt; She <u>had</u> something that none of them had, and it could <u>give</u> her a life that anyone might envy. Benny had been right to urge her <u>to play</u> here and then, next summer, in Moscow. There <u>was nothing to hold</u> her in Kentucky, in her house; she <u>had</u> possibilities that <u>were</u> endless [16, p. 174].</p> <p>2. She <u>loved</u> her money; she and Mrs. Wheatley <u>had</u> both <u>taken</u> great pleasure in <u>accumulating</u> it from tournament to tournament, <u>watching</u> it gather interest. They <u>had</u> always <u>opened</u> Beth’s bank statements together <u>to see</u> how much new interest <u>had been credited</u> to the account. And after Mrs. Wheatley’s death it <u>had consoled</u> her <u>to know</u> that she <u>could go on living</u> in the house, <u>buying</u> her groceries at the supermarket and <u>going</u> to movies when she <u>wanted</u> to without <u>feeling pinched</u> for money or <u>having to think</u> about <u>getting work</u> or <u>going</u> to college or <u>finding</u> tournaments <u>to win</u> [16, p. 181].</p> <p>3. Then one morning after a night of dark and confusing dreams she <u>awoke</u> with an unaccustomed clarity: if she <u>did not stop drinking</u> immediately, she <u>would ruin</u> what she <u>had</u>. She <u>had allowed</u> herself <u>to sink into</u> this <u>frightening</u> murk. She <u>had to find</u> a foothold somewhere <u>to push</u> herself free of it. She <u>would have to get help</u>. With a great sense of relief, she suddenly <u>knew</u> who it <u>was</u> she <u>wanted to get</u> help from [16, p. 190].</p> <p>4. She <u>would go</u> alone, or with whomever the State Department found to send with her. She <u>had studied</u> Russian, and she <u>would not be</u> totally at a loss. The Russian players would speak English, anyway. She <u>could do</u> her own training. She <u>had been training</u> alone for months. She <u>finished off</u> the last of her coffee. She <u>had been training</u> alone for most of her life [16, p. 211].</p>

### **Заключение**

Опираясь на приведенные иллюстративные контексты, подведем итоги: автор произведения, следуя закономерностям романа инициации, демонстрирует жизненную событийную канву героини, в которой модели ее поведения отличаются высоким уровнем эмоциональной насыщенности, интуитивных действий, что свойственно нормативной феминности, в то же время проявлением сдержанности, рассудительности, холодного расчета, что свойственно маскулинному типу поведения. Сценарий поведения героини соответствует женскому хабитусу, в котором находит место стратегическое целеполагание, обеспечившее успешную самореализацию в профессиональной карьере. Подытоживая сказанное, отметим, что роман инициации «Ход королевы» представил героиню Бет Хармон, гениальную шахматистку, прошедшую путь от девочки-сироты из приюта до триумфальной победы на шахматном турнире в Москве. Проверка социально-онтологической модальности, разворачивание внутренней эволюции, реализация творческого потенциала сформировали андрогинный тип женской идентичности гениальной героини. Его репрезентация рассмотрена в поле глагольной манифестации как наиболее емкой формы речевого выражения, маркирующей динамику становления идентичности героини. Тем самым подтверждается мысль Э. Бенвениста о том, что язык создан по мерке человека, поэтому его масштаб отражен в организации языка [2, с. 15].

### ***Список литературы***

1. Адельгейм И.Е. «Всякое детство есть некая подвижная правда...»: проза инициации в молодой польской литературе конца XX-начала XXI века // Славянский вестник. М.: МАКС Пресс, 2004. Вып. 2. С. 441-453.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика / ред., вступ. ст. и коммент. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
3. Бовуар С. де. Второй пол. М.: Прогресс, 1997. 832 с.

4. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 391 с.
5. Вейнингер О. Пол и характер. М.: Терра, 1992. 480 с.
6. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию (Серия «Языковеды мира»). М.: Прогресс, 1984. 398 с.
7. Жеребкина И. Феминизм и психоанализ // Введение в гендерные исследования: уч. в 3 ч. / под. Ред. И. Жеребкиной. Ч. 1: учеб. пособие / Е. Ярская-Смирнова [др.]. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. 991 с.
8. Здравомыслова Е., Темкина А. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России // Материалы Первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям «Валдай-96» / Сборник / Хоткина З.А., Воронина О.А., Клименкова Т.А. и др.; редколлегия О. Воронина, З. Хоткина, Л. Луняякова. М.: МЦГИ, 1997. С. 111-122.
9. Ильиных С.А. Женский пол в калейдоскопе образов // Идеи и идеалы. 2013. № 2(16). Т. 1. С. 123-130.
10. Кирилина А.В. Возможности гендерного подхода в антропоориентированном изучении языка и коммуникации // Кавказоведение. Caucasiology. 2002. № 2. С. 134-141.
11. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна: пер. с фр. Н.А. Шматко / Инт. Экспериментальной социологии. М.: «АЛЕТЕЙЯ», СПб., 1998. 160 с.
12. Потебня А.А. Полное собрание трудов: мысль и язык. М.: «Лабиринт», 1999. 300 с.
13. Фрейд З. Женственность // Введение в психоанализ. Лекции. М.: Наука, 1989. 456 с.
14. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы // Пер. с фр. В. Наумова; под. ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.
15. Фуко М. Герменевтика субъекта. Курс лекций, прочитанных в Колледже де Франс в 1981-1982. СПб.: Наука, 2007. 667 с.
16. Tevis W. The Queen's gambit. Weidenfeld & Nicolson, 2020, 243 p.

### References

1. Adolgejm I.E. Every childhood is a kind of moving truth: prose of initiation in young Polish literature late XX-early XXI c. *Slavyanskij vestnik* [Slavic Bulletin]. Moscow: MAKSPress Publ., 2004, no. 2, pp. 441-453.
2. Benvenist E. *General linguistics*. Moscow: Progress Publ., 1974, 448 p.

3. Bovuar S. de. *The second sex*. Moscow: Progress Publ., 1997, 832 p.
4. Boduen de Kurtene I.A. *Selected works on linguistics*. Moscow: Akad. nauk SSSR Publ., 1963, 391 p.
5. Vejninger O. *Sex and character*. Moscow: Terra Publ., 1992, 480 p.
6. Gumboldt V. von. *Selected works on linguistics*. Moscow: Progress Publ., 1984, 398 p.
7. Zherebkina I. Feminism and psychoanalysis. *Introduction to gender studies* [Vvedenie v gendernye issledovaniya]. Harkov: HCGI Publ.; St. Petersburg: Aletheia Publ., 2001, 991 p.
8. Zdravomyslova E., Temkina A. Social construction of gender and gender system in Russia. *Proceedings of the First Russian Summer School on Women's and Gender Studies "Valdai-96"* [Materialy Pervoj Rossijskoj letnej shkoly po zhenskim i gendernym issledovaniyam «Valdaj-96»]. Moscow: MCGI Publ., 1997, pp. 111-122
9. Ilinykh S.A. Female gender in a kaleidoscope of images. *Idey i idealy* [Ideas and Ideals], 2013, no. 2(16), vol. 1, pp. 123-130.
10. Kirilina A.V. Possibilities of a gender approach in human-centered study of language and communication. *Kavkazovedenie* [Caucasiology], 2002, no. 2, pp. 134-141.
11. Liotar Zh.-F. *Postmodern condition*. Moscow: ALETHEIA Publ., St. Petersburg: ALETHEIA, 1998, 160 p.
12. Potebnaya A.A. *Complete works: thought and language*. Moscow: Labirint Publ., 1999, 300 p.
13. Frejd Z. Femininity. *Vvedenie v psihoanaliz. Lekcii* [Introduction to Psychoanalysis. Lectures]. Moscow: Science, 1989, 456 p.
14. Fuko M. *To discipline and to punish: The birth of the prison*. Moscow: Ad Marginem, 1999, 480 p.
15. Fuko M. *Hermeneutics of the subject*. St. Petersburg: Nauka Publ., 2007, 667 p.
16. Tevis W. *The Queen's gambit*. Weidenfeld & Nicolson, 2020, 243 p.

### ДАнные ОБ АВТОРЕ

**Винник Евгения Ивановна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Институт филологии журналистики и межкультурной коммуникации

*Южный федеральный университет  
пер. Университетский, 93, г. Ростов-на-Дону, Ростовская  
область, 344006, Российская Федерация  
[vinnikevgesh@mail.ru](mailto:vinnikevgesh@mail.ru)*

#### **DATA ABOUT THE AUTHOR**

**Evgeniya I. Vinnik**, Ph. D. in Philology, Associate Professor of English  
Philology Department, Institute of Philology, Journalism and In-  
tercultural Communication  
*Southern Federal University  
93, Universitetsky Ave., Rostov-on-Don, Rostov region, 344006,  
Russian Federation  
[vinnikevgesh@mail.ru](mailto:vinnikevgesh@mail.ru)  
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9538-6780>*

Поступила 24.08.2024

После рецензирования 18.09.2024

Принята 28.09.2024

Received 24.08.2024

Revised 18.09.2024

Accepted 28.09.2024

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-420

УДК 81-115



Научная статья |  
Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

## СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АДЪЕКТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

*Е.А. Бибик*

**Обоснование.** *Выявление структурно-грамматических особенностей адъективных фразеологических единиц в русском и английском языках имеет большое значение с точки зрения изучения особенностей языковой системы и национально-культурного контекста исследуемых языков, что позволяет глубже изучить особенности употребления и функционирования фразеологических единиц, паремий.*

**Цель исследования.** *Выявить структурно-грамматические особенности адъективных фразеологических единиц в русском и английском языках.*

**Материалы и методы.** *Был применён описательный метод по итогам анализа и синтеза теоретического материала, а также метод контекстуального анализа представленных в работе практических материалов, а именно адъективных фразеологических единиц, полученных методом сплошной выборки.*

**Результаты.** *В результате анализа структурных и грамматических особенностей исследуемых нами паремий русского и английского языков мы можем сделать вывод, что имеющиеся различия в их выражении связаны в первую очередь с тем, что наиболее важное в синтаксической типологии языков отношение 'субъект – действие – объект' по-разному выражается в исследуемых языках, что обусловлено особенностями синтаксического строя каждого языка, представляющего собой особые взаимоотношения струк-*

турно-смысловых компонентов предложения. С точки зрения способа и средств выражения русский язык является флективным, а английский – аналитическим.

Несмотря на некоторые различия, адъективные фразеологические единицы в сравниваемых нами языках обладают значительным сходством в своей структуре и грамматике, что можно объяснить общностью законов организации языка и универсальностью логических категорий, лежащих в основе его формирования.

**Область применения.** Результаты представленной работы применимы в области исследования особенностей адъективных фразеологических единиц, а также прилагательных в паремиях русского и английского языков.

**Ключевые слова:** адъективные фразеологические единицы; структурно-грамматические особенности; лингвистика; прилагательные; адъективные компаративные фразеологические единицы; адъективные некомпаративные фразеологические единицы

**Для цитирования.** Бибик Е.А. Структурно-грамматические особенности адъективных фразеологических единиц в русском и английском языках // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 3. С. 157-168. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-420

Original article | Theoretical, Applied and Comparative Linguistics

## STRUCTURAL AND GRAMMATICAL FEATURES OF ADJECTIVAL PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

*E.A. Bibik*

**Background.** Identifying the structural and grammatical features of the adjectival phraseological units both in Russian and English is significant in regard to exploring the peculiarities of the linguistic system and the national-cultural context of the languages under study, which

*makes it possible to further study the peculiarities concerning the use and functioning of phraseological units and paroemias.*

**Purpose.** *To identify the structural and grammatical features of the adjectival phraseological units in the Russian and English languages.*

**Materials and methods.** *The descriptive method was applied based both on the results of the analysis and synthesis over the theoretical material as well as the method of contextual analysis of the practical materials presented in the paper; namely adjectival phraseological units obtained by the method of random selection.*

**Results.** *As a result of the structural and grammatical peculiarities analysis of the Russian and English paroemias under study we can conclude that the existing differences in their expression are connected first of all with the fact that the most important in the syntactic typology of languages relation 'subject - action - object' is expressed in the languages under study in different ways, due to the peculiarities of the syntactic structure of each language, which is a special relationship between the structural and semantic components of the sentence. From the perspective of the mode and means of expression the Russian language is inflective, and the English language is analytic.*

*Despite some differences, the adjectival phraseological units in the languages under study have significant similarities in their structure and grammar, which can be explained by the common laws of the language organization and universality of the logical categories behind its formation.*

**Practical implications.** *The results of the presented work are relevant to the research concerning the peculiarities of adjectival phraseological units, as well as adjectives in Russian and English paroemias.*

**Keywords:** *adjectival phraseological units; structural and grammatical features; linguistics; adjectives; adjectival comparative phraseological units; adjectival non-comparative phraseological units*

**For citation.** *Bibik E.A. Structural and Grammatical Features of Adjectival Phraseological Units in the Russian and English Languages. Sovremennyye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2024, vol. 16, no. 3, pp. 157-168. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-420*



## **Введение**

По мнению многих исследователей в области лингвистики, такая языковая система, как словообразование, базируется на ономасиологических принципах. В разное время изучением данного вопроса занимались многие зарубежные и отечественные деятели (К.Л. Пайк, В. Матезиус, Л. Теньер, Ф.Ф. Фортунатов, И.И. Мещанинов, С.Д. Кацнельсон, Н. Я. Марр, В.В. Виноградов, Н.Ю. Шведова, В.Г. Адмони, Н.Д. Арутюнова, В.Г. Гак и др.).

Выявление структурно-грамматических особенностей адъективных фразеологических единиц в русском и английском языках имеет большое значение с точки зрения изучения особенностей языковой системы и национально-культурного контекста исследуемых языков, что позволяет глубже изучить особенности употребления и функционирования фразеологических единиц, паремий.

Акцент на базовые принципы формирования лексико-грамматических систем с точки зрения ономасиологии, а именно на изучение каждого языкового класса через призму взаимосвязи среды, в которой происходило его формирование и способов восприятия мира у акцептов внутри неё, объясняется необходимостью объяснения языковых явлений на основе современного антропоцентрического подхода [10].

## **Цель исследования**

Цель исследования состояла в выявлении структурно-грамматических особенностей адъективных фразеологических единиц в русском и английском языках.

## **Материалы и методы**

Автором данной статьи был применён описательный метод по итогам анализа и синтеза теоретического материала, а также метод контекстуального анализа представленных в работе практических материалов, а именно адъективных фразеологических единиц, полученных методом сплошной выборки.

### Результаты и обсуждение

Основы функционирования лексических категорий определяются формой деятельности человека, внутри которой происходило формирование конкретных лексических единиц, и зависят от способа восприятия мира участвующих в данном процессе категорий людей [4, с. 219]. При таком подходе понятие «часть речи» является синтезом отражения восприятия действительности человеком и одновременно результатом его мыслительной деятельности, выполняющим важную функцию сохранения фундаментальных основ формирования человеческого сознания [5, с. 6]. Части речи отражают объекты реального мира в структуре языка, выражая устройство мира через систему их классификации. Мы можем рассматривать части речи с когнитивной точки зрения, основываясь на ономаσιологическом принципе деления слов на классы, который предполагает, что классификация слов соответствует реальным объектам и явлениям, которые осознает и различает человек [6, с. 24-25].

Согласно А.А. Потемне, начальный период развития ‘слова’ можно охарактеризовать как поиск способа обозначить мыслеформу. Поэтому изначально ‘слово’ как концепт было лишено любых формальных характеристик, и не могло быть интерпретировано [8, с. 134]. Впоследствии в результате сравнения объектов или предметов действительности между собой в сознании ‘человека’ происходило их разделение по признаку [1, с. 107]. Мнения зарубежных исследователей по вопросу категоризации прилагательного как части речи можно свести к тому, что функциональный параметр играет здесь первостепенную роль [9; 12; 13].

Так, в соответствии с классификацией английского филолога Г. Суита, прилагательное ‘big’ в выражении ‘a big bag’ можно считать определяющим, тогда как это же прилагательное во фразе ‘a big mistake’, по его мнению, является классифицирующим [14, p. 57].

В соответствии с классификацией прилагательных, предложенной американским лингвистом М. Брайент, прилагательные в зависимости от позиции в предложении можно подразделить на атрибутивные (‘His black suit was perfect’) и предикативные (‘The water we swam in

was absolutely black’), по значению же она подразделяет прилагательные на ограничительные (‘The student who passed the exam is happy’), где ‘счастливым’ является определённый студент, который смог сдать экзамен, и неограничительные (‘The student, who passed the exam, is happy’). В данном случае ‘счастливым’ можно назвать любого студента, сдавшего какой-либо экзамен [11, p. 47-51].

Ситуация, когда к классу прилагательных можно отнести порядковые числительные, отдельные виды местоимений и другие части речи, является до сих пор спорной, что является затруднением в сфере определения границ и состава класса имени прилагательного. По мнению Р.М. Диксона, ‘прилагательное’ как часть речи – до сих пор не решённый вопрос в английской лингвистике, что свидетельствует не только о развитой системе адъективов, но и о возможности дальнейшего изучения данного вопроса [12, p. 7].

Многие исследователи отмечают, что при изучении употребления прилагательного как части речи его грамматические свойства играют для них меньшую роль, чем качественные характеристики. Адъективные фразеологические единицы характеризуются сочетанием существительного и прилагательного, а также наличием служебных частей речи, где важная роль отведена прилагательным (АФЕ) [2, с. 30]. Выражения, которые можно выразить понятием ‘адъективные фразеологические единицы’, или АФЕ, носят идиоматический характер, в связи с чем их смысл не всегда является очевидным, исходя только из значений составляющих их слов. Устная и письменная речь, области научного, политического и прочих интересов – это те области, где мы можем встретить употребление АФЕ.

АФЕ можно подразделить на два основных подтипа: компаративные и некомпаративные, по мнению исследователя Е.Ф. Арсентьевой [2, с. 30]. Прилагательное, употребляемое в буквальном смысле, является одним из компонентов АФЕ. Существительное же, употребляемое в переносном значении, буквально меняет своё значение, указывает на качество, степень характеристики данного объекта [3, с. 372]. Фразеологические единицы в данном контексте представлены простыми и краткими формами, их значения можно

легко объяснить. Например: ‘as busy as a bee’ (‘занятой, как пчела’), ‘as cool as a cucumber’ (‘холодный, как огурец’), ‘as blind as a bat’ (‘слепой, как летучая мышь’), ‘as gentle as a lamb’ (‘нежный, как ягненок’), ‘as light as a feather’ (‘легкий, как перо’), ‘as proud as a peacock’ (‘гордый, как павлин’), ‘as slow as a snail’ (‘медленный, как улитка’), ‘as sly as a fox’ (‘хитрый, как лиса’), ‘as brave as a lion’ (‘храбрый, как лев’), ‘as wise as an owl’ (‘мудрый, как сова’).

Адъективные фразеологические единицы являются устойчивыми, о чём свидетельствует взаимозаменяемость стержневого и зависимого компонентов: ‘as tall / high as a giraffe / a tree / a skyscraper’ (‘такой же высокий, как жираф / дерево / небоскрёб’); ‘as light / airy as a feather / a leaf / a cloud’ (‘такой же лёгкий / воздушный, как перо / лист / облако’); ‘as busy / industrious as a bee / an ant / a squirrel’ (‘такой же занятой / трудолюбивый, как пчела / муравей / белка’); ‘as brave / courageous as a lion / an eagle / a tiger’ (‘такой же храбрый / смелый, как лев / орёл / тигр’); ‘as fast / swift / quick as a cheetah / a bullet / a speeding car’ (‘такой же быстрый / стремительный / скорый, как гепард / пуля / ускоряющийся автомобиль’). Приведённые выше примеры можно обозначить формулой: ‘Adj + Comp + Noun’, при этом для русского языка возможен и другой порядок расположения входящих компонентов: ‘Comp + Noun + Adj’: ‘как облако воздушный’, ‘как тигр смелый’, ‘как пуля быстрый’, ‘как муравей трудолюбивый’, ‘как небоскрёб высокий’.

Компаративным адъективным ФЕ свойственна сочинительно-подчинительная связь, что может быть отобразено следующей схемой: ‘Adj + Comp + Noun + Conj + Adj + Comp + Noun’. В русском же языке связующим звеном является сочетание противительного союза ‘а’ с кратким прилагательным: ‘хитер, как лис, а ленив, как медведь’; ‘храбр, как лев, а нерешителен, как заяц’; ‘спугнут, как птица, а властен, как орел’; ‘хитер, как воробей, а смел, как кушка’; ‘ловок, как змея, а мудр, как сова’ [7, с. 236].

Такая модель, как ‘Participle + Comp + Noun’, где главным компонентом является причастие, и в русском, и в английском языках выражается аналогичным образом: ‘drunk as a skunk’ (‘пьян, как свинья’); ‘scared as a rabbit’ (‘напуган, как кролик’); ‘bored as a

breadcrumb' ('одинок, как корка хлеба'); 'surprised as a child' ('удивлён, как ребёнок'); 'tired as a dog' ('устал, как собака).

Некомпаративным адъективным ФЕ присуща:

- как сочинительная связь 'Adj + Linking word 'and' + Adj': 'safe and sound' ('целый и невредимый'); 'short and sweet' ('короткий и приятный'); 'high and dry' ('оставленный на произвол судьбы'); 'rough and ready' ('сделанный на скорую руку'); 'neat and tidy' ('чистый и аккуратный'),

- так и подчинительная 'Adj + Prep + Noun': 'high on the hog' ('на широкую ногу'); 'light on your feet' ('лёгок на подъём'); 'hot under the collar' ('погорячиться'); 'green with envy' ('зелёный от зависти'); 'full of air' ('полон сил').

Можно отметить наличие таких структур, как:

'Prep + Noun': 'in the bag' ('дело в шляпе'); 'on the ball' ('держат руку на пульсе'); 'out of the blue' ('как гром среди ясного неба'); 'by the book' ('по правилам'); 'against the clock' ('временно');

'Prep + Adj + Noun': 'at loose ends' ('быть без дела'); 'with bated breath' ('загаив дыхание'); 'by a long shot' ('отнюдь'); 'in fine fettle' ('в полном порядке'); 'on good terms' ('в хороших отношениях');

'Noun + Prep + Noun': 'time after time' ('раз за разом'); 'day by day' ('день за днём'); 'step by step' ('шаг за шагом'); 'tit for tat' ('услуга за услугу'); 'head over heels' ('без ума');

'Participle + Prep + Noun': 'taken into consideration' ('учтённый'); 'driven by passion' ('движимый страстью'); 'lost in thoughts' ('погружённый в размышления'); 'riddled with problems' ('погрязший в проблемах'); 'torn between two options' ('находящийся между двух огней');

'Participle + Prep + Verb': 'bound to happen' ('должно было случиться'); 'set to go' ('готово'); 'inclined to agree' ('склонен согласиться'); 'geared to win' ('настроен на победу'); 'predisposed to like' ('предрасположен к') [2, с. 32].

## Заключение

Уникальность семантических, стилистических, функциональных особенностей адъективных фразеологических единиц обуслов-

лена не только грамматической природой их формирования. Они, в свою очередь, базируются на ономасиологических принципах. В результате анализа структурных и грамматических особенностей исследуемых нами паремий русского и английского языков мы можем сделать вывод, что имеющиеся различия в их выражении связаны в первую очередь с тем, что наиболее важное в синтаксической типологии языков отношение ‘субъект – действие – объект’ по-разному выражается в исследуемых языках, что обусловлено особенностями синтаксического строя каждого языка, представляющего собой особые взаимоотношения структурно-смысловых компонентов предложения. С точки зрения способа и средств выражения русский язык является флективным, а английский – аналитическим.

Несмотря на некоторые различия, адекативные фразеологические единицы в сравниваемых нами языках обладают значительным сходством в своей структуре и грамматике. Общность законов организации языка и универсальность логических категорий, лежащих в основе его формирования, с точки зрения ономасиологического подхода предполагает рассмотрение языковых явлений как процесса перевода говорящим субъектом некоторого внеязыкового содержания, полученного в результате своей деятельности, в языковую форму. Наличие общности происхождения русского и английского языков и их связь с латинским языком могут объяснить большое количество совпадений и эквивалентов в паремиях исследуемых языков. Чаще всего совпадения можно встретить в плане содержания, тогда как план выражения будет отличаться, ведь основы функционирования лексических категорий определяются формой деятельности человека, внутри которой происходит формирование конкретных лексических единиц, и зависят от способа восприятия мира участвующих в данном процессе категорий людей.

### *Список литературы*

1. Антонова М.Б. Моделирование семантики английских адекативных имен со значением ментальной характеристики // Мировое культурно-языковое и политическое пространство: инновации в коммуни-

- кации / под общ. редакцией Л.К. Раицкой, С.Н. Курбаковой, Н.М. Мекеко. Москва: ТрансАрт, 2014. С. 104-112.
2. Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц. Казань: Изд-во Казанского университета, 1989. 128 с.
  3. Богатова Е.Н. Изучение адъективных компаративных фразеологических единиц со значением качества в рамках курса русского языка как иностранного // Вестник Казанского технологического университета. 2014. Т.17. №15. С. 320-372.
  4. Кубрякова Е.С. Когнитивный взгляд на природу частей речи // Словарь. Грамматика. Текст. Сб. ст. / Российская академия наук. Отделение лит-ры и языка. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова / отв. ред. Ю.Н. Караулов, М.В. Ляпон. М.: Ин-т рус. яз., 1996. С. 218-224.
  5. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: Ин-т языкознания РАН, 1997. 560 с.
  6. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова; отв. ред. Е.А. Земская; предисл. В.Ф. Новодрановой. изд. 2-е, доп. М.: ЛКИ, 2008. 199 с.
  7. Маклакова Е.М. Модели адъективных фразеологических единиц английского, французского и русского языков (на материале фразеологизмов с компонентом-зоонимом) // Молодой ученый. 2012. № 4. С. 235-238.
  8. Потебня А.А. Слово и миф. М.: Правда, 1989. 200 с.
  9. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса; пер. с фр. И.М. Богуславского и др. М.: Прогресс, 1988. 653 с.
  10. Шкатова Л.А. Развитие ономаσιологических структур (на примере наименования лиц по профессии в рус. языке). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1984. 152 с.
  11. Bryant M.A. Functional English Grammar. Boston: Heath, 1945, 326 p.
  12. Dixon R.M. Where have all the Adjectives Gone? New York – Amsterdam: Mouton Publ., 1982, 256 p.
  13. Meyer-Myklestad J. An advanced English Grammar for students and teachers. New York: St. Martin's Press. Oslo: Univ. forl., 1971, 627 p.

14. Sweet H. A new English grammar. Logical and historical. Part I. Introduction, phonology and accent. Part II. Syntax. Oxford: At the Clarendon Press, 1900, 1930, 636 p.

### *References*

1. Antonova M.B. Modeling the semantics of English adjectival names with the meaning of a mental characteristic. *Mirovye kul'turno-yazykovoie i politicheskoe prostranstvo: innovacii v kommunikacii* [Global Cultural, Linguistic and Political Space: Innovations in Communication]. Moscow: TransArt Publ., 2014, pp. 104-112.
2. Arsent'eva E.F. *Comparative analysis of phraseological units*. Kazan': Kazan Univ. Publ., 1989, 128 p.
3. Bogatova E.N. Study of adjectival comparative phraseological units with the meaning of quality within the framework of the course of Russian as a foreign language. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta* [Bulletin of the Kazan Technological University], 2014, vol. 17, no. 15, pp. 320-372.
4. Kubryakova E.S. Cognitive approach to the parts of speech nature. *Slovar' . Grammatika. Tekst.* [Vocabulary. Grammar. Text]. Moscow: V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., 1996, pp. 218-224.
5. Kubryakova E.S. *Parts of speech from the cognitive perspective*. Moscow: The Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences Publ., 1997, 560 p.
6. Kubryakova E.S. *Types of linguistic meanings: Semantics of a derived word*. Moscow: LKI Publ., 2008, 199 p.
7. Maklakova E.M. Models of the adjectival phraseological units in the English, French and Russian languages (based on the materials of the phraseological units with a zoonym component). *Molodoy uchenyy* [The Young Scientist], 2012, no. 4, pp. 235-238.
8. Potebnya A.A. *The Word and the Myth*. Moscow: Pravda Publ., 1989, 200 p.
9. Ten'er L. *The basics of structural syntax*. Moscow: Progress Publ., 1988, 653 p.
10. Shkatova L.A. *The evolution of the onomasiological structures (based on the examples of occupational names in the Russian language)*. Irkutsk: Irkutsk Univ. Publ., 1984, 152 p.



11. Bryant M.A. *Functional English Grammar*. Boston: Heath Publ., 1945, 326 p.
12. Dixon R.M. *Where have all the Adjectives Gone?* New York – Amsterdam: Mouton Publ., 1982, 256 p.
13. Meyer-Myklestad J. *An advanced English Grammar for students and teachers*. New York: St. Martin's Press Publ., Oslo: Univ. forl. Publ., 1971, 627 p.
14. Sweet H. *A new English grammar: Logical and historical. Part I. Introduction, phonology and accidence. Part II. Syntax*. Oxford: Clarendon Press Publ., 1900, 1930, 636 p.

### ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

**Бибик Елена Александровна**, ассистент кафедры теории и практики преподавания иностранных языков института филологии и межкультурной коммуникации  
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»  
ул. Татарстан, 2, г. Казань, 420021, Татарстан, Российская Федерация  
[liquetani@gmail.com](mailto:liquetani@gmail.com)

### DATA ABOUT THE AUTHOR

**Elena A. Bibik**, Assistant at the Department of Theory and Practice of Teaching Foreign Languages, Institute of Philology and Intercultural Communication  
*Kazan (Volga Region) Federal University*  
2, Tatarstan Str., Kazan, 420021, Tatarstan, Russian Federation  
[liquetani@gmail.com](mailto:liquetani@gmail.com)  
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0932-8155>  
ResearcherID: [HLQ-1181-2023](https://orcid.org/HLQ-1181-2023)

Поступила 07.06.2024  
После рецензирования 28.08.2024  
Принята 18.09.2024

Received 07.06.2024  
Revised 28.08.2024  
Accepted 18.09.2024

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-445  
УДК 811



Научная статья | Языки народов зарубежных стран

## РЕАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ИТ-ДИСКУРСЕ

*М.Л. Авакова, Н.Б. Айвазян*

**Обоснование.** *Статья посвящена исследованию реализации коммуникативного воздействия в англоязычном научно-популярном ИТ-дискурсе. Актуальность исследования обусловлена развитием современных условий коммуникативного взаимодействия, возрастанием социальной роли информации в глобальном цифровом пространстве. Профессиональная коммуникация, сосредоточенная на свойствах и особенностях современных информационных технологий, играет важную роль в процессе распространения научных знаний для широкой аудитории.*

**Цель** данной статьи заключается в выявлении и анализе языковых инструментов коммуникативного воздействия в англоязычном научно-популярном ИТ-дискурсе.

**Материалы и методы.** Фактическим материалом для исследования послужили англоязычные статьи, опубликованные в электронных научно-популярных журналах *Computer World*, Т3 за период 2023-2024 гг. В работе применялись следующие методы исследования: анализ научной литературы, метод сплошной выборки материала, коммуникативно-прагматический метод, метод лингвистического описания.

**Результаты.** В результате проведенного исследования было установлено, что для актуализации стратегий коммуникативного воздействия в англоязычном научно-популярном ИТ-дискурсе характерным является использование разговорного стиля для облег-

чения процесса интерпретации научной информации; употребление эмоционально-оценочной, экспрессивной лексики, риторических приемов способствует усилению коммуникативного воздействия на адресата.

**Ключевые слова:** коммуникативное воздействие; англоязычный научно-популярный IT-дискурс; коммуникативные стратегии; информирование; убеждение

**Для цитирования.** Авакова М.Л., Айвазян Н.Б. Реализация коммуникативного воздействия в англоязычном научно-популярном IT-дискурсе // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 3. С. 169-185. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-445

Original article | Languages of Peoples of Foreign Countries

## IMPLEMENTATION OF COMMUNICATIVE IMPACT IN THE ENGLISH-LANGUAGE POPULAR SCIENCE IT-DISOURSE

*M.L. Avakova, N.B. Ayvazyan*

**Background.** The article is devoted to the study of the implementation of communicative impact in the English-language popular science IT-discourse. The study is relevant due to the development of new possibilities of communicative interaction, the increasing social role of information in the global digital environment. Professional communication concentrated on various features of modern information technologies plays an important role in the dissemination of scientific knowledge to the public.

**Purpose.** The purpose of this article is to identify and analyze the language tools of communicative impact in the English-language popular science IT-discourse.

**Materials and methods.** The research material comprises the English-language articles on modern information technologies published in electronic popular science journals *Computer World*, *T3* over the period 2023-2024. The main research methods include the analysis of

*scientific literature, the continuous sampling methodology, communicative-pragmatic language analysis, the method of linguistic description.*

**Results.** *The authors have identified that the characteristic features of implementing the strategies of communicative impact in the English-language popular science IT discourse are the use of colloquial style to facilitate the process of interpreting scientific information, the use of emotional-evaluative, expressive lexical units, rhetorical devices to strengthen the communicative impact on the addressee.*

**Keywords:** *communicative impact; English-language popular science IT-discourse; communicative strategies; informing; persuasion*

**For citation.** *Avakova M.L., Ayzazyan N.B. Implementation of Communicative Impact in the English-Language Popular Science IT-Discourse. Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2024, vol. 16, no. 3, pp. 169-185. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-445*

## **Введение**

Интеграция информационно-компьютерных технологий в различные сферы жизнедеятельности человека, современные условия информационного обмена оказывают влияние как на межличностную, так и на массовую коммуникацию, включая процессы взаимодействия человека в социуме в целом. С возрастанием социальной роли информации, глобальной доступности коммуникации в современном цифровом пространстве, характеризующемся высокой степенью динамичности и интерактивности, оказывающем влияние на изменения, происходящие в языке [17], актуальными становятся исследования, связанные с многообразием инструментов коммуникативного воздействия, формирующих и изменяющих взгляды, отношения, мнения, оценки адресата.

Особый интерес представляет научно-популярный дискурс, приобретающий в настоящее время новые характеристики глобальности, виртуальности, социальной направленности, являющиеся необходимыми для выполнения его функций и развития информационной связи между людьми в современном обществе [9; 18].

Коммуникативная сфера, включающая многообразие текстов об информационно-компьютерных технологиях, актуализируемая в научно-популярных публикациях Интернет-изданий, интерпретируется в лингвистической литературе как научно-популярный дискурс информационных технологий (IT-дискурс) [1]. Профессиональные тексты о разработке и производстве программного обеспечения, компьютерной техники, научно-технических продуктов оказывают воздействие на формирование взглядов общества на информационные технологии, способствуют распространению определенных идей, рекомендаций, оценок и активизации мышления у широкой аудитории [3; 15].

Как отмечают исследователи, научно-популярный IT-дискурс, обладающий свойствами научного стиля и аналитического подстиля публицистического дискурса, характеризуется адресатностью, направленностью текстов научной тематики на специалистов и непрофессионалов, информативностью, экспрессивностью, доступной формой изложения. Специфической целью научно-популярного IT-дискурса является распространение профессиональных научных знаний посредством коммуникативного воздействия, побуждения к принятию рациональных суждений, вовлечения аудитории в профессиональную научную коммуникацию [1; 5; 7].

Целью данного исследования является выявление, анализ и описание языковых инструментов реализации коммуникативного воздействия в англоязычном научно-популярном IT-дискурсе.

### **Материалы и методы**

В рамках данного исследования использовались текстовые материалы, опубликованные в электронных англоязычных научно-популярных журналах *Computer World*, *T3* за период 2023-2024 гг. Методами исследования языковых способов реализации коммуникативного воздействия в англоязычном научно-популярном IT-дискурсе являются: метод сплошной выборки для анализа и иллюстрации фактического материала, комплексный анализ научной литературы для обобщения материала исследования, коммуника-

тивно-прагматический метод, способствующий выявлению коммуникативных намерений авторов научно-популярных текстов об информационных технологиях, метод лингвистического описания.

### **Результаты и обсуждение**

К характерным признакам такого типа человеческого взаимодействия как «воздействие» относятся следующие: наличие инициатора коммуникации, целью которого является изменение сознания и поведения адресата; социальная природа, детерминированная развитием и функционированием навыков воздействия в социальной среде; обусловленность актов воздействия речевой деятельностью и коммуникативным опытом человека [4, с. 14]. Под коммуникативным воздействием, интерпретируемым в лингвистической литературе как речевое воздействие понимается «воздействие на человека при помощи речи с целью убедить его сознательно принять нашу точку зрения, сознательно принять решение о каком-либо действии, передаче информации и т.д.» [11, с. 56], намеренное воздействие на знания и отношения адресата в нужном направлении для инициатора коммуникации. При этом способы (убеждение, внушение, побуждение) и характер (вербальное, невербальное) воздействия не конкретизируются термином «коммуникативное воздействие» [4, с. 20; 14].

Воздействие на адресата, определяется также как влияние на индивидуальное и/или коллективное сознание и поведение, которое оказывает субъект на аудиторию. Речевое воздействие посредством различных языковых средств, сообщений на естественном языке в процессе коммуникации осуществляется с целью изменения личностного смысла объекта для адресата [6; 14]. Коммуникативное воздействие как категория социального влияния обладает целями (информационной, предметной, коммуникативной), которые заключаются в информировании, формировании, изменении или поддержании определенных оценок, мнений, поведения адресата относительно транслируемого сообщения в соответствии с интересами адресанта, в установлении и сохранении контакта с адресатом [11; 16].

В рамках исследуемого англоязычного научно-популярного IT-дискурса коммуникативное воздействие актуализируется авторами научно-популярных статей, в которых содержится информация как для специалистов (сообщения инструктивного характера, рекомендации), так и непрофессионалов (критические статьи, рекламные рецензии, интервью со специалистами) [1; 5].

В ходе анализа англоязычного научно-популярного IT-дискурса было выявлено, что коммуникативное воздействие в изучаемом дискурсе реализуется посредством стратегии информирования и стратегии убеждения, для осуществления которых используется ряд тактик. Важно отметить, что под речевыми стратегиями понимаются линии речевого поведения, реализующиеся на принципах осознания коммуникативной ситуации и ориентированные на достижение глобальной интенции в процессе речевого общения. Тактики определяются как речевые действия / акты в процессе реализации речевой стратегии, направленные на решение частной коммуникативной задачи. Исследователи подчеркивают, что достижению коммуникативной цели речевого взаимодействия способствует совокупная последовательность речевых тактик [10; 20].

Стратегия информирования в рассматриваемом дискурсе реализуется посредством тактики инструктирования и тактики объяснения. Инструктирование адресата сопровождается предоставлением фактов, характеристик, различных данных, пошаговых инструкций относительно рассматриваемых технологий. Тактика объяснения характеризуется пояснением, обобщением, дополнением информации, репрезентацией научных знаний в упрощенной для неспециалистов форме, приведением примеров, способствующих запоминанию информации, привлечению внимания, наглядности и убедительности [19].

Проиллюстрируем реализацию стратегии информирования в исследуемом научно-популярном IT-дискурсе. Так, в текстовом фрагменте (1) автор представляет характеристики электронных замков, способы их использования и факты о сертификации технологического продукта, подтверждающие соответствие высоким цифровым и физическим стандартам безопасности.

(1) *“The best smart locks offer extra layers of security and protection for your front or back door. Aside from never having to worry about losing your keys again, smart locks can unlock your door in a variety of ways, including fingerprints, codes and via your smartphone. Many worry that smart locks can easily get hacked and might not be as secure or trustworthy, so this new accreditation for Ultion Nuki can definitely put people’s minds at rest.”* [21] Как видим, сведения о новейших технологиях защиты представлены в данном фрагменте в разговорном стиле, упрощающем понимание информации для непрофессионалов, расширяя информационное пространство адресата для индивидуальной активности.

В следующем примере (2) автор научно-популярной статьи представляет информацию о новых улучшенных вариантах ноутбуков, работающих без необходимости воздушного охлаждения.

(2) *“The key reason a modern Mac is different from earlier versions is that Apple now makes its own silicon (hence the ‘M’ chips). And in this Air format it’s designed to function without the need for air-cooling. That means no whirring fan, no noise, and lower power consumption. The end result is a long-lasting laptop with ample power, but among the best battery life you’ll get from any laptop option today. Plus you can install all the professional and productivity apps you’ll need.”* [22] Автор в упрощенной языковой форме поясняет информацию о новых технологиях компании Apple, способствующих предотвращению шума и обеспечивающих более низкое энергопотребление продукта.

Стратегия убеждения в англоязычном научно-популярном IT-дискурсе актуализируется посредством тактик с опорой на рациональные аргументы и оценку информации (тактика контрастного анализа, отсылка к авторитету, тактика обоснованной оценки) и эмоциональные оценки (тактика авторской оценки, тактика обращения к эмоциям адресата).

Важно подчеркнуть, что убеждение как способ речевого воздействия на сознание личности основано на рациональных и эмоциональных составляющих элементах коммуникации, что способствует осознанному процессу коммуникативной деятельности,



трансформирующей систему оценок и суждений адресата в соответствии с точкой зрения адресанта, достижению коммуникативной цели [12, с. 73; 14]. Таким образом, комплексный характер механизмов убеждения проявляется в единстве рациональной и аффективной (чувственно-эмоциональной) аргументации, что обусловлено невозможностью изложения информации без ее оценки и стремлением автора донести свою точку зрения до адресата, управлять пониманием сообщения [5; 8; 13].

Так, в нижеследующем фрагменте (3) иллюстрируется использование тактики контрастивного анализа в комбинации с обращением к эмоциям адресата. Автор статьи о возможностях искусственного интеллекта сравнивает современные функции новой технологии с инструментами, созданными ранее, подчеркивая ценность новейших достижений.

(3) *“We can now summon answers of questionable accuracy, generate text of questionable quality and originality, and create images of – well, questionable quality and originality. Do we really need those functions in every possible surface? Beneath all the hype, though, the generative AI systems at the heart of this movement genuinely do have some practical value. You’ve just gotta dig to get past the underwhelming also-rans and uncover the truly thoughtful, carefully conceived places where the technology is being put to good use. ...*

*I’ve sifted through the rubble to find the buried diamonds – the standout AI-infused apps that actually enhance your workday productivity and add meaningful value into your life. .... ChatPDF – which notably is a strictly web-based tool and not the same as any mobile apps that share its moniker – does exactly what its name suggests: It lets you upload any PDF or even DOC/DOCX file and then ask questions about the file to get quick ‘n’ simple information. You can ask for a simple summary, or you can dive into super-specific questions about the material within ....” [23]*

Автор противопоставляет ответы сомнительной точности, генерирование текстов, создание изображений сомнительного качества и оригинальности (*summon answers of answers of questionable accuracy, generate text of questionable quality and originality, and create*

*images of – well, questionable quality and originality*) новой технологии ChatPDF, созданной на основе искусственного интеллекта и обладающей множеством функций. При этом привлечение внимания к описываемым продуктам достигается в комбинации с эмоциональным аргументированием, обращением к эмоциям адресата, включающим:

- использование риторического вопроса (*Do we really need those functions in every possible surface? – Нам действительно нужны все эти функции?*);

- употребление метафоры, обладающей уникальным свойством объединять абстрактное и конкретное и облегчающей интеграцию новых знаний [2] (*I've sifted through the rubble to find the buried diamonds – the standout AI-infused apps. ... – Я разбирал завалы в поисках скрытых алмазов – лучших приложений на базе искусственного интеллекта...*);

- эмоционально-оценочные языковые средства (*genuinely do have some practical value – действительно имеют практическую ценность; the truly thoughtful, carefully conceived places where the technology is being put to good use – поистине содержательные и тщательно продуманные пространства, где технологии находят применение; apps that actually enhance your workday productivity and add meaningful value – приложения, которые действительно повышают производительность вашего рабочего дня и вносят значимую ценность в вашу жизнь*).

В следующем фрагменте (4) англоязычной научно-популярной статьи прослеживается комбинирование тактики обоснованной оценки и отсылки к авторитету. Автор приводит убедительные аргументы о надежности и привлекательности высокотехнологичных замков, обоснованные проведенным тестированием.

(4) *“In terms of attacks and hacking, the Ultion Nuki was thoroughly tested via cyber security trials against software, firmware, electromagnetic interference and the accompanying app. The results found that the smart lock protected against attacks and data that was intercepted was encrypted and couldn't be deciphered. Hacking attempts were also rejected and coding couldn't be breached.*

*As smart locks are becoming more appealing to customers, Ultion Nuki are confident that this new accreditation could encourage more people to make the switch. As expressed by Nick Dutton, CEO of Ultion “The BSI Kitemark for the Internet of Things was a considerable but important investment to give peace of mind to our customers knowing their home, belongings, and loved ones are protected.” [21]*

Усиление воздействия на адресата актуализируется цитированием заявления генерального директора компании Ultion (Nick Dutton) о вложении средств в аккредитацию технологии, обеспечивающей безопасность клиентов. Привлечение внимания адресата реализуется в данном примере также при помощи использования оценочной лексики (*was thoroughly tested* – был тщательно протестирован; *new accreditation could encourage more people to make the switch* – новая аккредитация может побудить большее количество людей перейти на новую технологию; *a considerable but important investment to give peace of mind to our customers* – значительное, но важное вложение средств, призванное обеспечить нашим клиентам душевное спокойствие).

Тактика авторской оценки, представленная в следующем фрагменте (5) научно-популярной статьи, содержится в информации об отложенных обновлениях технологии Apple.

(5) *“With all of this in mind, I find it hard to be too concerned about Apple’s “delay” in launching its AI service. Regulation and its own internal product launch plans mean a later launch will still excite consumers, while helping it realize the much anticipated bounce in hardware sales everyone now expects as AI goes mainstream. I’m just not entirely certain any of us are truly ready for what the consequences of mass market AI might be.” [24]*

Авторская осведомленность относительно продвижения инноваций в области искусственного интеллекта позиционируется при помощи местоимений первого лица, выражений собственных взглядов и мнений, усиленных при помощи эмоционально окрашенной лексики (*I find it hard to be too concerned about Apple’s “delay” in launching its AI service.* – Мне трудно быть слишком обеспокоенным по поводу отложенного запуска сервиса искусственного интеллек-

*ma Apple; a later launch will still excite consumers – более поздний запуск технологии все же вызовет восторг у потребителей; the much anticipated bounce in hardware sales everyone now expects as AI goes mainstream – долгожданный скачок продаж оборудования, обусловленный передовыми технологиями на базе искусственного интеллекта; I'm just not entirely certain – Я просто не совсем уверен).* Данные приемы, безусловно, способствуют достижению взаимодействия с адресатом сообщения, обладают воздействующим потенциалом в процессе популяризации знаний.

Комплексный характер коммуникативного воздействия в англоязычном научно-популярном IT-дискурсе прослеживается в комбинировании стратегий и тактик, обобщений, пояснений, рациональных обоснований и эмоциональных авторских оценок, разнообразных языковых инструментов в процессе коммуникации, включая использование риторических вопросов, метафор, интенсификаторов, эмоционально-оценочных, экспрессивных лексических единиц, что способствует эффективному транслированию знаний и восприятию информации.

### **Заключение**

Англоязычный научно-популярный IT-дискурс характеризуется наличием высокого языкового потенциала коммуникативного воздействия. Анализ исследуемого материала позволил прийти к следующим выводам:

1. Коммуникативное воздействие в англоязычном научно-популярном IT-дискурсе актуализируется посредством стратегии информирования и стратегии убеждения.

2. Реализация стратегии информирования осуществляется тактиками структурирования и объяснения.

3. Для актуализации стратегии убеждения характерно сочетание тактик, в основе которых лежат рациональные аргументы (тактика контрастивного анализа, отсылка к авторитету, тактика обоснованной оценки) и эмоциональные оценки (тактика авторской оценки, обращение к эмоциям адресата).

4. Комбинирование стратегий и тактик коммуникативного воздействия в одном дискурсивном фрагменте с использованием эмоционально-окрашенной, оценочной, экспрессивной лексики, риторических приемов в процессе убеждающей коммуникации подчеркивает важность транслируемой научно-популярной информации, усиливает коммуникативное воздействие на адресата.

Дальнейшие исследования в области англоязычного научно-популярного IT-дискурса подразумевают расширение способов коммуникативного воздействия, выявление языковых средств эффективного распространения научных знаний в современной информационной среде.

#### *Список литературы*

1. Багрян А.Ю., Ширяева Т.А., Аракелова А.Р. Лингвоаксиологические характеристики научно-популярного дискурса информационных технологий // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2019. № 4. С. 33-41.
2. Букина Ю.В. Онтологическая метафора как средство воздействия в англоязычном мотивационном медиадискурсе // Когнитивные исследования языка. 2024. № 1-2. С. 263-267.
3. Галичкина Е.Н. Интернет-дискурс: основные направления изучения и тенденции развития // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 7. С. 94-101.
4. Дзялошинский И.М. Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии. Москва: НИУ ВШЭ, 2012. 572 с.
5. Николаева Н.Н., Шишкина Е.Н. Реализация стратегий и тактик убеждения в современном англоязычном научно-популярном дискурсе // Гуманитарный вестник. 2016. № 1. URL: <http://hmbul.ru/catalog/edu/phil/338.html> (дата обращения: 16.08.2024).
6. Паршин П.Б. Речевое воздействие // Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия «Кругосвет». URL: <http://www.krugosvet.ru/node/38583> (дата обращения: 16.08.2024).
7. Рысакова П.И. Стратегии научной популяризации в цифровой ме-

- диасреде // Медиалингвистика. 2022. № 4. С. 309-329. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2022.402>
8. Рянская Э.М., Шевченко Ю.В. Реализация авторских коммуникативных стратегий в научном и научно-популярном дискурсах // *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык*. 2021. № 4. С. 33-48. [https://doi.org/10.51955/2312-1327\\_2021\\_4\\_33](https://doi.org/10.51955/2312-1327_2021_4_33)
  9. Савельев А.С. Научно-популярный дискурс в современной интернет-коммуникации: к постановке проблемы // *Ученые записки Новгородского государственного университета*. 2022. № 6. С. 702-705. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2022.6\(45\).702-705](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2022.6(45).702-705)
  10. Сковородников А.П. О необходимости разграничения понятий «риторический прием», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологической лексикографии // *Риторика – Лингвистика*. 2004. Вып. 5. С. 5-11.
  11. Стернин И.А. Основы речевого воздействия. Учебное издание. Воронеж: «Истоки», 2012. 178 с.
  12. Туманова Г.А. Коммуникативная стратегия убеждения и особенности ее реализации в политическом дискурсе (на материале русского и немецкого языков): Дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2016. 283 с.
  13. Хомутова Т.Н. Стратегии научного дискурса: интегральный подход // *Вестник Южно-Уральского государственного университета*. 2015. Т. 12. № 3. С. 15-22.
  14. Шелестюк Е.В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования. Москва, ФЛИНТА: Наука, 2014. 344 с.
  15. Ширяева Т.А. Англоязычный научно-популярный дискурс как инструмент трансфера и популяризации знаний о современном бизнесе // *Наука в общественном диалоге: ценности, коммуникации, организация: материалы международной научной конференции*. СПб, 2017. С. 176-178.
  16. Árvay A. Pragmatic aspects of persuasion and manipulation in written advertisements // *Acta Linguistica Hungarica*. 2004, vol. 51, no. 3-4, pp. 231-263.
  17. Crystal D. *Language and the Internet*. Cambridge University Press, 2004, 272 p.

18. Egorova L. Navigating the digital cosmos: evolution of popular science discourse // *Progress in Language, Literature and Education Research*, 2024, vol. 4, pp. 38-48. <https://doi.org/10.9734/bpi/pller/v4/8511A>
19. Lichinski A. Examples as persuasive arguments in popular management literature // *Discourse and Communication*, 2008, no. 2, pp. 243-269.
20. Van Dijk T.A. Critical discourse studies. A sociocognitive approach // *Methods for Critical Discourse Analysis*. / Ed. by R. Wodak, M. Meyer. London: Sage, 2009, pp. 62-85.
21. URL: <https://www.t3.com/home-living/smart-home/ultion-nukis-smart-lock-just-got-better-with-this-new-accreditation> (дата обращения: 10.08.2024).
22. URL: <https://www.t3.com/tech/laptops/student-laptops-in-2024-should-i-buy-mac-snapdragon-intel-or-amd-and-why> (дата обращения: 10.08.2024).
23. URL: <https://www.computerworld.com/article/2505365/ai-powered-apps-that-actually-save-time.html> (дата обращения: 10.08.2024).
24. URL: <https://www.computerworld.com/article/3478395/apple-intelligence-delayed.html> (дата обращения: 10.08.2024).

### *References*

1. Bagiyani A. Yu., Shiryayeva T.A., Arakelova A.R. Linguistic and axiological parameters of the popular science discourse of information technology. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly* [Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education], 2019, no. 4, pp. 33-41.
2. Bukina Yu.V. Ontological metaphor as a means of influence in English motivational media discourse. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], 2024, no. 1-2, pp. 263-267.
3. Galichkina E.N. Internet discourse: the basic research areas and the tendencies of development. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of Volgograd State Pedagogical University], 2021, no. 7, pp. 94-101.
4. Dzyaloshinsky I.M. *Communicative impact: targets, strategies, technologies*. Moscow: NIU VSHE Publ., 2012, 572 p.
5. Nikolaeva N.N., Shishkina E.N. Implementation of persuasion strategies and techniques in the modern English popular science discourse.

- Gumanitarnyj vestnik* [Humanitarian Scientific Bulletin], 2016, no. 1. URL: <http://hmbul.ru/catalog/edu/phil/338.html>. (accessed August 16, 2024).
6. Parshin P.B. *Speech impact*. Universal'naya nauchno-populyarnaya onlajn-enciklopediya «Krugosvet» [Universal popular science online encyclopedia "Krugosvet"]. URL: <http://www.krugosvet.ru/node/38583> (accessed August 16, 2024).
  7. Rysakova P.I. Strategies for scientific popularization in the digital media environment. *Medialingvistika* [Media Linguistics], 2022, no. 4, pp. 309-329. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2022.402>
  8. Ryanskaya E.M., Shevchenko Yu.V. The implementation of the authorial communicative strategies in scientific and popular science discourse. *Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovanie, yazyk* [Crede Experto: transport, society, education, language], 2021, no. 4, pp. 33-48. [https://doi.org/10.51955/2312-1327\\_2021\\_4\\_33](https://doi.org/10.51955/2312-1327_2021_4_33)
  9. Saveliev A.S. Popular science discourse in modern Internet communication: to the problem statement. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Novgorod State University], 2022, no. 6, pp. 702-705. <https://doi.org/10.34680/2411-7951>
  10. Skovorodnikov A.P. On the necessity of distinguishing the concepts of "rhetorical device", "stylistic figure", "verbal tactics", "speech genre" in practice of terminological lexicography. *Ritorika – Lingvistika* [Rhetorics – Linguistics], 2004, no. 5, pp 5-11.
  11. Sternin I. A. *Fundamentals of speech impact*. Voronezh: Istoki Publ., 2012, 178 p.
  12. Tumanova G.A. *Communicative strategy of persuasion and features of its implementation in political discourse (based on the material of the Russian and German languages)*. PhD dissertation. Moscow, 2016, 283 p.
  13. Khomutova T.N. Scientific discourse strategies: an integral approach. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Science Journal of South Ural State University], 2015, no. 3, pp. 15-22.
  14. Shelestyuk E.V. *Language impact: ontology and research methodology*. Moscow: FLINTA Nauka Publ., 2014, 344 p.



15. Shiryayeva T.A. English scientific-popular business discourse as transfer tool of business discourse. *Nauka v obshchestvennom dialoge: cennosti, kommunikacii, organizaciya: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Science in Public Dialogue: Values, Communications, Organization: Conference Proceedings], St. Petersburg, 2017, pp. 176-178.
16. Árvay A. Pragmatic aspects of persuasion and manipulation in written advertisements. *Acta Linguistica Hungarica*, 2004, vol. 51, no. 3-4. pp. 231-263.
17. Crystal D. *Language and the Internet*. Cambridge University Press, 2004, 272 p.
18. Egorova L. Navigating the Digital Cosmos: Evolution of Popular Science Discourse. *Progress in Language, Literature and Education Research*, 2024, vol. 4, pp. 38-48. <https://doi.org/10.9734/bpi/pller/v4/8511A>
19. Lichinski A. Examples as Persuasive Arguments in Popular Management Literature. *Discourse and Communication*, 2008, no. 2, pp. 243-269.
20. Van Dijk T.A. Critical discourse studies. A sociocognitive approach. *Methods of critical discourse analysis*. / Ed. by R. Wodak, M. Meyer. London: Sage Publ., 2009, pp. 62-85.
21. URL: <https://www.t3.com/home-living/smart-home/ultion-nukis-smart-lock-just-got-better-with-this-new-accreditation> (accessed August 10, 2024).
22. URL: <https://www.t3.com/tech/laptops/student-laptops-in-2024-should-i-buy-mac-snapdragon-intel-or-amd-and-why> (accessed August 10, 2024).
23. URL: <https://www.computerworld.com/article/2505365/ai-powered-apps-that-actually-save-time.html> (accessed August 10, 2024).
24. URL: <https://www.computerworld.com/article/3478395/apple-intelligence-delayed.html> (accessed August 10, 2024).

#### ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

**Авакова Марина Лазарьевна**, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации

*Пятигорский государственный университет  
пр. Калинина, 9, г. Пятигорск, 357500, Российская Федерация  
marina-avakova@yandex.ru*

**Айвазян Надежда Борисовна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков  
*Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина  
ул. Калинина, 13, г. Краснодар, 350044, Российская Федерация  
n-ajvazyan@mail.ru*

#### **DATA ABOUT THE AUTHORS**

**Marina L. Avakova**, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the English Language and Professional Communication Department  
*Pyatigorsk State University  
9, Kalinina Str., Pyatigorsk, 357500, Russian Federation  
marina-avakova@yandex.ru  
SPIN-code: 9122-6557  
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0078-8611>*

**Nadezhda B. Ayvazyan**, PhD in Philology, Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages  
*Kuban State Agrarian University n.a. I.T. Trubilin  
13, Kalinina Str., Krasnodar, 350044, Russian Federation  
n-ajvazyan@mail.ru  
SPIN-code: 1197-4497  
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9807-2891>*

Поступила 24.08.2024  
После рецензирования 18.09.2024  
Принята 28.09.2024

Received 24.08.2024  
Revised 18.09.2024  
Accepted 28.09.2024

**ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ**  
**PHILOSOPHICAL STUDIES**

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-438

УДК 316.422.4



Научная статья | Социальная и политическая философия

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ЦЕННОСТЬ ТЕХНИКИ  
В УСЛОВИЯХ ТЕМПОРАЛЬНОЙ АКСЕЛЕРАЦИИ  
И ГЕЙМИЗАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ***Н.Н. Плужникова, А.В. Грибова*

**Обоснование.** В условиях цифровизации действительности особое научное значение приобретает анализ сущности техники, который связан с трансформацией современных социокультурных процессов. Техника перестает рассматриваться исключительно как технологический феномен. Акселерация процессов социокультурной динамики приводит к расширению понимания техники за счет включения сферы технологий во все сферы жизни современного человека. Наиболее ярко этот процесс проявляется на примере развития кибер-игровой индустрии, которая позволяет обосновать сущность ценностного подхода к анализу техники.

**Цель** – анализ сущности и взаимосвязи техники с процессами социокультурной динамики на примере развития современной кибер-игровой индустрии.

**Материалы и методы.** Авторами были использованы общенаучные аналитические инструменты, а также опросный метод. В анонимном опросе приняли участие респонденты без уточнения пола от 14 до 35 лет, являющиеся активными потребителями кибер-игр, которым был задан открытый вопрос, предполагающий развернутый ответ в свободной форме. Количественные показатели использовались как элемент описания динамики социокультурных изменений для анализа понятия техники.

**Результаты.** *Цифровая игра определяется авторами как кибер-социокультурный феномен, определяющий и задающий специфический ритм протеканию социокультурных процессов, а также человеческой жизни. Также она выступает в качестве необходимого элемента социокультурной динамики и представляет собой динамический процесс, указывающий на взаимосвязь техники и социокультурной динамики. В результате кибер-игр техника обретает социокультурную ценность, в составе которой техника выступает не только в качестве объекта и процесса человеческой деятельности, но и в качестве показателя развития человека, овладения действительностью в игровой и виртуальной формах. Процесс развития техники имеет как внутренние детерминанты, лежащие в основании технологической логики, так и внешние, связанные с логикой социокультурной динамики.*

**Ключевые слова:** *техника; социокультурная динамика; ускорение; ценности; геймизация; виртуальная реальность; кибер-игровая индустрия; игровое время*

**Для цитирования.** *Плужникова Н.Н., Грибова А.В. Социокультурная ценность техники в условиях темпоральной акселерации и геймизации действительности // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 3. С. 186-201. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-438*

Original article | Social and Political Philosophy

## THE SOCIO-CULTURAL VALUE OF TECHNOLOGY IN THE CONTEXT OF TEMPORAL ACCELERATION AND GAMIFICATION OF REALITY

*N.N. Pluzhnikova, A.V. Gribova*

**Background.** *In the context of digitalization of reality, the analysis of the essence of technology, which is associated with the transformation of modern socio-cultural processes, acquires special scientific significance. Technology is no longer considered exclusively as a techno-*

*logical phenomenon. Acceleration of socio-cultural dynamics processes leads to an expansion of the understanding of technology by including the sphere of technology in all spheres of modern human life. This process is most clearly demonstrated by the example of the development of the cyber-gaming industry, which allows us to substantiate the essence of the value approach to the analysis of technology.*

**Purpose.** *Analysis of the essence and relationship of technology with the processes of socio-cultural dynamics using the example of the development of the modern cyber-gaming industry.*

**Materials and methods.** *The authors used general scientific analytical tools, as well as a survey method. The anonymous survey involved respondents without specifying gender from 14 to 35 years old, who are active consumers of cyber games, who were asked one open question, which presupposed a detailed answer in free form. Quantitative indicators were used as an element of describing the dynamics of socio-cultural changes for the analysis of the concept of technology.*

**Results.** *A digital game can be considered as a cyber-sociocultural phenomenon that determines and sets a specific rhythm for the flow of sociocultural processes, as well as human life. It also acts as a necessary element of sociocultural dynamics and can itself be considered as a dynamic process indicating the relationship between technology and sociocultural dynamics. As a result of the analysis of cyber games, technology acquires a socio-cultural value, in which technology can be considered not only as an object or as a process of human activity, but also as a degree of human development, mastery of reality in game and virtual forms. The process of technology development has both internal determinants underlying technological logic and external ones associated with the logic of sociocultural dynamics.*

**Keywords:** *technology; socio-cultural dynamics; boost; values; gamification; virtual reality; cyber-gaming industry; game time*

**For citation.** *Pluzhnikova N.N., Gribova A.V. The Socio-Cultural Value of Technology in the Context of Temporal Acceleration and Gamification of Reality. Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2024, vol. 16, no. 3, pp. 186-201. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-438*

## Введение

Характерной чертой развития современного цифрового общества является акселерация социокультурной динамики, то есть ускорение протекания общественных процессов, радикальное изменение социокультурного ландшафта и появление новых социальных феноменов. Данное ускорение носит системный характер, обусловленный как внутренними, так и внешними детерминантами развития общества. Техника является одной из таких детерминант и имеет определяющее значение для современности.

Цифровая детерминация действительности задает определенные параметры протеканию социокультурных процессов, меняя не только характер социокультурной действительности, но и характер жизни современного человека.

К параметрам влияния цифровых технологий на социокультурную динамику можно отнести следующие:

1. Формирование новой рациональности, которую можно обозначить как инструментально-технологическую [8]. Спецификой данного типа рациональности является формирование глобальных цифровых субъектов (интернета, СМИ, нейронных сетей) – носителей информации, которые формализуют, технократизируют действительность и мышление человека [9].
2. Результатом процесса формализации действительности и формирования нового типа рациональности становится изменение паттернов поведения и восприятия окружающей действительности. Цифровые технологии меняют характер информационного материала: он становится автоматизированным и основанным на цифровых базах данных [7].
3. Изменения паттернов поведения запускают формирование новой модальности человеческой деятельности, формой которой становится геймизация действительности на всех уровнях бытия общества, человека и культуры. Данная модальность поднимает вопрос об онтологии такой действительности, которая указывает на необходимость обращения к сущности техники и технологиям как способа выражения бытия техники.

О возрастающей роли процессов акселерации социокультурной динамики и ее влиянии на существование общества и человека указывают отечественные [3; 4; 11] и зарубежные исследователи [13; 14; 15; 17].

### **Результаты и обсуждение**

Цифровизация действительности имеет, прежде всего, количественное измерение (количество произведенных товаров и услуг, количество переданных сообщений и единиц информации, количество пройденных расстояний), которые превышают изменения качественные, то есть темпы ускорения данных процессов (технологически возможное ускорение, сама деятельность, которая ускоряется). Это связано с тем, что цифровое общество быстрее производит больше изменений, чем в предыдущие периоды развития общества. Общество ускоренной социокультурной динамики – это общество, которое характеризуется одновременной способностью охватывать процессы стремительнее по отношению ко времени и параллельным качественным ростом товаров, информации, обменов, которые должны быть потреблены, обработаны и переданы.

С одной стороны, ускорение социальной динамики подразумевает большую скорость протекания социальных и культурных процессов, и, следовательно, обуславливает необходимость все более быстрых, экономящих время технологических изобретений; с другой стороны, происходит конфликт между темпами ускорения и восприятием изменений, которые стремительно происходят в обществе. Проще говоря, технологии меняются быстрее мышления людей, владеющих этими технологиями. В этом контексте социальная динамика может рассматриваться как разноплановый процесс, осуществляющийся в поле применения гибких технологий во взаимодействии с относительно медленными и негибкими социальными субъектами, которые испытывают трудности с приспособлением к ускоряющемуся темпу современной эпохи. В итоге технологии приобретают подчиненное значение не только к человеку, но и к самой сущности техники и осмысления ее бытия в современном обществе.

Чрезмерное «накачивание» общества технологиями и перегрузка мышления человека задачами приводит к конфликтам, в первую очередь, в ценностной сфере человека. На повседневном уровне эти конфликты проявляются в ожиданиях, обусловленных императивом повышения производительности, эффективности, роста, успеха и одновременного роста «остановки времени» с патологическими последствиями, такими как тревога, депрессия, фобии (в психологическом плане) и отчуждение, разочарование, аномия (в социальном плане).

В итоге человек вынужден идти на компромисс с собственными ценностями и ценностями общества, которые стандартизируют его мышление и жизни. Таким образом, акселерация социокультурной динамики приводит к антропологической асимметрии и к проблемам экзистенциального характера. Ритмы человеческой жизни не могут идти в ногу с темпом реального времени цифрового мира, управляемого алгоритмами.

Возникают различные модальности, в которых человек может соединить конфликтность структур личностного и цифрового характера. Одной из таких модальностей становится геймизация действительности, то есть принятие человеком в реальной и виртуальной жизни на себя ролей, целью которого является попытка искусственного сглаживания внутриличностного конфликта.

Геймизация действительности рождает и другие модальности, которые могут определять отдельные поколения, социальные миры, поля, системы и административные аппараты. Они противодействуют и взаимно исключают друг друга, а не сосуществуют. В сфере новых электронных/коммуникационных технологий эта перспектива раскрывает зарождающийся тип социального неравенства – поколения людей, рожденных в эпоху Интернета, их запас технологических навыков несравним с «более медленными» режимами взаимодействия и общения старшего поколения. Можно предположить, что технически подкованные быстрые пользователи и потребители постоянно меняющегося оборудования и программного обеспечения – те, кто обладает цифровой грамотностью – будут (и



уже находятся) в структурно выгодном положении по сравнению с теми, у кого отсутствуют или кто еще сопротивляется приобретению сопоставимых навыков [15].

Цифровые игры как модальность геймифицированной действительности в условиях цифровизации становятся предметом и одновременно результатом социальной динамики за счет потребления. Всепроникающая виртуализация и диджитализация социума сделала компьютерные игры неотъемлемой и уже привычной частью почти ежедневного досуга современного человека. Функциональной возможностью игры оснащены многие современные девайсы вне зависимости от их изначального и/или основного назначения. Этой интерактивной особенностью наделены сегодня не только смартфоны и компьютеры, но даже часы или электронные парогенераторы. Не говоря уже о том, что это обстоятельство само по себе выступает аспектом ускорения виртуально-игровой реальности (что проявляется в упрощении, а, следовательно, ускорении доступа человека к данному типу развлечений). Рассмотрим, каким образом процессы социокультурной акселерации затрагивают такой пласт действительности, как компьютерные и другие цифровые игры.

Цифровые технологии, открывающие человеку портал в мир виртуальной реальности – это то, что преследует современного ребёнка чуть ли не с момента рождения. Неслучайно представителей поколения альфа (это в основном дети родителей-миллениалов) называют термином iPad Kids [16] (в пер. с англ. «айпад-дети»): большинство из них (в основном в развитых странах) получили планшет с интерактивными игровыми приложениями на нем, включая игры, еще до того, как научились читать. Впрочем, поколения Z и Y не сильно отстают, так как столкнулись с виртуальной реальностью в сравнительно молодом возрасте.

Поль Вирильо в работе «Машина зрения» пишет, что «благодаря промышленному размножению визуальных и аудиовизуальных протезов» (к которым автор относит все появляющиеся новые технологии, способствующие акселерации социокультурной динамики в целом и коммуникационного взаимодействия в частности), приме-

нению «технологий моментальной трансмиссии» современный индивид «считывает все более сложные ментальные образы, все меньше задерживаясь на них...» [1, с. 20], начиная с раннего возраста и без значительных усилий. Многие современные исследователи [10] затрудняются дать однозначный ответ на вопрос о том, хорошо это или плохо в контексте развития ребенка. Многому ли учатся дети, используя технологии? Отвечая на поставленный вопрос, нельзя не отметить то обстоятельство, что виртуальные игры в некоторой степени позволяют человеку лучше адаптироваться к нарастающей скорости общественного и культурного бытия.

Исследователи Э.Н.Расулов, Н.А.Мельников, М.В.Салменкова, изучая такой жанр компьютерных игр, как «стратегия» отметили, что данная разновидность диджитал-развлечений имеет «большую направленность на скорость принятия решения» [10, с. 25], что потенциально может помочь, натренировать человека быстрее и эффективнее находить выходы из сложных жизненных ситуаций в оффлайн-реальности.

В контексте вопроса об акселерации социокультурной динамики в области цифрового досуга человека вызывает интерес такой феномен игровой деятельности, как спидраннинг. Спидраннинг (англ. speedrunning) или скоростное прохождение игры – это явление, зародившееся в 70-80-е и закрепившееся в 90-е гг. прошлого столетия и представляющее собой эмерджентную практику максимально быстрого прохождения определенной игры [5, с. 225].

Нами был проведен онлайн-опрос среди любителей компьютерных игр. В анонимном опросе приняли участие респонденты (38 человек) от 14 до 35 лет, являющиеся активными потребителями кибер-игр, которым был задан один открытый вопрос предполагающий развернутый ответ в свободной форме: «С какой целью вы ускоренно проходите (спидрантите) компьютерные игры?» Опрошенные отвечали в т.ч. следующее: «это проверка умений и механик на прочность»; «это вопрос азарта, принципа и интереса»; «это является дополнительным (внесистемным) достижением»; «это один из способов прославиться в [игровой блогосфере]»; «спи-

дран – это способ проигнорировать или подорвать установленный принцип игры, поэтому это [интересно]]; «у меня мало времени, поэтому я не хочу тратить его на полное прохождение»; «это отдельная разновидность игры»; «из спортивного интереса»; «чтобы почувствовать себя хакером в мире игр»; «азарт, концентрированный опыт, проверка знаний»; «чтобы не платить за игру» (речь идет об использовании бесплатного пробного периода в приложении Steam); «ради рекордов» и т.д. Анализируя все полученные ответы, можно сказать, что среди них выделяется (прозвучало в ответах 9 раз) такое объяснение ключевого назначения быстрого прохождения игры, как «челлендж» (от англ. challenge – вызов).

Итак, 3 человека из числа респондентов объяснили свои действия экономией времени/сил. 2 человека – экономией денежных средств. И 2 человека, которые занимаются спидраном компьютерных игр, ориентированы в своей деятельности на других (делают это ради контента). Подавляющее большинство ответов так или иначе семантически сводилось к мотиву вызова, азарта, достижения, интереса (31 ответ из 38). Г. Зиммель рассматривал человеческое поведение как устанавливающее себе границы и в то же время стремящееся их нарушить [11, с. 175]. Это позволяет сказать, что современный «ускоренный» индивид [6, с. 19], имеющий свойство в ускоренном порядке пресыщаться чем-либо, распространяет данное свое свойство и на игросферу, находясь в поиске дополнительных побуждающих стимулов и занимаясь спидраннингом игр – т.е. нарушением «казуальных» [5, с. 225] границ игры, установленных ее разработчиками.

Определенные недочеты (т.н. «глюки») или особенности игры, которые позволяют быстрее пройти такую игру, геймеры, увлекающиеся спидраннингом, называют термином «эксплоит» (от англ. exploit – использовать что-то в своих интересах). Сам по себе данный термин применяется в сфере информационной безопасности для описания заведомо неизвестных уязвимостей в системе, которые могут быть использованы для проникновения, взлома или получения контроля над последней. Сегодня главным принципом

в деле о совершенствовании работы технологий, внедрения инноваций, улучшении работы микросхем, лежащих в основе практически всех облегчающих жизнь человека автоматических решений является поиск совершенного алгоритма, математического выражения, которое максимально сократило бы количество требуемых вычислений, объем кода, ускорило бы процесс получения решения, сократило бы путь из «точки А» в «точку Б» [2]. То есть, по сути, в основе деятельности по оптимизации работы технологии лежит поиск «эксплойта», как и, метафорически, в основе свершения технологического открытия лежит поиск «эксплойта» в работе наблюдаемой человеком реальности (так, например, когда человечество «догадалось», каким образом оно могло бы эксплуатировать разницу в давлении под крылом и над крылом самолёта, оно смогло воспарить над землей).

Значение нахождения «эксплойтов» в гейминг-сфере в том, что это наделяет компьютерные игры статусом своеобразной «песочницы», в которой человечество учится инновационной деятельности. В социологическом и антропологическом ключе содержание любой игры «включает в себя обучающе-воспитательные аспекты» [12, с. 1193]. В этом случае можно условно заключить, что, если игра – это тренировка, предшествующая реальной жизни, то игровое явление спидраннинга – это тренажер, позволяющий индивиду подстроиться под новый ритм, характерный для современной социальной динамики, лучше постичь его и добиться успеха в своей повседневной и профессиональной деятельности.

Анализ геймизации действительности посредством изучения такой темпоральной модальности кибер-игры объясняет один из важнейших аспектов техники, на наш взгляд – не столько как объект, сколько как пространство ценностных, личностных смыслов. В условиях геймизации действительности техника обретает самостоятельный ценностный статус. Несомненно, что технологически обусловленные темпы коммуникации, распределения, производства, потребления и циркуляции неуклонно усиливались в течение последних двухсот лет. В поздней современности виртуализация и

цифровизация материальных, предметных процессов, технологий обеспечивают быструю циркуляцию и передачу, приводят к беспрецедентной динамизации социально-экономических систем. Технологическое ускорение изменяет (а не определяет) субъективное восприятие времени и пространства, что, в свою очередь, влияет на ценностные конфликты.

Игры являются эффектом геймизации действительности, укаывая на трансформацию сущности техники, которая обретает ценностный аспект существования в условиях акселерации социокультурной динамики.

### **Заключение**

1. Социокультурная динамика как процесс циклического изменения и развития социальных и культурных систем, перехода из одного состояния в другое формируется за счет социальных эффектов, имеющих ценностный смысл. В качестве такого социального эффекта или модальности выступает кибер-игровая деятельность человека, связанная с процессами социокультурной акселерации и являющаяся частью цифровой геймизированной действительности.

2. Геймизированная действительность – цифровая действительность, которая маскирует социальные, культурные, политические и иные противоречия и конфликты. Однако, вместе с этим, она же и раскрывает суть конфликтов, в первую очередь экзистенциального характера, поскольку техника в такой действительности может быть рассмотрена как отдельное бытие, имеющее ценностный смысл. В этом плане сама онтология геймизации является деструктивной по своему характеру. С одной стороны, геймизация, построенная на социальной акселерации, несущая ускорение воспринимается как позитивный инструмент или даже цель сама по себе. В то же время, само ускорение выступает формой социального господства техники в качестве единственного бытия, задающего ценность человеческому существованию. Другими словами, современный человек выбирает ускорение, кажущееся ему чем-то захватывающим, но в то же время это ускорение и разрушает его. В качестве выхода

из этого конфликта в самой действительности создаются модусы, например, кибер-игры.

2. Социокультурная ценность бытия техники охватывает как технологическую (внешнюю) сторону детерминации социокультурной динамики, так и ценностную (внутреннюю) сторону. К внешней стороне относится существование техники в качестве объекта, носителя игровой действительности, ее геймизации (игры, техническое программное обеспечение, ресурсы, игровые правила, умения, роли, которые принимают на себя игроки), то есть предметный, вещный мир. Внутренней детерминантой техники выступают ценности, в которых проявляются условия для реализации ее предметного и вещного существования (смыслы, возможности, творческий характер развития).

3. Техника играет ключевую роль в условиях существования геймизированной действительности. Мир техники становится не только технологическим феноменом, но и неотъемлемой стороной современной цивилизации и культуры, органически связанной с их ценностными аспектами существования общества. В этом аспекте техника может быть рассмотрена как искусственное бытие, обладающее статусом социального и даже экзистенциального господства над человеком.

### *Список литературы*

1. Вирильо П. Машина зрения. СПб: Наука, 2004. 140 с.
2. В России создается новый математический метод проверки микросхем на надежность [Электронный ресурс]. Сетевое издание «CNews». URL: [https://www.cnews.ru/news/top/2023-08-10\\_v\\_rossii\\_razrabatyvayut\\_novuj](https://www.cnews.ru/news/top/2023-08-10_v_rossii_razrabatyvayut_novuj) (дата обращения: 07.09.2024).
3. Григорьев С.Л. Экран как детерминанта ускорения времени // Философская мысль. 2023. № 7. С. 1-8. <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2023.7.43516>
4. Гриценко Г.Д. Общество риска в эпоху нарастающей неопределенности: антропологическое измерение // Современные исследования социальных проблем. Т. 12. № 2. 2020. С. 143-158.
5. Кириченко В.В. Спидраннер как виртуальный натуралист // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. №4. С. 223-243.

6. Козлов А.И., Саенко Н.Р. Влияние техницизма коммуникации на социокультурное ускорение // Научное сообщество студентов: сборник материалов VII Международной студенческой научно-практической конференции. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016. С. 19-24.
7. Левицкая И.А. Цифровая трансформация социокультурной динамики как системный информационный процесс // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. Выпуск № 8 (110). Ч. 3. С. 153-156.
8. Лешкевич Т.Г. Цифровая детерминация: могут ли информационные технологии стать осмысленными? // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2021. № 2. С. 123-132.
9. Плужникова Н.Н. Человек и его мышление в условиях технократизации действительности // Цивилизация - Общество - Человек. 2018. № 6-7. С. 27-28.
10. Расулов Э.Н., Мельников Н.А., Салменкова М.В. Влияние компьютерных игр на развитие личности подростка // Форум молодых ученых. 2019. №1(29). С. 23-26.
11. Саенко Н.Р., Хрустова В. С. Бытие человека в условиях ускорения социокультурной динамики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 2 (40). С. 175-178.
12. Скачок В. Е. Игра как философский феномен человеческой деятельности / В. Е. Скачок, А. М. Демьяненко, Е. А. Демьяненко, А. А. Котлярович // Молодой ученый. 2015. № 24 (104). С. 1193-1195.
13. Divall C., Shin H. Cultures of speed and conservative modernity: Representations of speed in Britain's railway marketing, in *Trains, Culture, and Mobility: Riding the Rails*, B. Fraser and S.D. Spalding (eds), Lanham, Lexington Books, 2012, pp. 3-26.
14. Hassan R. *The Information Society*. Cambridge: Polity Press, 2018. 342 p.
15. Rosa H. *Social Acceleration. A New Theory of Modernity*. N.Y: Columbia University Press, 2013. 512 p. <https://doi.org/10.7312/rosa14834>
16. Stephenson R. *Children, Technology, and I-pad Addiction*. Technology / Digital Dimensions. URL: <https://www.digitaldimensions4u.com/children-technology-and-i-pad-addiction/> (accessed 07.10.2024).

17. Vieira R.A. Connecting the new political history with recent theories of temporal acceleration: Speed, politics, and the cultural imagination of fin de siècle // *Britain History and Theory*. 2011. Vol. 50. P. 373-389. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2303.2011.00591.x>

### References

1. Virillo P. *Vision Machine*. Spb: Nauka, 2004, 140 p.
2. In Russia creates a new mathematical method of checking microchips for reliability. *Network edition "CNews"*. URL: [https://www.cnews.ru/news/top/2023-08-10\\_v\\_rossii\\_razrabatyvayut\\_novyj](https://www.cnews.ru/news/top/2023-08-10_v_rossii_razrabatyvayut_novyj) (accessed 07.09.2024).
3. Grigoriev S.L. Screen as a determinant of time acceleration. *Philosophical Thought*, 2023, no. 7, pp. 1-8. <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2023.7.43516>
4. Gritsenko G.D. Risk society in the era of growing uncertainty: anthropological dimension. *Modern Studies of Social Problems*, vol. 12, no. 2, 2020, p. 143-158.
5. Kirichenko V.V. Speedrunner as a virtual naturalist. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 2022, no. 4, pp. 223-243.
6. Kozlov A.I., Saenko N.R. Influence of communication technicism on sociocultural acceleration. *Scientific Community of Students: Proceedings of the VII International Student Scientific and Practical Conference*. Cheboksary: CNS "Interactive Plus", 2016, pp. 19-24.
7. Levitskaya I.A. Digital transformation of sociocultural dynamics as a systemic information process. *International Research Journal*, 2021, no. 8 (110), part 3, pp. 153-156.
8. Leshkevich T.G. Digital determination: can information technologies become meaningful? *Bulletin of Moscow University. Series 20. Pedagogical Education*, 2021, no. 2, pp. 123-132.
9. Pluzhnikova N.N. Man and his thinking in the conditions of technocratization of reality. *Civilization - Society - Man*, 2018, no. 6-7, pp. 27-28.
10. Rasulov E.N., Melnikov N.A., Salmenkova M.V. Influence of computer games on the development of teenager's personality. *Forum of Young Scientists*, 2019, no. 1(29), pp. 23-26.
11. Saenko N.R., Khrustova V.S. Human Genesis in the conditions of accelerating sociocultural dynamics. *Historical, philosophical, political and*



- legal sciences, culturology and art history. Issues of theory and practice*, 2014, no. 2 (40), pp. 175-178.
12. Skachok V. E. Game as a philosophical phenomenon of human activity / V. E. Skachok, A. M. Demyanenko, E. A. Demyanenko, A. A. Kotlyarovich. *Young Scientist*, 2015, no. 24 (104), pp. 1193-1195.
  13. Divall C., Shin H. Cultures of speed and conservative modernity: Representations of speed in Britain's railway marketing, in *Trains, Culture, and Mobility: Riding the Rails*, B. Fraser and S.D. Spalding (eds), Lanham, Lexington Books, 2012, pp. 3-26.
  14. Hassan R. *The Information Society*. Cambridge: Polity Press, 2018, 342 p.
  15. Rosa H. *Social Acceleration. A New Theory of Modernity*. N.Y: Columbia University Press, 2013, 512 p. <https://doi.org/10.7312/rosa14834>
  16. Stephenson R. Children, Technology, and I-pad Addiction. *Technology / Digital Dimensions*. URL: <https://www.digitaldimensions4u.com/children-technology-and-i-pad-addiction/> (accessed 07.10.2024).
  17. Vieira R.A. Connecting the new political history with recent theories of temporal acceleration: Speed, politics, and the cultural imagination of fin de siècle. *British History and Theory*, 2011, vol. 50, pp. 373-389. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2303.2011.00591.x>

### ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

**Плужникова Наталья Николаевна**, кандидат философских наук,  
доцент, доцент кафедры «Гуманитарные дисциплины»  
*Московский политехнический университет*  
ул. Большая Семёновская, 38, 107023, г. Москва, Российская  
Федерация  
[pluzhnikova@bk.ru](mailto:pluzhnikova@bk.ru)

**Грибова Анастасия Владимировна**, аспирант кафедры «Гуманитарные дисциплины»  
*Московский политехнический университет*  
ул. Большая Семёновская, 38, 107023, г. Москва, Российская  
Федерация  
[gribovaa423@gmail.com](mailto:gribovaa423@gmail.com)

### DATA ABOUT THE AUTHORS

**Natalia N. Pluzhnikova**, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor of the Department of Humanitarian Disciplines  
*Moscow Polytechnic University*  
*38, Bolshaya Semyonovskaya Str., 107023, Moscow, Russian Federation*  
*pluzhnikova@bk.ru*  
*SPIN-code: 2674-2842*  
*ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4143-1216>*  
*ResearcherID: ADK-0723-2022*  
*Scopus Author ID: 56073390700*  
*ResearchGate: <https://www.researchgate.net/profile/Natala-Nikolaevna-Pluzhnikova>*

**Anastasiya V. Gribova**, PhD student of the Department of Humanitarian Disciplines  
*Moscow Polytechnic University*  
*38, Bolshaya Semyonovskaya Str., 107023, Moscow, Russian Federation*  
*gribovaa423@gmail.com*  
*SPIN-code: 1046-7693*  
*ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-1804-8842>*

Поступила 24.08.2024  
После рецензирования 18.09.2024  
Принята 28.09.2024

Received 24.08.2024  
Revised 18.09.2024  
Accepted 28.09.2024

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-449

УДК 304.2



Научная статья | Социальная и политическая философия

## КУЛЬТУРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

*М.Ю. Неронова, А.В. Неронов*

*В статье рассматривается проблема исследования национального характера в гуманитарном знании с Нового времени до современности и анализируются различные подходы, применяемые учеными для ее решения. На основе проведенной работы авторы формулируют культурно-психологический подход к изучению национального характера и применяют его для выявления и раскрытия базовых черт русского национального характера*

**Цель:** *дать представление о национальном характере как объекте исследования гуманитарной науки, провести сравнительный анализ различных подходов к познанию национального характера, выделить культурно-психологический подход и с его помощью определить основные черты русского национального характера.*

**Метод и методология проведения работы:** *применялись метод сравнительного анализа и феноменологический метод.*

**Результаты:** *в процессе анализа дискурса о национальном характере в гуманитарных науках авторы приходят к выводу, что основная проблема в раскрытии феномена национального характера связана с субъективной природой самого объекта изучения, что приводит к появлению множества подходов, каждый из которых не способен дать полное и исчерпывающее представление об объекте исследования. С аналогичной проблемой сталкивается также и современная психология в стремлении понять характер человека. В психологии был выделен подход, который отчасти сумел преодо-*

леть указанную проблему. В нем характер рассматривается через отношения человека к разным аспектам действительности, при этом сам субъект человека вынесен «за скобки». Авторы формулируют культурно-психологический подход, объединяя психологический подход с культурологическим, и с его помощью исследуют базовые черты русского национального характера.

**Область применения результатов:** Полученные результаты могут быть применены при изучении современных общественных и культурных процессов, связанных с национальной идентификацией и использованы при формировании содержания учебных курсов гуманитарной направленности в высшем и среднем образовании.

**Ключевые слова:** национальный характер; национальная идентичность; Родина; Отчизна; власть; справедливость; воля

**Для цитирования.** Неронова М.Ю., Неронов А.В. Культурно-психологический подход к исследованию русского национального характера // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 3. С. 202-220. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-449

Original article | Social and Political Philosophy

## CULTURAL-PSYCHOLOGICAL APPROACH TO THE STUDY OF RUSSIAN NATIONAL CHARACTER

*M. Yu. Neronova, A. V. Neronov*

*The article examines the problem of national character research in the humanities from Modern times to the present and analyzes the various approaches used by scientists to solve it. Based on the work carried out, the authors formulate a cultural and psychological approach to the study of national character and apply it to identify and disclose the basic features of the Russian national character*

**Purpose:** *to give an idea of the national character as an object of research in the humanities, to conduct a comparative analysis of various approaches to the knowledge of national character, to highlight the*

*cultural and psychological approach and with its help to determine the main features of the Russian national character.*

**Method and methodology of the work:** *the method of comparative analysis and the phenomenological method were used.*

**Results:** *in the process of analyzing the discourse on national character in the humanities, the authors conclude that the main problem in revealing the phenomenon of national character is related to the subjective nature of the object of study itself, which leads to the emergence of many approaches, each of which is not able to give a complete and exhaustive idea of the object of study. Modern psychology also faces a similar problem in an effort to understand the character of a person. In psychology, an approach was identified that partially managed to overcome this problem. In it, the character is considered through the relationship of a person to various aspects of reality, while the human subject itself is placed “outside the brackets”. The authors formulate a cultural and psychological approach combining a psychological approach with a cultural one and using it explore the basic features of the Russian national character.*

**Scope of the results:** *The results obtained can be applied in the study of modern social and cultural processes related to national identification and used in the formation of the content of humanitarian courses in higher and secondary education.*

**Keywords:** *national character; national identity; Homeland; Fatherland; power; justice; will*

**For citation.** *Neronova M. Yu., Neronov A. V. Cultural-Psychological Approach to the Study of Russian National Character. Sovremennyye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2024, vol. 16, no. 3, pp. 202-220. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-449*

Феномен национального характера относится к области познания никогда не теряющей свою актуальность. Первоначально национальный характер был описательным понятием, его использовали торговцы, путешественники, воины и дипломаты, чтобы охарактеризовать психологию отдельных народов, их стиль и образ жизни,

нравы, обычаи, поведение и др. Первые упоминания такого рода встречаются в работах Геродота, Платона, Гиппократ, Тацита и др. Ими высказывались мнения о влиянии географии и климата на формирование культурного своеобразия народов. Очередной всплеск интереса к данной теме произошел в Новое время. Великие географические открытия, быстрое развитие науки и техники привели к изменению европейского мировоззрения: прежняя «ойкумена» расширилась, в ней появились новые земли и целые континенты, на которых проживали народы со своей самобытной культурой. И всё это попало в сферу интереса не только колонизаторов и торговцев, но и ученых. Одними из первых мыслителей Нового времени, заинтересовавшимися причинами возникновения этнических особенностей были Шарль Луи Монтескье, Клод Адриан Гельвеций, Дэвид Юм и Иоганн Готфрид Гердер, позднее данную проблему освящали в своих работах представители немецкой классической философии - Иммануил Кант и Георг Гегель.

Согласно Ш. Монтескье все этнические особенности, как социально-политические, так и психологические, можно объяснить исходя из конкретного своеобразия географической среды. К. Гельвеций исходил из примата политического строя народов, по его мнению, именно он в наибольшей степени отпечатывается в культуре и нравах любого этноса [7]. Однако научное исследование национального характера впервые предпринял Д. Юм в своей статье «Национальные характеры», где констатировал, что каждый народ характеризуется специфической манерой поведения и конкретными качествами, встречающимися чаще, чем у их соседей. Согласно точке зрения Д. Юма, национальный характер основан на экономических и политических факторах [17]. Позднее И. Кант трактовал национальный характер, как совокупность особенностей поведения того или иного народа, а также провел сравнительный анализ различных европейских народов [9]. У Г. Гегеля национальный характер в его «внутренней ипостаси» выступал в форме духа народа, как определённой ступени развития мирового духа. При этом национальный характер в его внешнем бытии детерми-

нировался природными условиями и социальными факторами [6]. Позднее именно эту сторону гегелевского учения об объективной обусловленности «народного духа» взяли на вооружение марксисты, у которых всё общество, в том числе и народный характер, стало следствием воздействия материальных факторов, прежде всего социально-экономических отношений. Именно такая точка зрения станет одной из основных в конце XIX и на протяжении всего XX века. Марксистское философское направление выдвигает подход исторического материализма, объясняя социальные явления из особенностей способа производства и специфики экономических отношений, при этом факторы религии и культуры учитываются, но имеют второстепенный характер.

Нельзя обойти вниманием позицию О. Шпенглера, согласно которой в основе любой национальной культуры лежит так называемый «прасимвол». Именно этот идеальный образ является скрепой для всего тела культуры [16]. Исчезновение «прасимвола» предполагает лишение народного духа своей культуротворческой и целерациональной способности. В подобном случае можно констатировать гибель нации, после чего уже нет смысла говорить и о национальном характере. Невзирая на мифологический характер работы О. Шпенглера, его идея национального духа в культуре как уникального, свойственного только для определенного народа и выраженного в прасимволе, продолжает оставаться актуальной при изучении проблем национального характера.

В данной статье мы не будем подробно рассматривать исторический обзор смены подходов к исследованию национальных характеров, а лишь укажем, что в настоящее время на Западе выделились два основных подхода: социально-психологический и культурологический [8].

Психологический подход, с нашей точки зрения, выглядит недостаточно релевантным, поскольку принципы «базовой личностной структуры» по А. Кардинеру и «модальной личностной структуры» по А. Инкельсу и Д. Левинсону [13] в применении к целым народам оказались малоэффективными, так как сводят представление о национальном характере к психологической трактовке личности,

что упрощает и абстрагирует изучаемый феномен, не учитывая исторических и культурных факторов влияния на характер народа.

Культурологический подход представляется нам более интересным и продуктивным. Ведь именно в культуре того или иного народа отражается национальный характер, все нормы, ценности, национальный язык, историческая память и так далее. Вот как об этом пишет А.В. Швецова:

«Национальный характер является прежде всего феноменом культуры, и выступает как концепт, выражающий исторически сложившуюся культурную индивидуальность народа как целостного исторического субъекта, в которой находит отражение его жизненный мир и которая предстает не столько в виде определенного ансамбля психологических черт, сколько в виде устойчивого комплекса культурных диспозиций, через которые происходит формирование и самореализация личности как представителя соответствующего этноса» [15, с. 201].

При этом указанный автор отмечает, что носителем национального характера является не просто личность, а личность, созданная национальной культурой.

«Носителем национального характера выступает не «усредненный представитель» этноса, а «человек культуры» – тот идеальный, «желаемый» человеческий тип, который формируется национальной культурой и воспроизводится ею как безусловно приемлемая форма человеческого существования» [15, с. 201-202].

Также в статье Н.Н. Анисимовой мы находим очень интересное соотношение культуры и национального характера: «Культурологический подход к национальному характеру состоит в том, что национальный характер рассматривается как зеркало национальной культуры, а национальная культура – как содержание национального характера. Отсюда и специфический метод познания национального характера, который постигается... через культурные формы (мышление, поведение, ценности, нормы, язык и т.п.), в которых воспроизводятся и выражаются социо-культурная идентичность и самобытность народов» [1, с. 73].



Поскольку в данной статье нас интересует прежде всего русский национальный характер, то кратко упомянем о том, как и в рамках каких подходов происходило изучение указанного феномена. Не будем останавливаться на работах западников, таких как А.И. Герцен, В.Г. Белинский и других его представителей, поскольку тут приходится иметь дело по большей части с критикой русского национального характера в пользу «европейского духа». Труды славянофилов (И.В. Кириевский, К.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин, А.С. Хомяков), а также соответствующие труды Н.Я. Данилевского, Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева и К.Н. Леонтьева кажутся более продуктивными, хотя и не бесспорными. Славянофилы первыми выделили русскую культуру вообще и русский национальный характер в частности из сферы такой дихотомии, как «Восток – Запад» и настаивали на том, что Россия обладает культурной самобытностью, а не представляет просто смесь одного с другим. Благодаря идеям славянофилов позднее развилось евразийское направление в лице Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Л.П. Карсавина и других. Такие авторы, как Ф.М. Достоевский и В.С. Соловьев главный упор делали на то, что русский народ является народом-богоносцем и настаивали на важнейшей роли православного христианства в становлении русского национального характера. Такой подход не лишён права на существование, но полностью отходит от научно-объективных принципов, притом настолько, что речь может идти о религиозно-мистическом направлении мысли.

Интересной представляется позиция Н. А. Бердяева, касающаяся описания феномена русского национального характера. Автор применяет философский подход, за который его нередко критиковали. В ответ на критику Н.А. Бердяев писал, что сознательно выбирает лишь выделенные им моменты, опираясь на интуицию, и исключает то, что кажется ему не существенным, поскольку именно так и можно «начертать умопостигаемый образ народа» [2]. При этом Н.А. Бердяев даёт интерпретацию русского национального характера, провозглашая в качестве самой существенной его черты антиномичность. С одной стороны, Россия страна безгосударственная, с

другой – самая государственная и самая бюрократическая страна в мире [3]. Философские размышления о русском национальном характере встречаются не только в работах Н. А. Бердяева, но также и таких известных авторов, как С. Н. Булгаков, И. А. Ильин, Л. П. Карсавин, Н. О. Лосский, П. А. Сорокин. Все они отмечали множество положительных сторон русского национального характера. И. А. Ильин писал о таланте любви и мужестве, Н. А. Бердяева - о тяге к правде как истине-справедливости, тоске по идеальному, С. Н. Булгаков - о способности к любым жертвам ради осуществления идеала [11]. Однако, здесь мы наблюдаем слишком много субъективного с «опорой на интуицию», за что критиковали того же Бердяева.

Таким образом, пока не удаётся охватить все моменты, влияющие на формирование национального характера в рамках какого-либо из выше рассмотренных подходов, созданных как западными исследователями, так и отечественными. Разные направления выделяют те или иные факторы, но картина всё равно остается неполной. И в результате имеем лишь «мозаику смыслов», где каждый камешек замечателен сам по себе, но не может отрицать значимости соседнего камешка, который принадлежит другой области изучения одного и того же феномена.

Обратим внимание и на определение сути национального характера в научных исследованиях, которое представляется крайне громоздкой и как бы «рассыпающейся» от недостатка глубины понимания. Например: «Национальный характер есть не что иное, как некая совокупность, эмоционально-чувственных проявлений, выражаемая в ментальности, культуре и психологии определенного народа или этноса. Проявление национального характера также наблюдается в скорости и интенсивности реакции на происходящие в обществе события. С точки зрения социогуманитарных наук национальный характер представляет собой социально-психологические явления, которые отражают поведение и мышление человека, соблюдение национальных традиций и обычаев, жизненные цели группы людей, и гораздо сложнее отслеживается на уровне индиви-

да. Более точно и полно отражение национального характера происходит через темперамент отдельных этносов» [12, с. 33].

Это похоже на определение живого в биологии, которое дается не в форме четкой дефиниции, а путем перечисления, когда живое это - то, что способно питаться, размножаться, дышать и так далее. Здесь уместно вспомнить Р. Декарта, согласно которому ясность и определенность мысли является настоящим критерием истинности знаний, а громоздкость и запутанность указывает на непонимание сути изучаемого явления. О трудности определения национального характера пишет Г.Д. Гачев:

«Национальный характер народа, мысли, литературы – очень «хитрая» и трудно уловимая «материя». Ощущаешь, что он есть, но как только пытаешься его определить в слова – он часто улетучивается» [5, с. 55].

По-видимому, этим неуловимым и важным «пятым элементом», который «улетучивается», является субъективный характер явления под названием «национальный характер». Говоря о характере народа, невозможно выбросить субъект, которому принадлежит этот характер. Отсюда и трудности в исследовании, известные еще теологии, а затем и психологии: нельзя по созданному горшку в достаточной мере рассказать о личности его творца. Мы видим проявления народных характеров, результаты их действий, но не видим «духов народа», обладающих своими конкретными характеристиками. Вместе с тем известно, что субъективная сторона национального характера лучше всего передается через искусство – музыку, литературу, поэзию, устное народное творчество и так далее. Но для науки форма конкретной демонстрации национальных духов представляется неудовлетворительной по части выявления смыслов и понятий.

Прежде, чем рассматривать особенности русского характера, требуется завершить поиск релевантного способа исследования феномена национального характера как такового. С одной стороны, нам близок культурологический подход, где национальный характер «отражается в зеркале культуры». А также то, что в качестве носителя национального характера выступает не усреднённая личность,

а тот человек, который формируется национальной культурой. Но, культурологический подход (как и любой другой) не справляется с четким определением сути национального характера. Однако и не в этом суть. Гораздо важнее то, что анализ конкретного национально-го характера в культурологическом подходе сводится к определению идентичности «идеального человека», основанной на характеристиках национальной культуры, которая сама нуждается в подробном исследовании. Возникает своеобразный «логический круг», когда одно неопределенное выводится при помощи другого неопределенного.

Как возможно справиться с такой проблемой?.. Если за носителя национального характера взять человека определенной национальной культуры, то можно обратиться за помощью к психологии. Точнее, к той её части, что занимается исследованием характера человека. Не будем приводить определения характера, представленные в работах специалистов-психологов, поскольку там мы найдём те же громоздкие конструкции, говорящие о недостаточном понимании того, что есть суть характера человека в виду того же фактора субъективности предмета изучения. Важно другое: в рамках психологии есть также определение характера человека через отношение к разным важным для жизни аспектам реальности:

«Отдельные черты характера, отмечаемые в повседневной жизни, группируются в соответствии с системой отношений человека к действительности: 1) по отношению к другим людям... 2) по отношению к деятельности (труду)... 3) по отношению к объектам и собственности... 4) по отношению к самому себе...» [14, с. 395].

Отметим, что в этом случае характер, как явление в значительной мере субъективное, вообще вынесен за скобки. Для нас имеет значение, прежде всего то, что при таком подходе можно описать человеческий характер по схеме отношения изучаемого субъекта к разным аспектам реальности, при этом ускользающий от «прямой исследовательской атаки», характер может обнаруживать себя вполне объективным образом, доступным для внешнего изучения.

Здесь напрашивается сравнение с древним китайским учением даосизма, в котором говорится, что дао поистине непостижимо, но

может обнаруживать себя через некоторые объективно доступные явления, например, через обязательное чередование принципов «инь» и «ян» в природе, когда ночь сменяется днем, холодное превращается в горячее и так далее [10].

Таким образом, то, что не может быть понято в достаточной мере при прямом изучении, постигается через косвенные методы. Так, не зная до конца, что такое характер человека, мы можем релевантно описать каждый конкретный характер через систему его отношений с действительностью. Вместе с тем, мы знаем, что переносить результаты изучения конкретной личности, или даже результаты моделирования «идеальной личности» на целую нацию не есть правильный подход. Именно поэтому стоит вернуться в лоно культурологии, предлагающей рассматривать национальный характер как феномен, отражающийся в зеркале культуры.

Только теперь мы не станем «отражать в зеркале культуры» ни «типическую личность», ни даже философские представления о том или ином национальном характере. Попробуем применить подход к изучению национального характера, взятый из психологии, но с поправкой на то, что это будет не система отношений некоего конкретного человека к разным сторонам действительности, а система отношений «человека культуры», который сформирован культурой и поддерживает данную национальную культуру своими мыслями и поступками. Если в психологии, при определении его характера, отношение человека к различным аспектам действительности будет сводиться к тому, как данный человек относится к себе самому, к другим людям, к окружающему миру, к труду и так далее, то в случае с определением национального характера мы приходим к необходимости взять такие отношения «культурного человека» к действительности, которые определяют прежде всего его национальную идентичность. Вот как об этом пишет Швецова:

«Какие же главные социокультурные проекции национального характера можно выделить? Национальная идентичность является одной из наиболее важных проекций национального характера, поскольку она содержит образ человека и человеческого существо-

вания, с которым участники конкретного этноса себя отождествляют» [15, с. 202].

Отношение человека, как представителя определенной национальной культуры к себе предусматривает рассмотрение целого ряда отношений, не связанных с его психологическим характером. Какой бы психотип он ни представлял, но у него есть национально определенные социокультурные факторы влияния, где именно культурные формы играют определяющую роль. В таком контексте человек культуры соотносит себя не с собой лично, как это было бы в рамках психологического исследования характера, а, например, со своей родиной, с государством, выражает отношение к власти, к свободе и так далее. При этом, в плане культурного отношения к себе будет иметь значение не отношение, например, «я - к моей родине», а отношение «мы к нашей родине». То есть, это будет отношение «я русский и моя родина», что следует понимать как: «мы русские и наша родина».

Попытаемся применить наш «культурно-психологический подход» на примере культурной самоидентификации русского национального характера. Начнем с отношения русского культурного человека к родине. В России есть два близких по значению понятия: «родина» и «отчизна». Отношение к родине представлено в самых разных произведениях искусства: в народных песнях, в поэзии, в литературе, в музыке и так далее, поэтому мы не станем прибегать к конкретным примерам. Как правило, родина это – мать и земля. Это сакральное понятие для всех людей русской культуры. Понятие отчизна тоже сакральное, но в ином значении. Отчизна более всего относится к национальной государственности, державности, как традиционному союзу власти земной и власти духовной. Очевидно, что понятие родина более древнее, поскольку оно возникло на заре формирования русского народа, когда еще не сложилась система государственности на основе самодержавия вкупе с поддерживающим его институтом православной церкви. Можно также сделать такое предположение. Родина это - сакральное понятие, созданное «снизу», а отчизна – сакральное понятие, произведенное «сверху». Родина ассоциируется с домом, окружающей природой, близкими

людьми, национальными традициями. Родина начинается с детства, а отчизна возникает уже для взрослых людей, когда они испытывают на себе мощь государственной власти, несущей силу законов, поддерживающей социальный порядок и диктующей человеку его обязанности. Однако, во время войны русские воины сражались прежде всего за родину. Даже во времена культа личности И.В. Сталина, солдаты, идя в атаку, чётко расставляли приоритеты в формуле: «За родину, за Сталина!». Родина все равно была на первом месте. Отчизной можно гордиться, как это делал, например, А.В. Суворов: «Я русский! Какой восторг!». А вот родину можно было только любить и защищать как женщину, как мать, как родную землю. Отношение к родине и отношения к отчизне отражают разные этапы культурной самоидентификации. Отношение к родине формируется на этапе первичной социализации, когда ребенок эмоционально переживает свою принадлежность к социуму и культуре как к родной семье, а отношение к отчизне связано со вторичной социализацией, когда подросток определяет свое место в социуме и культуре, принимая законы и традиции общества, в котором ему предстоит жить и реализовывать себя как личность.

Перейдем к другому отношению – к государству и власти. Бердяев писал, что в этом случае очень ярко проявляется противоречивость русского национального характера. С одной стороны, русский народ отрицает государство с его законами, а с другой, он же сам создал мощную государственную систему с жесткой управляющей бюрократией. Если изучать историю народных бунтов, начиная от Разина и Пугачева и кончая крестьянскими выступлениями более позднего периода, то не раз приходится сталкиваться с тем, что народ толкует власть как «дело неправое». Издавна правящая элита страны, за редкими исключениями людей уважаемых и заслуженных, считалась в народе чуть ли не источником всех бед. Про таких говорили: «казнокрады, лихоимцы, воры, мздоимцы» и так далее. Иное дело – царь. Высший правитель это - «государь», «царь-батюшка», «самодержец». Выступать против царя – это грех. Православное христианство установило принцип «симфонии властей»,

когда власть духовная принадлежит церкви, а власть политическая – правителю. При этом церковь настаивала, что светская власть от бога. Вот как об этом писал святоотеческий автор Иосиф Волоцкий:

«Если ты поклоняешься или служишь царю, или князю, или начальствующему, то следует поклоняться и служить потому, что это угодно Богу – оказывать властям покорность и послушание: ведь они пекутся и думают о нас...» [4].

Царь также – помазанник божий и потому не дает отчета никому из людей, но только богу. Отсюда он – «святой грешник», «право имеющий», что также было принято и в народе. Таким образом, отношение к власти в России было во много определено со стороны христианства, однако – не во всем. В приведенной цитате И. Волоцкий говорит о том, что поклоняться и служить надо любому «начальствующему», однако среди народа такого «чинопочитания» не наблюдалось. На местах нередко царило настроение, выраженное в поговорке: «До бога высоко, до царя – далеко». Пока государь в столице печётся о нуждах простых людей, местные власти в лице бояр, дворян и другого начальства часто угнетают народ, обманывают его, грабят и вершат «неправый суд». Скорее всего, подобное отношение к власти сложилось исторически.

Вместе с тем, высокая степень лояльности к царю со стороны народа предполагает и особые требования к личности самодержца, который должен быть «хорошим и справедливым государем». В ходе истории цари бывали популярными или не популярными и даже не любимыми. Чтобы понять причину популярности или не популярности самодержцев, следует обратить внимание на такое понятие как «правда», которое в данном случае совпадает с понятием «справедливость». Царь обязан вершить «праведный суд» и принимать решения в согласии со справедливостью. То есть, дело не в законах, которые «как дышло», а именно в конкретной справедливости. Второй причиной хорошего отношения к царю является то, что справедливый государь должен заботиться прежде всего о народе и быть близким к народу. Как, например, Иван IV, который собирал Вселенские соборы и обращался к народу «через головы



бояр». Невзирая на противоречивость личности царя, народу было «любо» такое поведение, а также и то, что Иван Грозный казнил неправедных бояр. Добавим и такой пример: как бы ни относились некоторые люди к И.В. Сталину, но последний пользовался огромной популярностью в широких народных массах по сходным причинам. Он успешно и последовательно боролся с казнокрадами, взяточниками, проводил понятную внутреннюю и внешнюю политику в духе «великой коммунистической державы» и даже очевидные перегибы в преследовании пресловутых «врагов народа», принесших немало горя невинным людям, не отменяют того факта, что среди репрессированных были представители настоящих врагов страны.

Но вернемся к понятию «правда», выражающему явление социальной справедливости. Данное понятие лежит на стыке отношения людей к государству и власти, с одной стороны, и свободе – с другой. Как поется в известной народной песне: «Будет правда на земле – будет и свобода». То есть, отношение к свободе в русской культурной самоидентификации происходит через понятие о социальной справедливости. Там, где справедливость соблюдается, там присутствует и социальная свобода. Не власть законов, не свобода личности в буржуазном смысле, а именно справедливость. Ни один закон не может быть универсальным для всех случаев жизни, а вот справедливость всегда должна быть конкретной. Поэтому и царь должен стоять превыше законов и ценить правду больше писанных законов, не способных учитывать всех моментов реальной жизни. Таким образом, в русской культуре социальная справедливость это главный фактор, определяющий свободу в обществе.

Однако есть и еще один важный аспект в теме свободы. Помимо общественной свободы в России, как в православной, а затем и многоконфессиональной стране, всегда была и есть свобода духовная, которая почиталась выше свободы социальной. Вера в бога позволяет человеку иметь свободу даже от природных невзгод и от неправедной власти. На это явление духовной свободы указывали также Н. А. Бердяев, В.С. Соловьев, Ф.М. Достоевский и многие другие отечественные авторы. Верующий человек не протестует, не пробует изменять социальную жизнь, не призывает к бунтам, он

просто осуществляет личную свободу в ходе отношения с высшей силой, которая как отец небесный обретается в вечности, но, вместе с тем, проявляет отеческую заботу о своих земных чадах.

Но и это не всё. В России сложилось ещё одно понятие, а именно – «воля». Это личная свобода по отношению к несправедливой власти. Как власть ко мне, так и я к власти. В истории это проявлялось в виде крестьянских бунтов, иногда переходящих в большие народные восстания, в исходе людей на север и восток, а также в бегстве крепостных на Дон, откуда «выдачи нет». То есть, если «правды нет», то следует брать ответственность на себя и действовать в рамках личной воли. Здесь на первом месте стояло не стремление к изменению государственного устройства и справедливости законов, а желание личной свободы здесь и теперь, на земле, а не на небе.

Понятия о социальной свободе и власти в буржуазном смысле в России появились относительно недавно, начиная с середины девятнадцатого века и затронули лишь некоторую часть элиты и образованных людей. Традиционная народная культура так и не приняла данные понятия в качестве органически усвоенных. Это подтверждает неизменность «прасимвола» русской культурной идентичности, отраженной в зеркале культуры как русский национальный характер. Мы не можем напрямую воспринимать образ российского духа, но зато четко наблюдаем проявления его характера по отношению к базовым аспектам действительности, относящимся к национальной идентичности русской нации.

В заключение хочется сказать, что авторы не претендуют на подробный анализ русского национального характера, а лишь предприняли «попытку» испытания выделенного подхода. Мы назвали предложенный подход культурно-психологическим, поскольку из психологии здесь взят принцип описания человеческого характера, который с необходимыми изменениями перенесен на почву культурологии. Вместе с тем, данный подход дает возможность изучать национальный характер через отношения людей, как носителей национальной культуры к определяющим феноменам реальности, позволяющим делать выводы относительно национальной самоидентичности этих людей.

*Список литературы*

1. Анисимова Н.Н. Национальный характер в зеркале философско-культурологического знания // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8. №1. С. 67-74.
2. Бердяев Н.А. Русская идея. М.: Эксмо, 2024. 384 с.
3. Бердяев Н.А. Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности. М.: Мысль, 1990. 208 с.
4. Волоцкий И. Просветитель. Слово седьмое. URL: [https://azbyka.ru/otechnik/Iosif\\_Volotskij/prosvetitel/7](https://azbyka.ru/otechnik/Iosif_Volotskij/prosvetitel/7) (дата обращения: 15.08.2024)
5. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Общие вопросы. Русский. Болгарский. Киргизский. Грузинский. Армянский. М.: Советский писатель, 1988. 448 с.
6. Гегель Г.Ф.В. Философия духа. М.: АСТ, 2022. 576 с.
7. Гельвеций К. Собрание сочинений в 2-х томах. М.: Мысль, 1973/1974. 647/687 с.
8. Губанов В.М. Национальный характер как феномен западной научной мысли // Социально-гуманитарные знания. 2023. №5. С. 142-145.
9. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Сочинения в 6 томах. М.: Мысль, 1966. Т. 6. 743 с. С. 349-587.
10. Лао-цзы. Дао дэ цзин. М.: АСТ, 2024. 160 с.
11. Линченко А.А. Идея национального характера и кризис исторического сознания. <https://goii.ru/conf/2010/01.pdf> (дата обращения 15.08.2024)
12. Мункуева Р.Б., Серебрякова Ю. А. Понятие национального характера // Вестник Бурятского государственного университета. 2018. Т. 3. №3. С. 32-36.
13. Мухамед Т.В. Национальный характер как культурная универсалия // Вестник МГУКИ. 2012. №6 (50). С. 108-111.
14. Филатов Ф.Р. Общая психология. Ростов-на-Дону: Феникс, 2005. 446 с.
15. Швецова А.В. Национальный характер как предмет культурологического осмысления // Вестник культурологии. 2018. №3 (86). С. 200-202.
16. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Гештальт и действительность. М.: Эксмо, 2024. 672 с.

17. Юм Д. Собрание сочинений в 2-х томах. М.: Мысль, 1996. Т. 2. 800 с.

### References

1. Anisimova N.N. National character in the mirror of philosophical and cultural knowledge. *Humanitarian of the South of Russia*, 2019, vol. 8, no. 1, pp. 67-74.
2. Berdyaev N.A. *Russian Idea*. Moscow: Eksmo, 2024, 384 p.
3. Berdyaev N.A. *The Fate of Russia. Experiments on the Psychology of War and Nationality*. Moscow: Mysl, 1990, 208 p.
4. Volotsky I. *Illuminator: Word Seven*. URL: [https://azbyka.ru/otechnik/Iosif\\_Volotskij/prosvetitel/7](https://azbyka.ru/otechnik/Iosif_Volotskij/prosvetitel/7) (accessed 15.08.2024).
5. Gachev G.D. National Images of the World. General questions. Russian. Bulgarian. Kyrgyz. Georgian. Armenian. Moscow: Soviet Writer, 1988, 448 p.
6. Hegel G.F.W. *Philosophy of Spirit*. Moscow: AST, 2022, 576 p.
7. Helvetius K. Collected Works in 2 volumes. Moscow: Mysl, 1973/1974, 647/687 p.
8. Gubanov V.M. National character as a phenomenon of Western scientific thought. *Socio-humanitarian knowledge*, 2023, no. 5, pp. 142-145.
9. Kant I. Anthropology from a pragmatic point of view. *Works in 6 volumes*. M.: Mysl, 1966, vol. 6, 743 p. P. 349-587.
10. Lao-tzu. *Tao De Ching*. Moscow: AST, 2024, 160 p.
11. Linchenko A.A. Idea of national character and the crisis of historical consciousness. <https://roii.ru/conf/2010/01.pdf> (accessed 15.08.2024).
12. Munkueva R.B., Serebryakova Y.A. The concept of national character. *Bulletin of Buryat State University*, 2018, vol. 3, no. 3, pp. 32-36.
13. Mukhamed T.V. National character as a cultural universal. *Bulletin of MSUKI*, 2012, no. 6 (50), pp. 108-111.
14. Filatov F.R. *General psychology*. Rostov-on-Don: Phoenix, 2005, 446 p.
15. Shvetsova A.V. National character as a subject of culturological comprehension. *Vestnik kulturologii*, 2018, no. 3 (86), pp. 200-202.
16. Spengler O. *The decline of Europe. Essays on the morphology of world history. Gestalt and Reality*. Moscow: Eksmo, 2024, 672 p.
17. Hume D. *Collected Works in 2 volumes*. M.: Mysl, 1996, vol. 2, 800 p.

**ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ**

**Неронова Марина Юрьевна**, кандидат философских наук, доцент  
*Федеральное государственное бюджетное образовательное  
учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский  
государственный химико-фармацевтический университет»  
Министерства здравоохранения Российской Федерации  
ул. Профессора Попова, 14А, г. Санкт-Петербург, Россий-  
ская Федерация  
[marina.neronova@pharminnotech.com](mailto:marina.neronova@pharminnotech.com)*

**Неронов Александр Владимирович**, кандидат культурологии,  
доцент  
*Федеральное государственное бюджетное образовательное  
учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский  
государственный химико-фармацевтический университет»  
Министерства здравоохранения Российской Федерации  
ул. Профессора Попова, 14А, г. Санкт-Петербург, Россий-  
ская Федерация  
[neronov58@mail.ru](mailto:neronov58@mail.ru)*

**DATA ABOUT THE AUTHORS**

**Marina Yu. Neronova**, Candidate of Philosophy, Associate Professor  
*St. Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University  
14A, Professor Popov Str., St. Petersburg, Russian Federation  
[marina.neronova@pharminnotech.com](mailto:marina.neronova@pharminnotech.com)*

**Alexander V. Neronov**, Candidate of Cultural Studies, Associate Pro-  
fessor  
*St. Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University  
14A, Professor Popov Str., St. Petersburg, Russian Federation  
[neronov58@mail.ru](mailto:neronov58@mail.ru)*

Поступила 19.08.2024  
После рецензирования 26.08.2024  
Принята 30.08.2024

Received 19.08.2024  
Revised 26.08.2024  
Accepted 30.08.2024

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-424  
УДК 1(091):165



Научная статья | Социальная и политическая философия

## ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ В РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ: АНАЛИЗ И СТРАТЕГИИ

*Е. Ф. Мороз*

**Обоснование.** Развитие системы образования должно стать важнейшим приоритетом государственной политики. Чтобы соответствовать вызовам эпохи. Это означает, что в системе образования необходимо своевременно выявлять реальные и потенциальные опасности, детально анализировать их и, соответственно, разрабатывать действенные инструменты устранения рисков и оптимизации дальнейшего безопасного развития образовательного пространства. Это включает в себя актуализацию законодательства, адаптацию образовательных программ к современным вызовам, повышение квалификации педагогов и оптимизацию управленческих решений. Автор статьи утверждает, что система образования в России сможет готовить высококвалифицированных специалистов и ответственных граждан только при условии минимизации рисков и управления возможными отклонениями от норм развития.

**Цель** – анализ современных вызовов и опасностей, с которыми сталкивается система образования России, и разработка стратегий для их эффективного преодоления.

**Материалы и методы.** Для проведения исследования были использованы общие социально-философские принципы и методы познания, которые применяются при анализе социальных процессов, а также общенаучные подходы, учитывающие специфику изучаемого объекта.

**Результаты.** Анализ текущего состояния системы образования выявляет несколько ключевых проблем, которые оказывают

значительное влияние на качество образовательных программ и кадровый потенциал. Современные учебные программы часто не соответствуют требованиям рынка труда и уровню технологического прогресса. В частности, недостаточное внимание к новым достижениям в области информационных технологий и STEM-наук приводит к тому, что выпускники оказываются менее конкурентоспособными на рынке труда. Сложности с интеграцией новых технологий в образовательный процесс, такие как недостаточная подготовка преподавателей и нехватка современного оборудования, также ограничивают возможности для инновационного развития.

Решение указанных проблем требует комплексного реформирования образовательной политики и управления. Ключевыми мерами для улучшения ситуации являются увеличение финансирования образовательных учреждений, что позволит обновить инфраструктуру и приобрести современное оборудование. Обновление учебных программ с учётом новых технологий и требований рынка труда также является критически важным. Кроме того, улучшение условий труда для педагогов, включая повышение заработных плат и обеспечение возможностей для профессионального развития, будет способствовать повышению качества образовательного процесса.

Внедрение современных технологий в образовательный процесс должно стать важным элементом реформ, направленных на повышение качества образования и адаптацию системы к современным вызовам. Это создаст условия для подготовки высококвалифицированных специалистов, соответствующих актуальным требованиям рынка труда. Для обеспечения устойчивого функционирования образовательной системы необходима активная поддержка со стороны государственной политики, которая должна включать эффективное управление и создание необходимых условий для стабильного развития образования. Такой подход обеспечит подготовку специалистов, способных внести значительный вклад в развитие общества и экономики.

**Ключевые слова:** система образования; образовательная политика; модернизация сферы образования; социальная система; опасности; безопасное развитие образовательного пространства

*Для цитирования.* Мороз Е.Ф. Вызовы современности в российском образовании: анализ и стратегии // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 3. С. 221-245. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-424

Original article | Social and Political Philosophy

## CHALLENGES OF MODERNITY IN RUSSIAN EDUCATION: ANALYSIS AND STRATEGIES

*E.F. Moros*

**Background.** *The development of the education system must become a top priority of state policy to ensure effective management of the educational process. This means that the education system must promptly identify real and potential hazards, analyze them in detail, and subsequently develop effective tools for risk mitigation and the optimization of further safe development of the educational environment. This includes updating legislation, adapting educational programs to contemporary challenges, improving teacher qualifications, and optimizing management decisions. The author of the article asserts that the education system in Russia will only be able to train highly qualified specialists and responsible citizens if risks are minimized and deviations from developmental norms are managed effectively.*

**Purpose.** *Analysis of the current challenges and threats faced by the Russian education system, and the development of strategies for their effective mitigation.*

**Materials and methods.** *For the research, general socio-philosophical principles and methods of cognition were used, which are applied in the analysis of social processes, as well as general scientific approaches that take into account the specifics of the studied object.*

**Results.** *An analysis of the current state of the education system reveals several key issues that significantly impact the quality of educational programs and the professional potential of educators. Modern curric-*



*ula often fail to meet labor market demands and the level of technological advancement. In particular, insufficient attention to new achievements in information technologies and STEM fields results in graduates being less competitive in the job market. Difficulties in integrating new technologies into the educational process, such as inadequate teacher training and a lack of modern equipment, also limit opportunities for innovative development.*

*Addressing these issues requires comprehensive reform of educational policy and management. Key measures to improve the situation include increasing funding for educational institutions, which will allow for infrastructure upgrades and the acquisition of modern equipment. Updating curricula to reflect new technologies and labor market requirements is also critically important. Additionally, improving working conditions for educators, including increasing salaries and providing opportunities for professional development, will contribute to enhancing the quality of the educational process.*

*The integration of modern technologies into the educational process should become an essential element of reforms aimed at improving education quality and adapting the system to contemporary challenges. This will create conditions for training highly qualified specialists who meet current labor market demands. To ensure the sustainable functioning of the education system, active support from government policy is necessary, which should include effective management and the creation of conditions for the stable development of education. Such an approach will ensure the preparation of specialists capable of making significant contributions to societal and economic development.*

**Keywords:** *education system; educational policy; modernization of the education sector; social system; risks; safe development of the educational space*

**For citation.** *Moros E.F. Challenges of Modernity in Russian Education: Analysis and Strategies. Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2024, vol. 16, no. 3, pp. 221-245. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-424*

## **Введение**

Современная образовательная система России сталкивается с многочисленными вызовами и угрозами, которые требуют детального анализа и разработки эффективных решений [14]. После распада Советского Союза система образования прошла через серию реформ и модернизаций. Эти реформы привели к снижению качества образования и выявили необходимость дополнительных мер для корректировки и оптимизации образовательной политики.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, статистические данные свидетельствуют о снижении качества образования и трудностях с внедрением современных технологий. Например, более 70% школ испытывают трудности с внедрением новых технологий [17]. Во-вторых, значительное сокращение числа вузов и диссертационных советов вызывает обеспокоенность относительно качества подготовки специалистов и проведения научных исследований [24]. В-третьих, согласно исследованию «Россия 2025: от кадров к талантам» компании BCG, более 80% трудоспособного населения России не обладает достаточными навыками для успешной работы на современных рынках труда [16]. Это подчеркивает необходимость комплексного реформирования образовательной системы.

Недавние законодательные изменения, такие как введение новых образовательных стандартов, добавляют актуальности исследованию. Дискуссии по их поводу подчеркивают необходимость комплексного подхода к реформированию образовательной системы, учитывающего как результаты предыдущих реформ, так и текущие вызовы [4, с. 13]. Анализ законодательных актов и статистических данных поможет глубже понять причины и последствия текущих проблем в образовательной системе.

Введение цифровых технологий в образование представляет собой потенциальный переломный момент, способный радикально изменить образовательный процесс. Признание необходимости создания современной цифровой образовательной среды и трансформации через цифровизацию стало приоритетной задачей [18].

Научная новизна нашего исследования заключается в разработке концептуальной модели адаптации учебных программ для соответствия современным требованиям рынка труда, учитывающей динамичные изменения в профессиональных стандартах и технологических трендах. Мы также предлагаем новые подходы к интеграции современных технологий в образовательный процесс, включая использование виртуальной и дополненной реальности, интерактивных платформ и машинного обучения. Важной частью новизны является создание комплексной методики повышения квалификации педагогов, которая включает как теоретическое, так и практическое обучение с акцентом на цифровизацию образовательного процесса и применение новых технологий. Дополнительно мы анализируем и оптимизируем управленческие решения в образовательных учреждениях, направленные на повышение их гибкости и адаптивности в условиях быстрых изменений в экономике и технологиях.

Таким образом, цель статьи – выявить и проанализировать ключевые угрозы и проблемы, с которыми сталкивается российская система образования. В рамках исследования будут рассмотрены рекомендации по оптимизации учебных планов, интеграции современных технологий, повышению квалификации педагогических кадров и улучшению управленческих решений. Это позволит предложить комплексные подходы к преодолению выявленных проблем и улучшению образовательной системы.

### **Материалы и методы**

Системный анализ научных работ, законодательных актов, регулирующих образовательную сферу, а также данных Росстата и других статистических источников позволяет выявить ключевые проблемы, связанные с реформированием образовательной системы России. Использование системного подхода позволяет рассматривать образовательную систему как сложную и динамичную структуру, взаимодействующую с различными социальными, экономическими и культурными факторами. Анализ законодательных актов, таких как ФЗ «Об образовании», постановления Министер-

ства образования и науки, а также статистических данных о результатах внедрения новых образовательных стандартов, используется для оценки влияния реформ и выявления проблем в системе образования.

В рамках исследования был проведён сравнительный анализ международного опыта, что позволило оценить передовые практики и подходы к решению схожих проблем в образовании за рубежом. Эти зарубежные методы помогли углубить аналитический обзор текущего состояния образования в России, выявив ключевые вызовы и проблемы, с которыми сталкивается отечественная образовательная система.

Методологическую основу исследования составляют комплексный подход к анализу и системному исследованию, а также разработка рекомендаций по устранению угроз в системе образования России. Это включает анализ текущих вызовов и угроз, а также разработку стратегий и практических инструментов для оптимизации развития образовательного пространства страны.

### **Результаты и обсуждение**

В условиях стремительного технологического прогресса и постоянно изменяющегося рынка труда образование приобретает критическое значение для подготовки квалифицированных специалистов и развития общества. Тем не менее, несмотря на многочисленные реформы и модернизации, система образования сталкивается с серьёзными вызовами. Одной из ключевых проблем является несоответствие учебных программ современным требованиям, что существенно влияет на эффективность образовательного процесса. В условиях быстрого изменения технологий и профессиональных стандартов выпускники должны обладать не только базовыми знаниями, но и навыками, которые позволят им адаптироваться к новым профессиональным ситуациям. Примеры законодательных изменений, таких как введение новых образовательных стандартов, показывают необходимость пересмотра содержания учебных программ [4, с. 13]. Анализ статистики, например, данных Росстата о

трудностях внедрения технологий, подтверждает необходимость актуализации учебных планов [17].

По мнению В.Д. Шадрикова, учебные планы должны сосредоточиться на фундаментальных дисциплинах, таких как математика, естественные науки, язык и литература. Он утверждает, что качественное образование должно предоставлять студентам базовые интеллектуальные и технические навыки, которые будут служить основой для дальнейшего профессионального развития. Однако этот подход может не учитывать потребность в быстрой адаптации к изменениям в профессиональных ситуациях, что также важно в современном динамичном рынке труда [27, с. 7].

В отличие от Шадрикова, Г.И. Ибрагимов подчеркивает важность развития универсальных интеллектуальных навыков, таких как критическое мышление, анализ и синтез информации. Ибрагимов акцентирует внимание на том, что эти навыки применимы в любой сфере деятельности и необходимы для успешной профессиональной карьеры [9]. Подобные навыки действительно имеют большую значимость, но их развитие должно сочетаться с практическими умениями, которые также требуются на рынке труда.

Исследование, проведенное Стэнфордским исследовательским институтом совместно с фондом Карнеги Мелона, показало, что успешность и карьерный рост генеральных директоров компаний из списка «Fortune 500» на 75% определяется soft skills и только на 25% – hard skills [34]. Эти данные подчеркивают важность включения soft skills в учебные программы [35]. В России также предпринимаются активные шаги в этом направлении. Например, ИТМО вошел в число университетов, создавших консорциум по развитию «гибких навыков» [10].

С.А. Хаблиева акцентирует внимание на необходимости включения технических навыков в учебные планы, таких как работа с информационными технологиями и цифровыми инструментами. В условиях стремительного развития технологий навыки работы с компьютерными программами и аналитическими инструментами становятся необходимыми. Хаблиева поддерживает идею инте-

грации практических курсов, что подтверждается современными трендами, показывающими, что выпускники, обладающие техническими навыками, имеют конкурентные преимущества на рынке труда [25, с. 40].

В.С. Сенашенко считает, что учебные планы должны быть гибкими и включать междисциплинарные подходы, которые способствуют комплексному пониманию предметов. Например, изучение экологических проблем через призму нескольких наук помогает студентам понять взаимосвязь между различными областями знаний. Этот подход позволяет сформировать более широкое мировоззрение и готовность к решению комплексных задач, что является важным в многогранных профессиональных сферах [22, с. 90].

Г.А. Колоскова, в свою очередь, поддерживает интеграцию специализированных курсов, направленных на конкретные профессиональные области. Она считает, что специализация позволяет глубже понять особенности профессиональной деятельности и лучше подготовиться к требованиям рынка труда [11, с. 103].

Реальные примеры успешной интеграции специализированных курсов, такие как программы в МФТИ и МГУ, показывают, что они способствуют подготовке высококвалифицированных специалистов, способных эффективно решать профессиональные задачи. Для комплексного решения проблемы несоответствия учебных программ современным требованиям важно учитывать разнообразие потребностей студентов и требования рынка труда. Необходимо стремиться к балансу между общеобразовательными и специализированными дисциплинами. Это позволит выпускникам получать не только теоретические знания, но и практические навыки, необходимые для успешной карьеры [12, с. 18].

Таким образом, для повышения эффективности образовательного процесса следует учитывать как традиционные знания, так и требования современного рынка труда, обеспечивая студентов необходимыми универсальными и специализированными навыками.

Еще одной серьезной проблемой выступает интеграция современных технологий в образовательный процесс. Их внедрение (вир-

туальная и дополненная реальность, машинное обучение и интерактивные образовательные платформы) активно продвигается как способ повышения вовлеченности студентов и улучшения учебного процесса [30, с. 78]. Например, на базе МГУ имени М.В. Ломоносова разработан симулятор для работы на МКС с имитацией Луны и Марса, а также создан межфакультетский центр компетенций по VR и машинному обучению, что привело к запуску магистерской программы по этим технологиям [32]. Приверженцы этого подхода отмечают несколько ключевых преимуществ.

Во-первых, использование виртуальной и дополненной реальности может создать более насыщенные и интерактивные учебные среды. Это позволяет студентам взаимодействовать с материалом более глубоко и эффективно, имитируя реальные лабораторные условия или медицинские процедуры без физического присутствия [19, с. 125]. Например, в Уфимском государственном авиационном техническом университете лаборатория трехмерной визуализации позволяет проводить сложные виртуальные эксперименты и обрабатывать технологические операции с помощью VR-оборудования [31]. Машинное обучение и искусственный интеллект предлагают возможности для создания адаптивных образовательных платформ, которые подстраиваются под индивидуальные потребности студентов, что улучшает усвоение знаний [29]. Интерактивные платформы и онлайн-курсы расширяют доступ к качественному образованию, позволяя учащимся из разных регионов получать знания от мировых экспертов и самостоятельно управлять своим обучением. Например, Российский научный фонд создал проект «Наука в формате 360°», который предоставляет виртуальные туры по ведущим российским лабораториям, позволяя пользователям перемещаться по помещениям и получать подробную информацию о научных объектах [36].

Однако, несмотря на очевидные преимущества, внедрение современных технологий в образование вызывает и серьезные опасения. Критики цифровизации, такие как М.В. Нешумаев, подчеркивают важность прямого общения между учителями и учениками,

которое способствует формированию эмоционального интеллекта, критического мышления и социальных навыков. Личное взаимодействие является важным для развития коммуникативных навыков и работы в команде [15]. Е.Н. Гладышева утверждает, что традиционные методы обучения, такие как дискуссии и групповые проекты, обеспечивают важные возможности для личного и профессионального роста, которые трудно восполнить с помощью цифровых технологий [6, с. 104].

Существует опасение, что чрезмерная зависимость от технологий может демотивировать студентов участвовать в учебном процессе. Виртуальные среды отвлекают и мешают концентрации, что снижает эффективность обучения [26, с. 127]. Также поднимается вопрос о доступности технологий и возможном усилении образовательного неравенства. Дороговизна технологий и необходимость в их инфраструктуре могут создать барьеры для менее обеспеченных учебных заведений и студентов, особенно в отдаленных или сельских районах [2].

Таким образом, эффективная интеграция технологий в образование требует комплексного подхода, который включает в себя не только технические и финансовые аспекты, но и создание сбалансированных стратегий. Необходимо учитывать как преимущества современных технологий, так и их потенциальные недостатки. Важно разрабатывать стратегии, которые будут сочетать цифровые инновации с традиционными методами обучения, а также обеспечивать равный доступ к образовательным ресурсам для всех учащихся. Создание условий для равного доступа и подготовка педагогов к работе с новыми технологиями должны стать приоритетами для успешной интеграции современных технологий в образовательный процесс.

Повышение квалификации педагогов является одной из ключевых проблем в образовательной системе, вызывая широкие дискуссии по множеству аспектов. Эффективность этого процесса напрямую влияет на качество образования и требует комплексного подхода, который включает как обновление содержания образовательных программ, так и внедрение современных методов обучения.



Одним из наиболее обсуждаемых вопросов является необходимость обновления содержания образовательных программ для педагогов. В.С. Басюк подчеркивает важность внедрения цифровых форматов и сервисов, таких как смешанный формат обучения, цифровые образовательные ресурсы и инструменты для работы с большими данными. Это, по его мнению, необходимо для подготовки педагогов к работе в условиях быстро меняющихся технологий [1, с. 51]. Сторонники этого подхода считают, что освоение новых технологий и методов обучения, таких как виртуальная и дополненная реальность, позволяет педагогам быть более гибкими и готовыми к современным вызовам.

Однако существует и противоположная точка зрения. Некоторые эксперты утверждают, что фокус на цифровых технологиях может отвлечь внимание от других важных аспектов педагогической подготовки. Они подчеркивают, что слишком большая зависимость от технологий может привести к недостаточной внимательности к основам педагогической теории и методологии, что важно для формирования глубокого понимания образовательных процессов.

Вопрос о том, какой акцент должен быть сделан в педагогическом обучении – на практических навыках или на теоретической основе, также вызывает оживленные дискуссии. Сторонники практического подхода утверждают, что умение эффективно использовать современные технологии в учебном процессе и обеспечивать интерактивное обучение является критически важным. Они считают, что практические навыки позволяют педагогам напрямую применять новые методы в классе, что повышает мотивацию и успеваемость студентов [13].

С другой стороны, есть мнение о необходимости тщательной теоретической подготовки. А.А. Дедюхина утверждает, что глубокое понимание педагогической теории и методологии критично для профессионального развития педагогов. Такой подход помогает преподавателям адаптироваться к изменениям и эффективно применять знания в практической деятельности, развивая аналитические и критические способности, необходимые для принятия решений в образовательной среде [7].

Некоторые критики отмечают, что теоретические знания могут не всегда быть непосредственно применимы на практике. Исследования показывают, что преподаватели, использующие практические методики, часто отмечают улучшение мотивации и успеваемости студентов. Например, согласно статье «Новые подходы в образовании для тех, кто учит сам», опубликованной на сайте «Вести образования», преподаватели, применяющие практические подходы, добиваются на 20% лучших результатов в сравнении с теми, кто фокусируется на теории [5].

В то же время сторонники теоретического подхода утверждают, что крепкая теоретическая основа необходима для понимания основ педагогики, что может улучшить применение практических методов в будущем.

Таким образом, успешное повышение квалификации педагогов требует сбалансированного подхода, который включает как теоретическое обучение, так и практические навыки. Важно учитывать индивидуальные потребности педагогов и адаптировать программы повышения квалификации таким образом, чтобы они эффективно сочетали инновационные методы и традиционные педагогические подходы. Создание гибких стратегий и учет различных точек зрения позволят обеспечить более эффективное профессиональное развитие педагогов и внедрение инновационных подходов в образовательный процесс

Еще одной проблемой является оптимизация управленческих решений в сфере образования, которая требует адаптации к современным вызовам и требованиям общества. Эффективное управление образовательными учреждениями стало особенно актуальным в условиях стремительных изменений в экономике и технологии. Вопросы, связанные с этой темой, вызывают широкие дискуссии среди специалистов, и различные точки зрения на подходы к оптимизации управленческих решений подчеркивают сложность и многогранность проблемы [3, с. 19].

Некоторые эксперты, такие как Ю.Г. Тамбиянц и В.В. Шалин, утверждают, что ключевым аспектом оптимизации является повыше-

ние эффективности бюрократических процессов и административного контроля. Они считают, что сокращение бюрократии и упрощение процессов способны улучшить оперативность и управляемость образовательных учреждений [23]. Это мнение подкрепляется тем, что современные управленческие подходы направлены на ускорение реакции на изменения и снижение административной нагрузки.

Однако существует и критическое мнение, что избыточное упрощение бюрократических процедур может негативно сказаться на управлении ресурсами и соблюдении стандартов. В Федеральной целевой программе предполагается оценка рисков ее реализации, однако система таких рисков и механизмы их учета проработаны в недостаточной степени. В частности, распространение универсальных моделей развития образования, успешно реализованных в Москве, Санкт-Петербурге, крупных научных и промышленных центрах, неизбежно вызывает риск их низкой эффективности в провинции, в небольших сельских образовательных учреждениях. Аналогично, механический перенос стандартизированных промышленных подходов к управлению качеством на деятельность образовательных систем вызывает риски бюрократизации, возникновения управленческого формализма, в конечном счете, риск снижения результативности управления [20].

Некоторые исследователи подчеркивают, что снижение уровня контроля может привести к недостаточному вниманию к важным аспектам управления и ослаблению организационной структуры. Таким образом, возникает вопрос о том, насколько далеко можно идти в уменьшении бюрократии, не потеряв при этом эффективность и стабильность управления.

Важным аспектом является также гибкость управленческих решений. В условиях быстро меняющегося общества и технологий, способность образовательных учреждений к быстрой адаптации становится критически важной [21, с. 147]. М.А. Задорина и К.И. Корсун акцентируют внимание на необходимости создания адаптивной организационной структуры, способной оперативно реагировать на новые вызовы и требования [8].

Тем не менее, некоторые критики предупреждают о потенциальных рисках чрезмерной гибкости. Они утверждают, что постоянные изменения в управлении могут привести к нестабильности и путанице, особенно среди сотрудников и студентов. Вопрос о балансе между гибкостью и стабильностью в управлении остается открытым и требует дальнейшего обсуждения.

Другой важной проблемой является интеграция информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в образовательный процесс. Современные исследования подчеркивают необходимость модернизации учебных программ с учетом новых технологий, что может способствовать более эффективному обучению [33, с. 72]. Однако критики этого подхода отмечают, что внедрение ИКТ не должно стать самоцелью, предупреждая, что чрезмерная зависимость от технологий может снизить качество образования, если новые инструменты не будут интегрированы должным образом с традиционными методами обучения. Это поднимает вопрос о необходимости сбалансированного подхода, который сочетает в себе как современные технологии, так и проверенные педагогические практики.

Кроме того, обсуждается и необходимость разработки инновационных управленческих подходов, направленных на поддержку образовательных инициатив и стимуляцию креативности [28]. В то же время, существует мнение, что излишний акцент на инновациях может отвлечь внимание от традиционных методов и их значимости.

В итоге, оптимизация управленческих решений в образовании требует комплексного подхода, учитывающего как преимущества, так и недостатки различных стратегий. Необходимо продолжать дискуссию и исследование в этой области, чтобы находить наиболее эффективные решения для современных образовательных учреждений.

### **Заключение**

В ходе нашего исследования мы проанализировали ключевые проблемы и вызовы, с которыми сталкивается система образования в России в условиях стремительных изменений в экономике

и технологиях. Анализ показал, что система образования требует комплексных и целенаправленных мер для адаптации к новым условиям. Основные области, требующие внимания, включают несоответствие учебных программ современным требованиям, необходимость интеграции современных технологий, повышение квалификации педагогов и оптимизацию управленческих решений.

Практическая значимость нашего исследования заключается в предложении конкретных рекомендаций, которые помогут в решении выявленных проблем и улучшении качества образования:

1. Адаптация учебных программ. Для решения проблемы несоответствия учебных программ современным требованиям необходимо регулярно анализировать потребности рынка труда и вносить соответствующие изменения в учебные планы. Введение гибких и модульных программ позволит студентам приобретать актуальные знания и навыки, необходимые для успешной адаптации на рынке труда.
2. Интеграция современных технологий. Важно активно внедрять современные цифровые технологии, такие как виртуальная и дополненная реальность, интерактивные образовательные платформы и машинное обучение, в образовательный процесс. Это потребует значительных инвестиций и ресурсов, а также разработки стратегии для эффективного использования новых технологий в обучении.
3. Повышение квалификации педагогов. Необходимо регулярно организовывать курсы повышения квалификации для педагогов, внедрять систему наставничества и обмена опытом. Это поможет педагогам быть в курсе новых образовательных подходов и технологий, что, в свою очередь, повысит качество образования.
4. Оптимизация управленческих решений. Для эффективного управления образовательными учреждениями требуется создание гибкой и адаптивной системы управления, предполагающей улучшение административных процессов, разработку механизмов быстрой реакции на изменения и потребности образовательного процесса.

5. Участие всех заинтересованных сторон. Активное участие государственных органов, образовательных учреждений, профессиональных сообществ и бизнес-сектора в модернизации системы образования крайне важно. Создание платформ для взаимодействия и обмена опытом между различными стейкхолдерами поможет координировать усилия и эффективно решать текущие проблемы.
6. Финансовая поддержка. Финансирование образовательных проектов и привлечение частных инвестиций играют ключевую роль в устойчивом развитии системы образования. Необходимо обеспечить достаточное финансирование для развития инфраструктуры и технологий, а также стимулировать инвестиции из частного сектора.

Для достижения устойчивого и эффективного развития системы образования России необходимо координировать усилия всех заинтересованных сторон. Комплексный подход, включающий указанные стратегии, позволит создать адаптированную и современную систему образования, способную эффективно отвечать на потребности современного общества и экономики.

### *Список литературы*

1. Басюк В.С. Современные тенденции подготовки педагогов в условиях быстро меняющихся социальных вызовов // Вестн. Моск. ун-та. Сер.20. Педагогическое образование. 2022. №3. С.38-55.
2. Белеева И. Д. Титова Н.Б. Проблема образовательного неравенства в современной России: факторы влияния и социальные последствия // Педагогическое образование в России. 2018. № 12. С.18-22.
3. Белов М. Т., Абазиева К. Г., Самыгин С. И. Инновации в принятии управленческих решений в системе высших образовательных учреждений // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 18–22. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-18-22>
4. Богданова И.И. Отмена Болонской системы: проблемы и перспективы высшего образования в России // Актуальные проблемы педагогики и психологии. 2022. № 8. С. 11-16.

5. Вести образования. Новые подходы в образовании для тех, кто учит сам. 2023. URL: [https://vogazeta.ru/articles/2023/7/17/quality\\_of\\_education/23286-novye\\_podhody\\_v\\_obrazovanii\\_dlya\\_teh\\_kto\\_uc\\_hit?ysclid=lyy1lumoh7392052531](https://vogazeta.ru/articles/2023/7/17/quality_of_education/23286-novye_podhody_v_obrazovanii_dlya_teh_kto_uc_hit?ysclid=lyy1lumoh7392052531) (дата обращения: 23.07.2024).
6. Гладышева Е. Н. Негативное влияние компьютерных технологий // Аспекты и тенденции педагогической науки: материалы II Междунар. науч. конф. г. Санкт-Петербург, июль 2017 г. С.99-105.
7. Дедюхина А.А. Принципы формирования информационной культуры педагога // Научные исследования в образовании. 2008. № 2. С. 33а-35.
8. Задорина М.А., Корсун К.И. Стратегическое управление образовательными организациями высшего образования в условиях изменения макросреды // Современные проблемы науки и образования. 2022. № 6-1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=32351> (дата обращения: 14.07.2024)
9. Ибрагимов Г. И., Ибрагимова Е. М., Бакулина Л. Т. Тенденции развития системы контроля и оценки результатов образования в высшей школе // Альма-матер. 2017. № 12. С. 10–15.
10. ИТМО вошел в число университетов, создавших консорциум по развитию «гибких навыков» [Электронный ресурс]. <https://news.itmo.ru/ru/education/trend/news/12393/> (дата обращения: 22.07.2024.)
11. Колоскова Г.А. Цифровая образовательная среда вуза как условие формирования профессиональных компетенций студентов // Вопросы методики преподавания в вузе. 2021. Том 10. № 37. С. 99–106.
12. Кудряшова Е.В., Сорокин С.Э., Бугаенко О.Д. Взаимодействие университетов со сферой производства как элемент реализации «третьей миссии» // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 5. С. 9-21.
13. Курзаева Л.В., Барынина М.В., Якунина Е.К. К вопросу о трансформации системы профессиональной подготовки учителей в условиях развития сквозных технологий (на примере виртуальной и дополненной реальности) // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. №3. <https://mir-nauki.com/PDF/05PDMN320.pdf>
14. Мусаелян Л. А., Зырянов С. Г. Глобальные вызовы России и некоторые проблемы системы отечественного высшего образования // Со-

- циум и власть. 2022. № 2 (92). С. 40-52. <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2022-2-40-52>
15. Нешумаев М.В. Теоретический анализ педагогического общения как главного фактора эффективности обучения // *Universum: психология и образование* : электрон. научн. журн. 2017. № 5 (35). URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/4663> (дата обращения: 12.07.2024).
  16. Новиков С.В. Современное состояние и тенденции развития российской системы высшего образования // *Экономика, предпринимательство и право*. 2023. Том 13. № 9. С. 3589-3604. <https://doi.org/10.18334/epp.13.9.118723>
  17. Образование в цифрах: 2023 : краткий статистический сборник / Т. А. Варламова, Л. М. Гохберг, О. К. Озерова и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2023.
  18. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 // *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2018. № 20. Ст. 2817.
  19. Полевода И.И., Иваницкий А.Г., Миканович А.С., Пастухов С.М., Грачулин А.В., Рябцев В.Н., Навроцкий О.Д., Лихоманов А.О., Винярский Г.В., Гусаров И.С. Технологии виртуальной и дополненной реальности в образовательном процессе // *Вестник Университета гражданской защиты МЧС Беларуси*. 2022. Т. 6. № 1. С.119-142.
  20. Путиловская Н.Г. Адаптивные системы управления качеством образования: модели и проектирование // *Письма в Эмиссия. Оффлайн (The Emissia.Offline Letters)*: электронный научный журнал. Сентябрь 2011, ART 1638. СПб., 2011 г. URL: <http://www.emissia.org/offline/2011/1638.htm>
  21. Рыбакова Л.В., Шульгина Н.Г. Принятие и реализация управленческих решений в образовательной организации // *Вестник АмГУ*. 2018. №81. С.144-150.
  22. Сенашенко В.С. Междисциплинарность образования как отражение многообразия окружающего мира // *Университетское управление: практика и анализ*. 2017. Том 21. № 1. С.88-95.



23. Тамбиянц Ю.Г., Шалин В.В. Бюрократизация отечественного высшего образования: факторы и перспективы // *Общество: философия, история, культура*. 2021. № 5. С. 31-39. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.5.4>
24. Терентьев Е. А., Кузьминов Я. И., Фрумин И. Д. Наука без молодежи? Кризис аспирантуры и возможности его преодоления. // *Современная аналитика образования*. № 6 (55). М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. 2021. 48 с.
25. Хаблиева С.А. Основные подходы к формированию цифровых навыков // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2022. Т. 11. № 3(40). С. 36-42.
26. Шаугараева Д.И., Бурцев Д.С., Гаврилук Е.С. Проблемы управления образовательным процессом при использовании цифровых инструментов в высших учебных заведениях // *Научный журнал НИУ ИТМО. Серия Экономика и экологический менеджмент*. 2020. № 2. С. 121-130.
27. Шадриков В.Д. Кадры для инновационной экономики: как в действительности обстоит дело с их подготовкой? // *Высшее образование сегодня*. 2019. №6. С. 2-10.
28. Balyk N., Shmyger G., Vasylenko Y., Oleksiuk V. Design of Educational for Teachers Professional Training // *Ukrainian Journal of Educational Studies and Information Technology*. 2022. No. 10 (2). P. 12-25.
29. Bhat A.H. Machine learning approach for intrusion detection on cloud virtual machines / A.H. Bhat, S. Patra, D. Jena // *International Journal of Application or Innovation in Engineering & Management (IJAIEM)*. 2013. Vol. 2(6). P. 56-66.
30. Brown A., & Green T. *Transforming Teaching and Learning Through Technology*. Routledge. 2019.
31. Iqbal J. A review on making things see: Augmented reality for futuristic virtual educator / J. Iqbal, M.S. Sidhu, S. Wang // *Cogent Education*. 2017. Vol. 4. Iss. 1. <https://doi.org/10.1080/2331186X.2017.1287392>
32. Kelly, D. Augmented reality learning environment for physiotherapy education / D. Kelly [et al.] // *Physical Therapy Reviews*. 2018. Vol. 23. Iss. 1. P. 21-28. <https://doi.org/10.1080/10833196.2018.1447256>

33. Korol A.D. Informatization of education and person-oriented principle: How to teach everyone in a similar way but differently // *Pedagogika* [Pedagogy]. 2014. Vol. 114. No. 2. P. 64-74. <https://doi.org/10.15823/p.2014.005>
34. Mintzberg H. *Managers Not MBAs: A Hard Look at the Soft Practice of Managing and Management Development*. Berrett-Coehler Publishers, 2004. 463 p.
35. Peggy K. *The Hard Truth About Soft Skills*. Harper Collins Publishers. 2007. 190 p.
36. Turan Z. The impact of mobile augmented reality in geography education: achievements, cognitive loads and views of university students / Z. Turan, E. Meral, I.F. Sahin // *Journal of Geography in Higher Education*. 2018. Vol. 42, Iss. 3. P. 427–441. <https://doi.org/10.1080/03098265.2018.1455174>

### *References*

1. Basiuk V.S. Modern trends of teacher training in the context of rapidly changing social challenges. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser.20. Pedagogicheskoe obrazovanie*, 2022, no. 3 pp. 38-55.
2. Beleeva I. D. Titova N.B. The problem of educational inequality in modern Russia: factors of influence and social consequences. *Pedagogical Education in Russia*, 2018, no. 12, pp. 18-22.
3. Belov M. T., Abazieva K. G., Samygin S. I. Innovations in management decision-making in the system of higher educational institutions. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*, 2021, no. 4, pp. 18-22. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-18-22>
4. Bogdanova I.I. Abolition of the Bologna system: problems and prospects of higher education in Russia. *Actual problems of pedagogy and psychology*, 2022, no. 8, pp. 11-16.
5. News of Education. New approaches in education for those who teach themselves. 2023. URL: [https://vogazeta.ru/articles/2023/7/17/quality\\_of\\_education/23286-novye\\_podhody\\_v\\_obrazovanii\\_dlya\\_teh\\_kto\\_uchit?ysclid=lyy11umoh7392052531](https://vogazeta.ru/articles/2023/7/17/quality_of_education/23286-novye_podhody_v_obrazovanii_dlya_teh_kto_uchit?ysclid=lyy11umoh7392052531) (accessed 23.07.2024).
6. Gladysheva E. N. Negative impact of computer technologies. *Aspects and trends of pedagogical science: materials of II Intern. scientific conf.* St. Petersburg, July 2017, pp. 99-105.

7. Dedyukhina A.A. Principles of formation of information culture of a teacher. *Scientific research in education*, 2008, no. 2, pp. 33a-35.
8. Zadorina M.A., Korsun K.I. Strategic management of educational organizations of higher education in the conditions of macro environment change. *Modern problems of science and education*, 2022, no. 6-1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=32351> (accessed 14.07.2024)
9. Ibragimov G. I., Ibragimova E. M. M., Bakulina L. T. Trends in the development of the system of control and evaluation of educational results in higher education. *Alma Mater*, 2017, no. 12, pp. 10-15.
10. ITMO became one of the universities that created a consortium for the development of “flexible skills”. <https://news.itmo.ru/ru/education/trend/news/12393/> (accessed 22.07.2024).)
11. Koloskova G.A. Digital educational environment of higher education institution as a condition for the formation of professional competencies of students. *Voprosy metodiki prepodavaniya v vuze*, 2021, vol. 10, no. 37, pp. 99-106.
12. Kudryashova E.V., Sorokin S.E., Bugaenko O.D. Interaction of universities with the sphere of production as an element of realization of the “third mission”. *Higher Education in Russia*, 2020, vol. 29, no. 5, pp. 9-21.
13. Kurzaeva L.V., Barynina M.V., Yakunina E.K. Toward the transformation of the system of professional teacher training in the development of cross-cutting technologies (by the example of virtual and augmented reality). *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya*, 2020, no. 3. <https://mir-nauki.com/PDF/05PDMN320.pdf>
14. Musaelyan L. A., Zyryanov S. G. Global challenges of Russia and some problems of the system of domestic higher education. *Sotsium i vlast*, 2022, no. 2 (92), pp. 40-52. <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2022-2-40-52>
15. Neshumayev M.V. Theoretical analysis of pedagogical communication as the main factor of learning effectiveness. *Universum: psychology and education*, 2017, no. 5 (35). URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/4663> (accessed 12.07.2024).

16. Novikov S.V. Modern state and trends in the development of the Russian system of higher education. *Economics, entrepreneurship and law*, 2023, vol. 13, no. 9, pp. 3589-3604. <https://doi.org/10.18334/epp.13.9.118723>
17. *Education in figures: 2023: a brief statistical compendium* / T. A. Varlamova, L. M. Gokhberg, O. K. Ozerova et al.; National Research University "Higher School of Economics". M.: NIU VSHE, 2023.
18. On national goals and strategic objectives of development of the Russian Federation for the period until 2024: decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2018 № 204. *Sobr. zakonnosti Ros. Federation*, 2018, no. 20. Art. 2817.
19. Polevoda I.I., Ivanitsky A.G., Mikanovich A.S., Pastukhov S.M., Grachulin A.V., Ryabtsev V.N., Navrotsky O.D., Likhomanov A.O., Vinyarsky G.V., Gusarov I.S. Technologies of virtual and augmented reality in the educational process. *Bulletin of the University of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Belarus*, 2022, vol. 6, no. 1, pp. 119-142.
20. Putilovskaya N.G. Adaptive systems of education quality management: models and design. *The Emissia. Offline Letters*, 2011, ART1638. St. Petersburg, 2011. URL: <http://www.emissia.org/offline/2011/1638.htm>
21. Rybakova L.V., Shulgina N.G. Adoption and implementation of management decisions in an educational organization. *Vestnik AmSU*, 2018, no. 81, pp. 144-150.
22. Senashenko V.S. Interdisciplinarity of education as a reflection of the diversity of the surrounding world. *University management: practice and analysis*, 2017, vol. 21, no. 1, pp. 88-95.
23. Tambiyants Y.G., Shalin V.V. Bureaucratization of domestic higher education: factors and prospects. *Society: philosophy, history, culture*, 2021, no. 5, pp. 31-39. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.5.4>
24. Terentyev E. A., Kuzminov Ya. I. I., Frumin I. D. Science without youth? The crisis of postgraduate studies and possibilities of its overcoming. *Modern Education Analytics*, no. 6 (55). Moscow: National Research University "Higher School of Economics", Institute of Education, 2021, 48 p.
25. Khabljeva S.A. Main approaches to the formation of digital skills. *Azimuth nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya*, 2022, vol. 11, no. 3(40), pp. 36-42.

26. Shaugaraeva D.I., Burtsev D.S., Gavrilyuk E.S. Problems of educational process management when using digital tools in higher education institutions. *Scientific Journal of NIU ITMO. Series Economics and Environmental Management*, 2020, no. 2, pp. 121-130.
27. Shadrikov V.D. Personnel for innovative economy: what is the actual situation with their training? *Higher Education Today*, 2019, no. 6, pp. 2-10.
28. Balyk N., Shmyger G., Vasylenko Y., Oleksiuk V. Design of Educational for Teachers Professional Training. *Ukrainian Journal of Educational Studies and Information Technology*, 2022, no. 10 (2), pp. 12-25.
29. Bhat A.H. Machine learning approach for intrusion detection on cloud virtual machines / A.H. Bhat, S. Patra, D. Jena. *International Journal of Application or Innovation in Engineering & Management (IJAIEM)*, 2013, vol. 2(6), pp. 56-66.
30. Brown A., & Green T. *Transforming Teaching and Learning Through Technology*. Routledge, 2019.
31. Iqbal J. A review on making things see: Augmented reality for futuristic virtual educator / J. Iqbal, M.S. Sidhu, S. Wang. *Cogent Education*, 2017, vol. 4, no. 1. <https://doi.org/10.1080/2331186X.2017.1287392>
32. Kelly D. et al. Augmented reality learning environment for physiotherapy education. *Physical Therapy Reviews*, 2018, vol. 23, no. 1, pp. 21-28. <https://doi.org/10.1080/10833196.2018.1447256>
33. Korol A.D. Informatization of education and person-oriented principle: How to teach everyone in a similar way but differently. *Pedagogika* [Pedagogy], 2014, vol. 114, no. 2, pp. 64-74. <https://doi.org/10.15823/p.2014.005>
34. Mintzberg H. *Managers Not MBAs: A Hard Look at the Soft Practice of Managing and Management Development*. Berrett-Coehler Publishers, 2004, 463 p.
35. Peggy K. *The Hard Truth About Soft Skills*. Harper Collins Publishers. 2007, 190 p.
36. Turan Z. The impact of mobile augmented reality in geography education: achievements, cognitive loads and views of university students / Z. Turan, E. Meral, I.F. Sahin. *Journal of Geography in Higher Education*, 2018, vol. 42, no. 3, pp. 427–441. <https://doi.org/10.1080/03098265.2018.1455174>

### ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

**Мороз Елена Фёдоровна**, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры «Управление персоналом»  
*Красноярский институт железнодорожного транспорта*  
*ул. Новая заря 2и, г. Красноярск, 660029, Российская Федерация*  
*moroslens@yandex.ru*

### DATA ABOUT THE AUTHOR

**Elena F. Moros**, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Personnel Management  
*Krasnoyarsk Institute of Railway Transport*  
*2i, Novaya Zarya Str., Krasnoyarsk, 660029, Russian Federation*  
*moroslens@yandex.ru*  
*SPIN-code: 9084-3807*  
*ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7504-7140>*  
*Scopus Author ID: 57219148147*

Поступила 24.06.2024  
После рецензирования 24.07.2024  
Принята 31.07.2024

Received 24.06.2024  
Revised 24.07.2024  
Accepted 31.07.2024

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-430

УДК 141:4



Научная статья | Философия религии и религиоведение

## УЧЕНИЕ О РОЖДЕНИИ СВЫШЕ В ХРИСТИАНСТВЕ С ПОЗИЦИИ СРАВНИТЕЛЬНОГО РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ: ПОДХОДЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

*Ю.В. Соболев*

*В статье анализируется учение о рождении свыше в христианстве в рамках внутриконфессиональной дискуссии. Обращая внимание на особую выраженность учения о рождении свыше в современной протестантской традиции, в статье ставится вопрос о месте и значении учения о рождении свыше в традиции церковной (православной, католической). Отдельно ставится вопрос о возможности рождения свыше в эпоху «оскудения веры». Междисциплинарный подход позволяет обозначить ряд важных положений, обуславливающих различие и общность в интерпретациях: авторитет святоотеческой экзегезы, значение и место устной традиции в современных протестантских общинах, первичность и вторичность в понимании иерофанического, рациональное и мистическое в духовном опыте верующего христианина. В качестве теоретической базы были использованы труды таких учёных и исследователей как: М. Вебер, Д. Мелтон, М. Элиаде, М. Фуко, Л. Харрисон, Д. Боголепов, С. Хоружий, И. Яблоков. Важное место в изучении вопроса занимает святоотеческое наследие – труды Иоанна Златоуста и Симеона Нового Богослова. В качестве методов исследования следует назвать метод сравнительного религиоведения, герменевтическо-текстовый анализ, социально-исторический и культурологический подходы. В ходе работы сделан ряд важных заключений о понимании и месте учения о рождении свыше в христианском вероучении. Наиболее важными из них являются: зна-*

*чение эксплицитности и понимание рождения свыше в протестантизме; сложность и имплицитность церковной экзегезы рождения свыше, выраженной в двух основных векторах понимания этого вопроса. Данные статьи могут быть использованы в исследовательской работе философов-религиоведов по истории христианства. Практическая ценность статьи заключается в возможности включения результатов в занятия по философии, религиоведению и теологии, а также в миссионерской деятельности.*

**Ключевые слова:** рождение свыше; протестантизм; православие; католицизм; религия; христианство; миссионерская деятельность; вера; рационализм; мистицизм

**Для цитирования.** Соболев Ю.В. Учение о рождении свыше в христианстве с позиции сравнительного религиоведения: подходы и интерпретации // *Современные исследования социальных проблем.* 2024. Т. 16, № 3. С. 246-264. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-430

Original article | Philosophy of Religion and Religious Studies

## THE DOCTRINE OF THE VIRGIN BIRTH IN CHRISTIANITY FROM THE PERSPECTIVE OF COMPARATIVE RELIGION: APPROACHES AND INTERPRETATIONS

*Yu. V. Sobolev*

*The article offers an examination of the doctrine of the virgin birth in Christianity within the framework of intra-confessional discussion. Paying attention to the emphasis of the doctrine of the virgin birth in the modern Protestant tradition, the question of the place and significance of the doctrine of the virgin birth in the church tradition (Orthodox and Catholic) is introduced into the problem field of the study. Separately, the question of the possibility of the new birth in an age of “the waning of faith” is raised. The interdisciplinary approach in the study allows us to identify a number of important provisions that determine the dif-*



*ference and commonality in the interpretations of the two traditions: the authority of holy theological exegesis, the significance and place of the oral tradition in modern Protestant communities, the primary and secondary in the understanding of the hierophanic, the rational and mystical in the spiritual experience of the believing Christian. The works of such scholars and researchers as: M. Weber, D. Melton, M. Eliade, M. Foucault, L. Harrison, D. Bogolepov, S. Horuzhiy, I. Yablokov. An important place in the study of the issue is occupied by the holy theological heritage - the works of John Chrysostom and Simeon the New Theologian. As methods of research were used: the method of comparative religious studies, hermeneutic-textual analysis, socio-historical and cultural approaches. In the course of the work, a number of important conclusions have been drawn about the understanding and place of the doctrine of the virgin birth in Christian doctrine. The most important of which are: the significance of explicitness and understanding of the virgin birth in Protestantism; the complexity and implicitness of the Church's exegesis of the virgin birth, expressed in two main vectors of understanding of this question. These articles can be used in the research activities of philosophers-religionists on the history of Christianity. The practical value of the study lies in the possibility of incorporating the results into classes in philosophy, religious studies and theology, as well as directly in missionary activities.*

**Keywords:** *born again; Protestantism; Orthodoxy; Catholicism; religion; Christianity; missionary activity; faith; rationalism; mysticism*

**For citation.** *Sobolev Yu.V. The Doctrine of the Virgin Birth in Christianity from the Perspective of Comparative Religion: Approaches and Interpretations. Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2024, vol. 16, no. 3, pp. 246-264. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-430*

## **Введение**

В сравнительном религиоведении можно встретить примеры того, как в рамках одной религиозной традиции встречаются темы, которые для одного направления имеют фундаментальное значение

на уровне догматических положений, а для другого не являются центральными. «Этот выбор, даже если ограничить его наиболее типичными проявлениями, отнюдь не прост. В самом деле, для того чтобы очертить границы сакрального и дать ему определение, мы должны располагать достаточным количеством проявлений сакрального, «сакральных фактов», – пишет авторитетный историк религии М. Элиаде [17, с. 18]. Именно эти темы становятся краеугольными камнями полемики между представителями одной конфессии. В настоящей статье предлагается рассмотрение одной из таких тем – *учение о рождении свыше в христианстве*.

### **Состояние проблемы**

Начиная с эпохи Реформации, протестантизм обозначил ряд богословских проблем, которые требовали разрешения. Тема рождения свыше весьма долго вызревала до уровня ключевой темы большинства протестантских общин. Однако до серьёзной богословской полемики с церковным христианством дело так и не дошло. «Рассуждать о том, какая из этих традиций успешнее достигает цели, или о возможности их сосуществования в современной церковной жизни – дело непростого богословского диалога и обсуждения», – говорит видный современный богослов Г. Фаст [11, с. 21]. Как бы то не было, нужно констатировать, что сегодня, в двадцать первом столетии, насколько значимо этот вопрос выражен в протестантизме, настолько внешне-сдержанно он представлен в церковной православной, католической и древневосточной традициях. Причины видятся в следующем. В первую очередь, это проблема экзегезы: однозначное всеобщее буквальное толкование и понимание представителями одного направления (протестантского), и вариативность толкований и пониманий представителями направления церковного. Во вторую очередь, это вопрос традиции: первостепенная актуализация проблемы в рамках одной традиции (протестантской) и умеренно-сдержанное отношение к ней другой (церковной). В-третьих, историческая продолжительность этих традиций. В-четвёртых, специфические особенности миссионерской деятельности.

Обозначив основные векторы проблематики, обратимся к экзегезе. Ключевым и единственным фрагментом текста о рождении свыше в библейском каноне является фрагмент из третьей главы Евангелия от Иоанна. К Иисусу ночью приходит фарисей Никодим, и между ними происходит следующий диалог: «Равви! мы знаем, что Ты учитель, пришедший от Бога; ибо таких чудес, какие Ты творишь, никто не может творить, если не будет с ним Бог. Иисус сказал ему в ответ: истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия. Никодим говорит Ему: как может человек родиться, будучи стар? неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться? Иисус отвечал: истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие. Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух. Не удивляйся тому, что Я сказал тебе: должно вам родиться свыше. Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа. Никодим сказал Ему в ответ: как это может быть? Иисус отвечал и сказал ему: ты - учитель Израилев, и этого ли не знаешь?» (Ин. 3:1-10).

Странность диалога не может остаться незамеченной: Никодим спрашивает об одном, а Иисус отвечает о другом. Никодим принимает ответ, но понимает его превратно, Иисус разъясняет смысл сказанного. Для человека церковной традиции настоящий фрагмент не является смысловым триггером, так как он не относится к числу наиболее цитируемых мест Священного Писания, в отличии от частоты обращения к этому тексту представителей традиции протестантской. Почему так? Человек церковной традиции приучает себя согласовывать собственное понимание Библии с богатым и многогранным наследием святоотеческой экзегезы, а коль скоро явного *nota bene* в толкованиях на это место Писания он не встречает, его мысль обращается к дальнейшему повествованию. Протестантская традиция, несмотря на широко постулируемый собственный принцип *solo scriptura*, является традицией *устного предания* [21, с. 346]! Отвергая авторитет патристики, протестантское сознание вынуж-

дено изыскивать собственные смыслы, соотнося их с суждениями современных членов своих общин. Французский философ М. Фуко в «Словах и вещах» эту ситуацию называет конфликтом критики и комментария, в котором «анализ видимой формы» препятствует «раскрытию скрытого содержания» [13, с. 113].

Безусловно, *без-опытное* чтение имеет свои преимущества, одно из которых – разглядеть среди многовековых слоёв толкований *непосредственную* речь Христа и обратить на неё внимание. А обратить внимание есть на что! Грозные слова Иисуса способны отрезвить христианское сознание: «истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия» (Ин.3:3). Первостепенное значение, которое придают этому тексту протестанты, позволяет подкрепить не только собственную несложную теологию, но и повысить эффективность своей миссионерской деятельности. (Не случайно адепты религиозной организации «Свидетели Иеговы»\* (*признана в РФ экстремистской организацией и запрещена*) подчёркнуто-иронично именовали христиан-протестантов «рождёнными свыше», видя в них прямых конкурентов по миссионерской деятельности). Логика такого хода проста и последовательна. Протестантизм признаёт человека истинным христианином только вследствие его личного сознательного исповедания стать христианином, (крещение в младенчестве не принимается), и присоединению к той или иной общине. Крещение понимается как акт обещания Богу доброй совести и духовное возрождение (см. вероучение, принятое на Всесоюзном съезде баптистов 1985 года). Соответственно, если человек духовно не родился, то он и не христианин. Важно заметить, что акцентирование рождения свыше есть историческое новшество в протестантской традиции: «На каком-то этапе истории вполне мог возникнуть обычай, который потом становится абсолютно обязательным» [12, с. 151]. Установлено, что лишь в двадцатом столетии это учение возникает в харизматических общинах американской версии христианского протестантизма [9]. Но очень быстро получает дальнейшее широкое распространение в мире именно благодаря включению свиде-

тельства о рождении свыше в практику миссионерской деятельности. Примерный условно-уличный миссионерский диалог обычно развивается следующим образом:

Протестант: - Вы христианин?

Православный/католик: - Да.

Протестант: - Когда вы родились свыше?

Православный/католик: - ???

Протестант: - Если вы не знаете, когда вы родились свыше – вы не возрождённый, и вы не только не попадёте в Царствие Небесное, но и не увидите его. На этом месте проповедником достаётся Новый Завет и цитируется Ин. 3:1-10 с дальнейшими аргументами и приглашением в свою общину. С подробной спецификой и успешностью протестантского миссионерства в качестве «активистской религии» можно ознакомиться в работе культуролога Л. Харрисона [14, с. 131].

Единственное ли это место в Новом Завете, где мы обнаруживаем такое грозное предупреждение? Отнюдь. Например: «если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18:3) или: «если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное» (Мф. 5:20). Однако акцент в протестантском понимании сделан именно на рождении свыше, почему?

### **Подходы и интерпретации**

Причина, как видится, заключена в фундаменте учения: *сознательная обращение и крещение посредством личной веры*, которая «позволяет христианину получить Слово Божие и подчиниться ему, несмотря на свои грехи» [7, с. 37]. Здесь следует выделить оборот *сознательное (рациональное) обращение*, так как без него, согласно протестантскому учению, спасение невозможно, что ставит самих адептов в довольно сложное положение, когда им задаются вопросы о возможности спасении людей с тяжелыми умственными или психическими расстройствами. Ведь согласно их учению, рождение свыше происходит одновременно с покаянием и обращением ко Христу, а как обратится к нему младенец или тяжелобольной человек?

Этот же вопрос можно поставить и в контексте эсхатологическом: а возможно ли рождение свыше без веры, например, в последние времена, в эпоху оскудения веры, ведь в библейском тексте сказано так: «Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?» (Лк. 18:8). Забегая вперед скажем, что церковная традиция предполагает положительный ответ на этот вопрос, аргументируя свой ответ иррациональной логикой действия Духа Святого – «Дух дышит, где хочет» (Ин. 3:8). Протестантского ответа на этот вопрос нет, ибо когда М. Вебер в своей программной работе «Протестантская этика и дух капитализма» пишет, что «ярко выраженное пристрастие представителей протестантской аскезы к рационализированному математическим обоснованием эмпиризму известно», он неустанно подчёркивает две характерные черты протестантского мировоззрения: с одной стороны, *рационализм* в тех областях знания, где это необходимо для миссионерской и этико-религиозной сторон христианской жизни, и *мистицизм* (главным образом, учение об избранничестве) там, где логические и богословские аргументы беспомощны [2, с. 239]. О таких вероучительных «тупиках» и «ограниченности» протестантизма весьма точно написал американский священник и миссионер П. Гиллквист: «Если Рим в основном делал добавления к вероучению, то протестанты выбрасывали его части. Пытаясь освободиться от римских излишеств, современные протестанты сильно перестарались в корректировке своего курса» [3, с. 29].

К слову, упомянув римско-католическую церковь, следует напомнить, что протестантизм, родившийся в лоне католической культуры, не только полемизирует в первую очередь с ним но многое из него и вынес. Так, например, конфирмация в католичестве – таинство миропомазания, понимается не только как «печать Духа Святого», но и как сознательное принятие веры. Поэтому между крещением (как правило, в младенчестве) и конфирмацией лежит промежуток в несколько лет (чего традиционно нет в восточной церковной культуре). Считается, что к таинству конфирмации человек может быть готов сознательно не ранее отрочества. «Латинская

традиция на протяжении многих веков усматривает в достижении «возраста распознавания» соответствующее время для принятия таинства Конфирмации. Необходимо, однако, миропомазывать детей в случаях смертельной опасности, даже если они не достигли еще возраста распознавания», – говорится в Катехезисе Католической Церкви [5, с. 316]. Протестантская культура унаследовала конфирмацию, но (sic!) как *обряд сознательного и свободного выражения личной веры в Иисуса Христа*.

Таким образом, рождение свыше в протестантизме есть *сознательный акт* личного добровольного принятия христианского учения с намерением порвать с прежней греховной жизнью, и начать новую жизнь («жизнь по духу») в соответствии с евангельским учением (см. притчу о блудном сыне Лк. 15:11-32). В качестве подтверждения своего рождения свыше человек обычно свидетельствует о кардинальном изменении своего образа жизни, а в ряде харизматических протестантских общин практикуется глоссолалия. Иначе говоря, именно следствие веры человека, то есть его *деятельность*, наделяется мистическим смыслом. Эта коррелированная неизменная последовательность *вера-деятельность* есть основа протестантской традиции, которую можно выразить при помощи таких терминов как ритуал или «культовая среда» английским социологом К. Кэмпбэллом [20, с. 459].

Церковное понимание рождения свыше имеет более широкий диапазон толкований этого явления, именуемого, согласно церковной традиции, таинством. Присутствует вариант и протестантского понимания (исключая глоссолалию), однако, центральное внимание церкви обращено на *таинство крещения*, которое и понимается как *духовное рождение – рождение свыше*. Русский профессор богословия Д. Боголепов о толковании на Ин. 3:1-10 пишет: «Господь высказывается теперь яснее и определеннее, о каком рождении идет речь, указывая при этом на крещение, в котором под символом очищения водою человек имел возродиться духовно силою и действием Св. Духа. При этом Господь объясняет, что для человека такое небесное перерождение необходимо. Все, что происходит от греховного человеческого естества (σάρξ), не может быть не греховно.

Поэтому необходимо новое рождение от Духа Божия, чтобы жить не по влечению греховной плоти, а высшею стороною своего существа – духом. /.../ Движение ветра для нас наблюдаемо, ощущаемо; однако же мы не видим, не замечаем его причины и направления, откуда и куда он идет. Так бывает и с таинственным возрождением человека. Самый факт возрождения себя человек замечает, ощущает, но не может наблюдать здесь действующей причины» [1, с. 481].

А вот что о крещении пишет святитель Иоанн Златоуст: «Чем для Христа был Крест и гроб, тем для нас стало крещение, хотя и в другом отношении: Христос умер и погребен плотию, а в нас умер и погребен грех... Если ты участвовал в смерти и погребении, то тем более будешь участвовать в Воскресении и жизни: когда ты освобожден от большего, т. е. от греха, тебе не должно сомневаться в меньшем, т. е. в уничтожении смерти» (т. IX, к.2:4); «Крещение не просто отпускает нам грехи, не просто очищает нас от беззаконий, но так, как бы мы вновь родились, ибо оно вновь творит нас и образует»; «Вода в крещении употребляется как бы место рождения рождающегося. Что утроба для младенца, то – вода для верного: он в воде зачинается и образуется» (т. VIII, к. 1:1); «В крещении чрез чувственную вещь, воду, сообщается дар, а духовное действие состоит в рождении и обновлении» (т. VIII, к.2:4); «Как Христос умер на Кресте, так и мы умираем в крещении, умираем не плотию, но для греха /.../ При совершении <крещения> предстоят и Ангелы, но изъяснить способ этого дивного рождения... не может ни один из них /.../ В воде при крещении символически изображается гроб и смерть, Воскресение и жизнь, и все это происходит совместно. Когда мы погружаем свои головы в воду, как бы в гроб, вместе с тем погребается ветхий человек и, погрузившись вглубь, весь совершенно скрывается. Потом, когда мы восклоняемся, – выходит человек новый. Как легко для нас погрузиться и подняться, так для Бога легко погребсти ветхого человека и явить нового. Но это совершается трижды, чтобы ты знал, что все это совершается силою Отца и Сына и Святого Духа» (т. VIII, к.1:2) [4].

Как можно заключить из цитатной компиляции выше, таинство крещения, согласно традиции церковной экзегезы, сущностно и



символически есть образ смерти человека тленного и греховного, и рождение новой твари (2Кор. 5:17), обновленной Духом Святым. Внешне крещение есть структурированное символическое действие, уходящее своими корнями в древне иудейский обряд омовения (твила). Однако, в отличии, от протестантского учения, крещение наполнено мистическим смыслом – действием Бога, которое сущностно выражается как в видимом нравственно-этическом плане (изменение образа жизни), так и в невидимом таинственном – благодатном сочетании новорождающегося со Христом вне зависимости от возраста человека и его осознания этого акта. Именно несогласие с нерациональной «включенностью» верующего в таинство крещения породило в XVII веке в протестантизме такое направление как анабаптизм (букв. - *перекрещенцы*), в «котором под влиянием меннонитов было введено крещение взрослых по вере» (впоследствии было переименовано в баптизм) [19, с. 157]. Как вопрошает философ и богослов А. Кураев: «Крещение – это всего лишь действие человека или в крещении помимо человека, кроме человека действует еще и Бог? Крещение есть только то, что я хочу засвидетельствовать перед лицом Бога, или же в крещении есть еще и встречное действие Творца, есть встречный посыл благодати?» [8, с. 54].

Если пользоваться удачно введённым в научный оборот М. Элиаде термином *иерофания*, то в протестантизме сама *вера* во Христа, побуждающая человека креститься, есть иерофания [18, с. 17]. Церковная традиция согласна с этим толкованием, но расширяет его, делая акцент на незримом *действии благодати Божией* в крещальной купели, и именно это действие, главным образом, понимается в качестве иерофании. Не совпадение, но сама лингвистическая логика, которая находит подчас сложные решения в простых языковых фигурах, это подтверждает. Протестант обычно так и говорит: *Я рождённый свыше*. Православный/католик: *Я крещённый*.

Упомянув выше богословские затруднения протестантов в ответе на вопрос о спасении младенцев, людей с психическими расстройствами и неврологическими травмами, будет справедливо рассмотреть, как отвечает на вопрос об их спасении церковное

учение. Известно, что церковная традиция в качестве ответственных за крещение таких людей назначает свидетелей-восприемников (крестных родителей, духовных родителей), которые, в силу невозможности «детей» дать ответ при крещении, выступают в качестве их поручителей. В святоотеческом наследии по этому вопросу наиболее интересной видится позиция преп. Симеона Нового Богослова (949-1022). Во времена Симеона большинство христиан были крещаемы в детстве, но, как учит преподобный, опасность их духовного пути связана не с их детским крещением, а с тем, что они, будучи крещёнными, не были воспитаны в духе евангельской нравственности, которая является непременным условием рождения свыше. И ответственность за это он возлагает *как на них самих*:

«По сей причине некоторые из этих детей остаются в злых навыках своих до самой смерти. Другие же приходят немного в чувство, познают своё рабское состояние и стараются освободиться от него. Но если они не отделятся совсем от злых учителей своих (именно так следует называть их родителей), то невозможно им будет освободиться от укоренившихся в них злых навыков» [10];

*так и на их духовных отцов:*

«Теперь послушай, честный отец, что я имею намерение сказать тебе. Те, которые отрекаются от мира и не имеют духовных себе отцов и старцев, те, конечно, не сделались и чьими-либо духовными чадами. Но те, которые не сделались чадами, те и не родились. Те же, которые не родились, те не пришли в бытие. Подобно этому и те, которые не родились духовно, не пришли в оный умный мир и не входят в тот дивный свет, в который вводит Бог верующих в Него /.../ Более того, родившихся телесно, но не родившихся духовно ожидают тьма, огонь и мука вечная, по определению Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа» [10].

Рассуждения Симеона достаточно просты по своей логике. Если есть духовное чадо, то должен быть и духовный отец, и именно в этой синергийной деятельности (Бога, духовного отца и духовного чада) совершается рождение свыше. Несложно провести аналогию с физическим (плотским) становлением человека и его воспитанием

физическими родителями. И если в жизни мирянина духовный отец чаще всего выступает в роли наставника периодически (от исповеди до исповеди или по ситуационной необходимости), то в жизни монаха-аскета духовный отец занимает центральное место (достаточно вспомнить известное в церковном обиходе выражение «Послушание выше поста и молитвы», пришедшего к нам из древней монашеской среды). Так, по словам авторитетного отечественного исследователя исихастской традиции С. Хоружего, только в диаде *духовный отец (старец) и сын (послушник)* возможна трансляция мистического опыта (умного делания) с последующим достижением теозиса (обоженья): «В общении со старцем, в его наставлениях человеку явственно приоткрывался иной мир, иной, высший образ существования. Человек получал приобщение к жизни в подвиге и в устремлении к Богу, открывал для себя мерки этой жизни, ее ценности, установки» [16, с. 231]. Таким образом, послушание воле духовного отца (а через него и Богу), есть для монаха-послушника не просто добродетель, а первичное и обязательное условие для духовного рождения. «В Писании подчеркивается, что отношение порожденности, существующее между Сыном и Отцом, предполагает и влечет послушание, предание Сыновней воли — Отцовской (см. Ин. 6,38; Мф. 26, 39, 42; Флп. 2, 8)» [15, с. 58]. Примечательно, что на страницах Нового Завета мы, устами апостола Павла, находим разграничение на «наставников» и «отцов»: «Ибо, хотя у вас тысячи наставников во Христе, но не много отцов; я родил вас во Христе Иисусе благовествованием» (1 Кор. 4:15).

В сущности, Симеон Новый Богослов предельно ярко выразил то, что являлось сердцевиной не только учения, – но самой жизни – христианских мистиков-аскетов начиная с Иоанна Лествичника и заканчивая поздневизантийским периодом исихазма (Григорий Палама), а в культуре русского православия, но в уже в трансформированном виде, было проявлено как *старчество*. Само развитие богословской мысли Симеона опирается на духовный опыт, описание которого, при первом приближении, кажется невероятным даже для благочестивого христианина-мирянина. *Боговидение* – созерцание и переживание божественных нетварных энергий уже в этой жизни, «в сей

телесной храмине» (2 Пет. 1:13), – которому Симеон уделял так много внимания в своих трудах, является (насколько в данном случае будет уместен этот оборот) *фактом, подтверждающим духовное рождение*. Иначе говоря: созерцание духовного мира открылось человеку уже здесь, в этом временном мире, прежде «жизни будущего века» (словосочетание «прежде времени» осторожно помещаем за скобки буквально): «... стяжание благодати, преображающей и обожающей человека, имеет имманентный световой аспект, который, однако, совсем не совпадает с чувственным восприятием некоего света посредством физического зрения. Имеет место иной, специфичный для сферы Подвига образ восприятия, иное же действие воспринятого – и по совокупности опыта сознание подвижника обретает уверенность, что воспринятое есть также существенно иной род света: бытийно, онтологически иной — Божественный свет» [15, с. 110]. Вот лишь одно из многочисленных свидетельств исихастского опыта описанное Симеоном о самом себе в третьем лице: «Однажды, когда он стоял и говорил “Боже, милостив буди мне грешному”, более умом чем устами, Божественное сияние внезапно... наполнило все место. Когда это произошло, юноша забыл, был ли он в доме или что он находился под крышей. Потому что он видел отовсюду только свет и не знал, ступает ли он по земле. Ни страха не было в нем упасть, ни заботы о мире... всецело пребывая в невещественном свете и, как казалось, сам став светом, он преисполнился слез и невыразимой радости и веселья. Вслед за тем ум его восшел на небо и он увидел другой свет, более яркий, чем тот, который был близко... За заходом чувственного солнца следует этот сладкий свет умопостигаемого светила, заранее удостоверяя имеющий следовать за ним непрерывный свет» [6, с. 2]. Неизбежно напрашивается сравнение с подобным экстатическим опытом, пережитым и пересказанным апостолом Павлом: «Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба. И знаю о таком человеке (только не знаю – в теле, или вне тела: Бог знает), что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать» (2 Кор. 12:2).

Сравнив интерпретации рождения свыше, следует констатировать – Симеон Новый Богослов утвердил и развил в своих трудах *буквальную* экзегезу духовного рождения, подтверждённую как собственным мистическим опытом, так и аналогичным опытом многих христианских аскетов-подвижников. И думается, здесь будет уместным обратиться к исходной точке настоящей статьи, тем самым финализируя наше краткое рассмотрение темы, напоминанием слов Иисуса Христа, сказанных Никодиму: «истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия» (Ин. 3:1).

*Не говорите, что Бог невидим людям,*

*Не говорите, что люди не видят Божественного света*

*Или что это невозможно в настоящие времена!*

*Это никогда не бывает невозможным, друзья!*

*Но очень даже возможно желающим.*

*Пр. Симеон Новый Богослов. Гимн 27-ой (128–132).*

### **Заключение**

Формат статьи не позволяет охватить весь платос проблемы, однако, ключевые характеристики, различия и общности в подходах к христианскому учению о рождении свыше были нами выявлены и акцентированы.

Кратко подытожим:

1. Вопрос о рождении свыше имеет несколько аспектов экзегетический, исторический, миссионерский, эсхатологический и внутриконфессиональный (в рамках традиции протестантского и церковного вероучения);
2. Распространённость и подчёркнутость рождения свыше в протестантизме обусловлена рациональным характером вероучения и спецификой миссионерской проповеди;
3. Рождение свыше в протестантизме есть сознательный акт личного добровольного принятия христианского учения с намерением прекратить прежнюю греховную жизнь, и начать новую духовную жизнь в соответствии с евангельским учением (вера-деятельность);

4. Рождение свыше в церковной традиции имеет имплицитную и более сложную экзегезу, основы которой в сокращённом виде могут быть выражены следующими положениями:

1) Рождение свыше понимается как таинство крещения. В отличие от протестантского учения, крещение обусловлено, в первую очередь, мистическим действием (Бога), а во-вторую, сознательным решением человека (его веры);

2) Рождение свыше понимается как теозис (обожение) человека, достижение которого возможно лишь посредством духовного аскетического подвига в диаде *духовный отец (старец) и сын (послушник)*.

#### *Список литературы*

1. Боголепов Д. Руководство к толковому чтению Четвероевангелия и Книги Деяний апостольских. Издание пятое. М.: Издание А.Д. Ступина, 1910. 481 с.
2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
3. Гиллквист П. Возвращение Домой. От протестантизма к Православию. М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 1996. 246 с.
4. Иоанн Златоуст, свт. Полное собрание творений в 12 томах. М.: Изд. Приход храма Святого Духа сошествия на Лазаревском кладбище, 2008. URL: <https://svyatye.com/Sviatitel-Ioann-Zlatoust-tvoreniija-chitat-online.html>
5. Катехизис Католической Церкви. М.: Культурный центр «Духовная Библиотека», 4-ое издание, 2001. 813 с.
6. Кривошеин В. архиеп., Преподобный Симеон Новый Богослов (949-1022). Н. Новгород.: Изд-во Братства во имя святого князя Александра Невского, 1996. 443 с.
7. Критсен О. Реформы Лютера, Кальвина и протестантизм. М.: АСТ: Астрель, 2005. 160 с.
8. Кураев А. Протестантам о православии. Клин (Московская обл.): Христианская жизнь, 2009. 669 с.
9. Лункин Р.Н. Пятидесятники и харизматы: единство в многообразии // Религия и право. 2007. № 2 (41). С. 31-33.

10. Симеон Новый Богослов, прп. Творения в 3 томах. М.: Изд. СТСЛ, 2017. URL: <https://svyatyie.com/Prepodobnyi-Simeon-Novyi-Bogoslov-tvorenija-chitat-online.html>
11. Фаст Г. Жизнь до и после крещения: 10 бесед с протоиереем Геннадием Фастом. М.: Никая, 2014. 119 с.
12. Фаст Г. Этюды по Ветхому Завету. Книга вторая. Красноярск: Енисейский благовест, 2008. 472 с.
13. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: 1994. 408 с.
14. Харрисон Л. Евреи, мусульмане Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма. М.: Мысль, 2014. 286 с.
15. Хоружий С.С. Исследования по исихастской традиции: В 2 т. Т.1. К феноменологии аскезы. СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2012. 240 с.
16. Хоружий С.С. О старом и новом. СПб.: Алетейя, 2000 . 477 с.
17. Элиаде М. Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения. М.: Ладомир, 1999. 488 с.
18. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Издательство МГУ, 1994. 144 с.
19. Яблоков И.Н. Религиоведение: учебное пособие и учебный словарь-минимум по религиоведению. М.: Гардарики, 2000. 536 с.
20. Campbell C. The Cult, the Cultic Milieu and Secularization // A Sociological Yearbook of Religion in Britain. 1972. № 5. P. 122.
21. Melton J. G. Charismatic movement // Encyclopedia of Protestantism. New York: Checkmark Books, 2008. 628 p.

### References

1. Bogolepov D. *Rukovodstvo k tolkovomu chteniyu Chetveroevangeliya i Knigi Deyanij apostol'skih* [A Guide to the Interpretative Reading of the Fourth Gospel and the Book of the Acts of the Apostles]. М.: Izdanie A.D. Stupina, 1910, 481 p.
2. Veber M. *Protestantskaya etika i duh kapitalizma* [The Protestant ethic and the spirit of capitalism]. М.: Progress, 1990, 808 p.
3. Gillkvist P. *Vozvrashchenie Domoj. Ot protestantizma k Pravoslaviyu* [Homecoming. From Protestantism to Orthodoxy]. М.: Orthodox St. Tikhon's Theological Institute, 1996, 246 p.

4. Ioann Zlatoust, svt. *Polnoe sobranie tvorenij v 12 tomah* [The Complete Works in 12 Volumes]. M.: Parish of the Church of the Holy Spirit's Descent at the Lazarevsky Cemetery, 2008. URL: <https://svyatye.com/Sviatitel-Ioann-Zlatoust-tvorenija-chitat-online.html>
5. *Katekhizis Katolicheskoj Cerkvi* [Catechism of the Catholic Church]. M.: Cultural Center "Spiritual Library", 2001, 813 p.
6. Krivoshein V. arhiep., *Prepodobnyj Simeon Novyj Bogoslov (949-1022)* [Venerable Simeon the New Theologian (949-1022)]. N. Novgorod.: Brotherhood in the Name of St. Prince Alexander Nevsky Publ., 1996, 443 p.
7. Kritsen O. *Reformy Lyutera, Kal'vina i protestantizm* [The reforms of Luther, Calvin and Protestantism]. M.: AST: Astrel', 2005, 160 p.
8. Kuraev A. *Protestantam o pravoslavii* [Protestants about Orthodoxy]. Klin (Moscow region): Christian Life Publ., 2009, 669 p.
9. Lunkin R.N. Pyatidesyatniki i harizmaty: edinstvo v mnogoobrazii [Pentecostals and Charismatics: unity in diversity]. *Religiya i pravo*, 2007, no. 2 (41), pp. 31-33.
10. Simeon Novyj Bogoslov, prp. *Tvoreniya v 3 tomah* [Creations in 3 Volumes]. M.: STSL, 2017. URL: <https://svyatye.com/Prepodobnyi-Simeon-Novyi-Bogoslov-tvorenija-chitat-online.html>
11. Fast G. *Zhizn' do i posle kreshcheniya: 10 besed s protoiereem Gennadiem Fastom* [Life Before and After Baptism: 10 Conversations with Archpriest Gennady Fast]. M.: Nikeya, 2014, 119 p.
12. Fast G. *Etyudy po Vethomu Zavetu. Kniga vtoraya* [Etudes on the Old Testament. Book two]. Krasnoyarsk: Yenisei blagovest, 2008, 472 p.
13. Fuko M. *Slova i veshchi. Arheologiya gumanitarnyh nauk* [Words and things. Archaeology of the humanities]. SPb.: 1994, 408 p.
14. Harrison L. *Evrei, musul'mane Evrei, konfuciancy i protestanty: kul'turnyj kapital i konec mul'tikul'turalizma* [Jews, Muslims Jews, Confucians and Protestants: cultural capital and the end of multiculturalism]. M.: Mysl, 2014, 286 p.
15. Horuzhij S.S. *Issledovaniya po isihastskoj tradicii: V 2 t. T.I. K fenomenologii askezy* [Studies on the Hesychast tradition]. SPb.: Russian Christian Humanitarian Academy, 2012, 240 p.



16. Horuzhij S.S. *O starom i novom* [About the old and the new]. SPb.: Aleteia, 2000, 477 p.
17. Eliade M. *Izbrannye sochineniya. Ocherki sravnitel'nogo religiovedeniya* [Selected Essays. Essays on Comparative Religious Studies]. M.: Ladomir, 1999, 488 p.
18. Eliade M. *Svyashchennoe i mirskoe* [Sacred and secular]. M.: MGU, 1994, 144 p.
19. Yablokov I.N. *Religiovedenie: uchebnoe posobie i uchebnyj slovar'-minimum po religiovedeniyu* [Religious Studies: Study Guide and Minimal Dictionary of Religious Studies]. M.: Gardariki, 2000, 536 p.
20. Campbell C. The Cult, the Cultic Milieu and Secularization. *A Sociological Yearbook of Religion in Britain*, 1972, no. 5, p. 122.
21. Melton J. G. Charismatic movement. *Encyclopedia of Protestantism*. New York: Checkmark Books, 2008, 628 p.

#### ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

**Соболев Юрий Викторович**, доцент кафедры философии и социальных наук, кандидат философских наук, доцент  
*Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва*  
*просп. имени газеты Красноярский Рабочий, 31, г. Красноярск, Красноярский край, 660025, Российская Федерация*  
*ysob@mail.ru*

#### DATA ABOUT THE AUTHOR

**Yuri V. Sobolev**, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Philosophy and Social Sciences  
*Reshetnev Siberian State University of Science and Technology*  
*31, Krasnoyarskiy Rabochiy, Krasnoyarsk, 660025, Russian Federation*  
*ysob@mail.ru*

Поступила 24.08.2024

После рецензирования 18.09.2024

Принята 28.09.2024

Received 24.08.2024

Revised 18.09.2024

Accepted 28.09.2024

## ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

## HISTORY STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-450

УДК 94



Научная статья | Этнология, антропология и этнография

### ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ГОРОДСКОМ И СЕЛЬСКОМ ПРОСТРАНСТВАХ: ИНДИКАТОРЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (НА ПРИМЕРЕ КАЗАХОВ АЛТАЯ)

*А.Д. Дерендяева, Д.А. Михалевская*

**Обоснование.** В последние годы актуальным становится изучение многонациональных регионов Российской Федерации, в развитии которых наблюдаются различные стратегии и практики сохранения историко-культурного наследия. При этом особый интерес вызывает исследование локальных сообществ, а именно отдельных этнических групп. Анализируется влияние института наследия на процессы формирования идентичности в данных сообществах, в том числе в городской и сельской средах.

**Цель.** Анализ роли института историко-культурного наследия в сохранении этнической идентичности в городском и сельском пространствах, а также выявление ключевых индикаторов идентичности.

**Материалы и методы.** В статье представлены и проанализированы результаты этнографического исследования, проведенного учеными и сотрудниками Алтайского государственного университета в течение апреля-мая 2024 г. В качестве основного метода исследования выступил социологический опрос представителей казахского этноса, а именно жителей «двух Алтаев»: Алтайского края (г. Барнаул, с. Кирей и пос. Мирабилит) и Республики Алтай (г. Горно-Алтайск, с. Кош-Агач, с. Жана-аул). Кроме того, теоре-

*тическая часть работы опирается на концепции изучения этносов: примордиализм, конструктивизм и этносимволизм.*

**Результаты.** *Полученные данные обработаны с помощью программы статистического анализа SPSS, также были проведены компаративный и контент-анализы. Авторами исследования отмечены ключевые индикаторы этнической идентичности, непосредственно связанные с историко-культурным наследием: 1) исторические нарративы, 2) национальный язык, 3) символические события, 4) традиции и обычаи, 5) предметы быта, 6) гастрономическая культура. Показано, что этническая идентичность носит более устойчивый характер в сельской среде. Как в городском, так и в сельском пространствах отмечается формирование феномена «пересечения локальных культур».*

**Ключевые слова:** *институт историко-культурного наследия; этническая идентичность локального сообщества; идентичность городского пространства; идентичность сельской среды; казахи Алтая*

**Для цитирования.** *Дерендяева А.Д., Михалеvская Д.А. Этническая идентичность в городском и сельском пространствах: индикаторы историко-культурного наследия (на примере казахов Алтая) // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 3. С. 265-284. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-450*

Original article | Ethnology, Anthropology and Ethnography

## ETHNIC IDENTITY IN URBAN AND RURAL SPACES: KEY INDICATORS OF HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE (ON THE EXAMPLE OF THE ALTAI KAZAKHS)

*A.D. Derendyaeva, D.A. Mikhalevskaya*

**Background.** *In recent years, the study of multinational regions of the Russian Federation has become relevant, in the development of which various strategies and practices are observed in preserving their his-*

*torical and cultural heritage. At the same time, the study of local communities, namely individual ethnic groups, is of particular interest. It is becoming important to study how the institution of heritage influences the processes of identity formation in these communities, whether it differs in urban and rural environments.*

**Purpose.** *Analysis of the influence of the institute of historical and cultural heritage on the processes of preserving ethnic identity in urban and rural spaces, as well as identifying key indicators of identity.*

**Materials and methods.** *The article presents and analyzes the results of an ethnographic study conducted by scientists and staff of the Altai State University in April-May 2024. The main research method was a sociological survey of representatives of the Kazakh ethnic group, namely residents of the «two Altays»: Altai Krai (Barnaul, Kirey and Mirabilit) and the Altai Republic (Gorno-Altaysk, Kosh-Agach, Zhana-aul). In addition, the theoretical part of the work is based on the concepts of studying ethnic groups: primordialism, constructivism and ethnosymbolism.*

**Results.** *The obtained data were processed using the SPSS statistical analysis program, and comparative and content analyses were also conducted. The authors of the study noted key indicators of ethnic identity directly related to historical and cultural heritage: 1) historical narratives, 2) national language, 3) symbolic events, 4) traditions and customs, 5) household items, and 6) gastronomic culture. It is shown that ethnic identity is more stable in the rural environment. Both in urban and rural spaces, the phenomenon of “intersection of local cultures” is forming.*

**Keywords:** *Institute of Historical and Cultural Heritage; Ethnic Identity of Local Community; Identity of Urban Space; Identity of Rural Environment; Kazakhs of Altai*

**For citation.** *Derendyaeva A.D., Mikhalevskaya D.A. Ethnic Identity in Urban and Rural Spaces: Key Indicators of Historical and Cultural Heritage (on the Example of the Altai Kazakhs). Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2024, vol. 16, no. 3, pp. 265-284. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-450*

## Введение

Как отмечали многие исследователи в своих научных трудах (М. Вебер [3], Э. Гидденс [4], М. Элброу [13] и др.), процессы глобализации, урбанизации, в целом возникновение и развитие постиндустриального общества, приведут к устранению межнациональных различий, а этническая идентичность перестанет быть чем-то значимым для консолидации отдельных народов. С одной стороны, межкультурное взаимодействие и диалог действительно способствуют развитию общества, но в то же время «стирание» национальных культур грозит полным исчезновением локальных ценностей. За последние годы проблема сохранения объектов материального и нематериального наследия актуализировалась и даже перешла из теоретической плоскости в практическую. Произошло осознание, что обладающие исторической ценностью места могут служить важными инструментами при формировании регионального имиджа. Вместе с тем, при изучении отдельных локальных территорий существует немало различных лагун [6]. Например, исследования городской и сельской среды зачастую связаны с природно-географическими, социально-экономическими аспектами. Однако сфера, касающаяся процессов сохранения историко-культурного наследия городских и сельских территорий, остается малоизученной, при этом многие локальные сообщества пребывают в достаточно критическом положении (особенно это касается сельской среды). Помимо того, что повсеместно снижаются экономические показатели (не считая крупных и «популярных» у туристов пространств), есть и более серьезные проблемы.

Так, различные опросы, в том числе всероссийское исследование Российского общества социологов в 2022 г., показало тенденцию утраты национальной культуры и необходимость сохранения материальных и нематериальных объектов наследия [5]. Вместе с тем, многие архитектурные объекты продолжают исчезать, а традиции и обычаи забываются, что особенно заметно в городском ландшафте. Кроме того, происходит миграция населения в более «перспективные» регионы, исчезли некоторые городские и многие сельские

поселения. А ведь именно сохранение культурного ландшафта влияет на имидж городской и сельской среды, на идентичность внутри неё. В свою очередь «эффективный» имидж дает возможности для развития локальных сообществ, для повышения качества жизни населения [12, 15, 16]. Привлекательная территория оказывается местом для повышения инвестиционных, инфраструктурных и туристических (в частности, сельский туризм) показателей.

Актуальным становится изучение историко-культурного наследия городской и сельской среды; при этом особый интерес вызывают многонациональные регионы, которые, как правило, демонстрируют разные стратегии и практики при сохранении своей национальной культуры. Интерес вызывает и то, как одни и те же народы сохраняют свое наследие находясь в рамках городского и сельского пространств.

Так, в качестве изучаемых кейсов в исследовании выступили «два Алтая»: Алтайский край и Республика Алтай. Данные многонациональные регионы являются крупными сельскохозяйственными территориями страны, их связывает общая история. Особый интерес вызывает изучение казахского народа, который входит в этнический состав «двух Алтаев». При этом доля казахов довольно высока, здесь проживает свыше 20 тысяч представителей данного этноса (В Алтайском крае – 7979 человек, в Республике Алтай – 12 524 человек [7]). В основном, казахи Алтая заселяют не городскую, а сельскую среду.

История появления казахов на Алтае имеет свое начало со времен существования Колывано-Воскресенского округа, с XVIII в. Тогда из-за массовых конфликтов с джунгарами казахское население было вынуждено массово мигрировать на территорию Российской империи. Постепенно казахи заняли на Алтае различные территории, многие из них стали заниматься земледелием, оставили кочевой образ жизни. В тоже время большая доля казахского населения работала на заводах, способствовала развитию горной территории. Смешение разных этносов привело к формированию новых общих ценностей, установок [9,10]. Вместе с тем, многие

казахи Алтая старались проживать довольно компактно: в определенных локальных сообществах, сохраняя национальную историю и культуру [2,8,9]. Важной целью исследования становится изучение влияния института наследия на процессы сохранения этнической идентичности в городском и сельском пространствах, а также символическое измерение идентичности.

### **Материалы и методы исследования**

Весной 2024 г. учеными и сотрудниками Института истории и международных отношений Алтайского государственного университета были проведены полевые исследования на территории Алтая: в Алтайском крае (в г. Барнауле и в с. Кирей и п. Мирабилит), а также в Республике Алтай (в г. Горно-Алтайск и в с. Кош-Агач, с. Жана-аул). Данные территории были выбраны неслучайно, в них проживает высокая доля казахского населения. Экспедиции предполагали организацию социологических исследований среди местных жителей. Анкета исследования представляла собой 15 открытых вопросов. Всего было опрошено 180 человек, по 30 респондентов в каждом населенном пункте. Полученные данные были обработаны с помощью статистической программы обработки данных SPSS, а также с помощью методов SWOT и контент-анализов. Контент-анализ проводился с помощью компьютерной программы ATLAS.ti. На основе проведенных исследований были выявлены ключевые материальные и нематериальные объекты историко-культурного наследия казахов Алтая, а также важные индикаторы идентичности.

### **Результаты и обсуждение**

Как уже отмечалось, на территории Колывано-Воскресенского округа казахское население появилось еще в XVIII в. в результате различных миграционных процессов. Согласно воспоминаниям жителей с. Кирей кирей (так называли один из казахских родов) были вынуждены организовать погоню за староверами Сейтеновской (Сейтеновской) волости, угнавших табун лошадей, принадлежавший казахам. Вернуть лошадей удалось, однако возвращаться назад казахи

не стали: осели на тех местах, где остановились. Данное место и получило название с. Кирей [1]. Поселок Мирабилит был образован позже, в 60-е гг. XX в. Название сельской территории связано с природными объектами, с озером Малое Шкло, которое обладает довольно большими запасами глауберовой соли, т.е. мирабилита.

Село Кош-Агач, которое находится в Республике Алтай, появилось раньше в 1801 г. Название данной территории имеет несколько версий происхождения. Согласно первой, «Кош-Агач» буквально «пара деревьев»: рядом с селом в совершенно пустынной степи находились два дерева, которые были хорошими ориентирами. Есть и предположения, что село возникло среди леса, поскольку в XIX в. монголы называли его «Хашаа-Модон», т.е. «дворы среди лиственниц».

Из всех сельских населенных пунктов, рассматриваемых нами, с. Жана-Аул, самое молодое: оно было образовано в 1986 г. Собственно, на казахском языке данное название обозначает: «новое село».

Если говорить о городской среде, то здесь по различным воспоминаниям, как в г. Барнауле, так и в г. Горно-Алтайск, многие казахские семьи оказывались в разные временные промежутки.

### **Индикаторы идентичности: исторические нарративы**

Индикатор исторические нарративы предполагает выделение ключевых событий, связанных с этнической группой. Исторические процессы, которые «сохраняются в памяти» могут апеллировать к древности, к так называемому «золотому веку». При этом «богатое прошлое» всегда оказывает влияние на формирование таких аксиологических составляющих, как: «гордость», «радость», «уважение» и даже «любовь к месту». С другой стороны, коллективные травмы, сохраняющиеся в памяти поколений, также способствуют усилению интеграции внутри общества. Важно и то, что впоследствии исторические нарративы могут трансформироваться в другие практики политики идентичности: символические события, места памяти и др.

Если говорить об Алтайском крае, то можно отметить следующие особенности. Так, респонденты г. Барнаула в качестве ключе-



вых событий перечисляли такие исторические процессы, как: «индустриализация и коллективизация» (83%), «жизнь в ауле Капай» (прим. аул находился в г. Барнауле) (73%), «голод 1930-х гг.» (69%), «жизнь за 521 заводом, ближе к Оби» (56%), «строительство мусульманских мечетей в г. Барнауле» (53%) и др. Опрошенные с. Кирей среди важных процессов подчеркивали: «появление села в 1905 г.» (96%), а также «открытие школы в 1925 г., в которой обучали на казахском языке» (93%). Кроме того, среди ответов респондентов также были перечислены и общероссийские исторические события: «Гражданская война» (73%), «Великая отечественная война» (73%), «освоение целинных земель» (69%), «Новая экономическая политика» (33%), «перестройка» (29%) и т.д. Опрошенные п. Мирабилит к значимым процессам отнесли: «основание поселка в 1960-е гг.» (96%). Также была подчеркнута роль процессов «освоения целинных земель на Алтае» (59%), «распада Советского Союза» (36%).

Если же говорить о респондентах Республики Алтай, то можно увидеть как схожие, так и совершенно иные ответы. В городской среде, казахи г. Горно-Алтайска в качестве ключевых исторических процессов перечисляли такие события как: «процессы коллективизации» (83%) [14], «репрессии в 30-е гг.» (83%), «Великая Отечественная война» (69%), «открытие аэропорта в 2011 г.» (39%). В сельской среде, опрошенные с. Кош-Агач также отмечали события, связанные с процессами «переселения казахов в XIX-XX вв.» (96%), с «политическими репрессиями 30-х гг.» (86%), «индустриализацией, коллективизацией общества» (73%) и «Великой Отечественной войной» (69%). Из более новых событий часто упоминался «развал Советского Союза» (23%), а также «землетрясение 2003 г.» (69%). В с. Жана-аул, опрошенными были упомянуты аналогичные процессы: «переселение казахов» (73%), «политические репрессии 30-х гг.» (69%), «Великая Отечественная война» (49%), «распад Советского государства» (46%).

### **Индикаторы идентичности: национальный язык**

Одним из наиболее важных маркеров идентичности выступает национальный язык. При этом под «родным языком» понимается

язык этнокультурной общности, с которой себя ассоциирует человек. Вместе с тем данный язык не обязательно является «первым» в процессе изучения.

Исследование языковой картины казахов Алтай показало следующие результаты. Так, отвечая на такие вопросы, как: «Что для Вас значит казахский язык? Старайтесь ли вы говорить на казахском языке? Или чаще используйте русский язык?», казахи Алтайского края, а именно г. Барнаула подчеркивали, что «русский язык играет важную роль» (83%). Также опрошенные отмечали, что: мы (прим.) «фактически всегда говорим на русском», «даже со своим говорим на русском», «дети уже не знают казахского» и т.д.

Иная ситуация в сельской среде Алтайского края. Почти все респонденты с. Кирей подчеркивали, что «между собой общаются на казахском», «казахский язык является более предпочтительным, он родной» (96%). В отличие от данного села, казахи п. Мирабилит придерживались иных позиций. Среди ответов чаще встречались следующие варианты: «все говорят на русском языке» (86%), «и дома, и на работе используем русский», «казахский язык используем только в общении со своими родителями, со старшими поколением».

Если говорить о Республике Алтай, то также можно увидеть определенные сходства и отличия с Алтайским краем. Так, казахи г. Горно-Алтайск подчеркивали, что «в основном говорим на русском языке» (73%), «здесь туристы, надо знать русский», «на казахском общаемся дома» и т.д. С одной стороны, респонденты с. Кош-Агач также подчеркивали, что «все любят свой родной язык и стараются говорить на нем чаще», «если знаю человека, то могу говорить и на казахском языке», «стараюсь и дома говорить на казахском». В то же время отмечалась и иная тенденция: «сейчас для многих казахских семей стало проблемой незнание своих родных языков», «дети в основном все говорят на русском», «изучение родного языка дается с трудом, так как нет учебников и преподается он как факультатив», «хотелось бы, чтобы родной язык начинали внедрять еще с детского сада». Опрошенные с. Жана-аул в своих ответах подчеркивали, что «все казахи почитают родной язык» (100%), «все знают

и говорят на своем языке», «на русском говорим только с другими народами» и т.д.

### **Индикаторы идентичности: традиции и обычаи**

Большую роль при сохранении наследия оказывают переданные из поколения в поколение традиции и обычаи. Обычно в городском пространстве такие практики либо трансформируются, либо полностью утрачиваются. В сельской среде, как правило, традиции поколений сохраняются.

Если говорить о казахах Алтайского края, а именно о респондентах г. Барнаула то можно выделить следующие тенденции: с одной стороны опрошенные подчеркивают, что «традиции и обычаи довольно сложно соблюдать», «в городской среде их не сохранить» (83%). В то же время, отмечается и то, что сохранение основных практик передачи традиций, обычаев носит искусственно сформированный характер, поскольку подчеркивается, что «появление в 2004 г. центра казахской культуры «Ата-Мура, способствовало тому, что казахи города стали поддерживать обычаи и традиции своего народа» (69%).

В сельской среде края, респонденты с. Кирей в своих ответах наоборот отмечали, что «начиная с рождения и до самой старости мы соблюдаем все национальные традиции» (86%). Среди таких традиций были выделены: «обряд «Шілдеhana» для новорожденных», «обряд «Бесік тойы», укладывание ребенка в колыбель», «обряд «Тусау кесу», приуроченный к первым шагам ребенка», «обряд «Тіл ашар», проводы ребенка в школу» и др. По отношению к гостям важно «проведение обряда «Шашу», который предполагает осыпание конфетами для счастья и изобилия». Для жителей п. Мирабилит казахское гостеприимство также проявляется при проведении обряда «Шашу». Так, респонденты подчеркивали, что «обычно гостей осыпают сладостями и потом сытно кормят». Обычаями сопровождается и свадебная церемония, особенно важными элементами считаются такие процессы как: «обручение», «выплата калыма (прим. выкуп за невесту)», «широкие гуляния» и т.д.

Среди опрошенных г. Горно-Алтайска подчеркивалось, что

«все основные традиции сохранены и соблюдаются всегда» (73%), «рождение ребенка, свадьба, смерть человека все это проходит по казахским обычаям». В своих ответах респонденты с. Кош-Агач также отмечали то, «что касается проведения свадеб и похорон и во все обсуждается старейшинами на курултаях» (86%). Респонденты отмечали важность сохранения традиций, связанных с «рождением ребенка», «первыми шагами детей», «проводами ребенка в школу». Сохранились особые обычаи при «проводах в армию», «сватовство к невесте («сырга салу»)). Во многих свадьбах «остается обычай проведения «беташара», открывание лица невесты», «существует до сих пор «коржын», когда невесту сватают с дорожной сумкой, наполненной подарками для родственников».

Аналогичным образом в с. Жана-аул в ответах респондентов отмечена роль традиций, связанных с рождением ребенка: «обряд «Ат қою», наречение ребенка именем после прочтения азана (прим. обязательной молитвы в исламе)», «укладывание в колыбель» и др. Также обозначалась значимость «проведения свадьбы, приготовление приданного для дочери». В целом, респонденты указали, что «почитание старших, родственников» (69%), это важная для казахского общества, традиция.

### **Индикаторы идентичности: символические события**

Символические события, практики празднования, как способы выхода из рутинизированной повседневности довольно сильно влияют на идентичность общества. С одной стороны, различные праздники, фестивали, выставки, памятные даты, отражают специфику прошлого, с другой стороны направляют на выработку определенных эмоций, аксиологических аспектов. Если говорить о казахах г. Барнаула, то среди ответов респондентов можно увидеть такие праздники, как: «День казахской культуры» (69%) (прим. он проводится Домом народов Алтайского края), «Ураза-байрам» (69%) (прим. окончание поста в священный для мусульман месяц – Рамадан) и др. Жители с. Кирей в качестве ключевых праздничных практик называли именно региональные символические события, такие как: «Межрегиональный фестиваль национальных культур

«Перекрёсток культур» (89%), Малые краевые Дельфийские игры «Вместе лучше!» (83%). Для жителей п. Мирабилит наиболее значимыми оказались праздники всероссийского уровня: «Новый год» (83%), «Масленица» (59%), «День Победы» (43%).

Вместе с тем, для казахов Алтайского края празднование «Наурыза» (прим. праздник весны и изобилия, нового года) оказалось «наиболее важным национальным событием» (100%). В своих ответах респонденты указывали, что это «великий день», «один из самых древних праздников на земле».

Среди респондентов Республики Алтай в г. Горно-Алтайске, были выделены такие праздничные события, как «Чага-Байрам» (83%) (прим. алтайский новый год), «Эл-Ойын» (69%) (прим. праздник народных игр). Важно то, что данные символические события связаны с алтайским народом и не являются казахскими национальными мероприятиями. В с. Кош-Агач это «День пастуха (День животновода)» (86%), «День села «Ак-кайын» (73%). Кроме того, значим для респондентов села «праздник Чага-Байрам» (79%). Популярными являются «различные спортивные мероприятия», «спортивные игры» (66%). В с. Жана-Аул опрошенными были названы такие практики празднования как: «алтайский праздник «Эл-Ойын» (86%), подчеркивалась значимость праздника «Чага-Байрам» (73%).

Также как и в Алтайском крае, наиболее важной практикой празднования среди казахского населения Республики Алтай вновь оказался праздник «Наурыз» (100%).

### **Индикаторы идентичности: предметы быта**

Значимой составляющей предыдущего индикатора идентичности являются отдельные элементы традиции и обычаев, а именно конкретные материальные предметы. При этом данные предметы до сих пор важны в повседневной жизни, они становятся «живой памятью» отдельных этносов. Так, казахи г. Барнаула подчеркивали, что «предметы этнической культуры используют в основном дома», при этом если говорить об одежде, то «на улицу в национальном костюме не пойдешь» и т.д. В то время, как для жителей с. Кирей,

наоборот важным элементом идентичности прежде всего выступила «национальная одежда». Кроме того, значимыми символами дома являются такие материальные объекты как: «курак-корпе» (прим. одеяло из лоскутиков, которое стелется на пол для того, чтобы усадить гостей за стол), «сырмак» (прим. узорчатый войлочный казахский ковёр). Особую роль играет и «круглый традиционный стол, вокруг которого собираются гости», он всегда «накрывается скатертью – «дастарханом» (прим. дастрахан также можно понимать и как большой стол). Для жителей п. Мирабилит ключевыми символами быта по-прежнему продолжают выступать: «ковры», «сандык» (прим. сундук), «посуда с национальными орнаментом», а в одежде важную роль играет – «шапан» (прим. халат).

Среди казахов г. Горно-Алтайска, подчеркивалась важная роль такого символа, как «юрта», при этом респонденты указывали, что «юрты мы используем в туристических целях», «не живем, но украшаем ими пространство». Кроме того, при проведении различных застольных мероприятий также была подчеркнута роль «дастрахана». В с. Кош-Агач респонденты писали о том, что «девушкам на приданое обязательно готовят сундуки с резным казахским орнаментом», «сохраняем в домах казахские ковры: «тускииз», «сырмак», «текемет». Опрошенные также отмечали, что «некоторые животноводы летом продолжают устанавливать юрты». Аналогичным образом респонденты с. Жана-аул указывали на то, что «приданное», «вышитые ковры», «национальная одежда», все это до сих пор является важными элементами казахской культуры».

### **Индикаторы идентичности: гастрономическая культура**

Важным индикатором идентичности служит национальная пища, напитки. Особенности национальной кухни напрямую связаны с историческими процессами, касающимися отдельных народов. Пищевые привычки, процесс приготовления блюд и напитков, состав отдельных продуктов, все это свидетельствует о культурной принадлежности человека. Так, среди казахов г. Барнаула ключевым блюдом выступает «бешбармак» (96%), где главными ингредиентами являются мука и мясо. Старинная восточная пища в целом

распространена у многих тюркских народов. Для «городских казахов» характерно приготовление «кожи» (прим. суп), «коспы» (прим. пшеничная крупа с толчёным творогом). Если говорить о сельских казахах, то среди жителей с. Кирей также популярным считается «бешбармак» (100%). Также, из молока готовятся такие блюда как: «курт» (прим. кисломолочный продукт из сушеной сузьмы), «каймак» (прим. густые сливки). В п. Мирабилит употребляются и многие другие блюда, и напитки, которые можно отнести к казахской гастрономической культуре: «казы» (прим. колбаса из конины), «баурсак» (прим. мучное изделие), «кумыс» (прим. кисломолочный напиток) и др.

Респонденты Республики Алтай, а именно г. Горно-Алтайск аналогичным образом в качестве ключевой пищи выделяли в своих ответах «бешбармак» (100%), «кумыс» (86%). Опрошенные с. Кош-Агач писали о том, что «хозяйки до сих пор сохранили ручное отбивание масла». В качестве любимой пищи также были выделены: «баурсаки» (прим. мучное изделие в виде пончиков), «қоспа»; респонденты подчеркивали, что «это продолжают делать бабушки». В с. Жана-аул, кроме перечисленных блюд также была отмечена важность приготовления такого блюда, как «орама» (прим. завернутый рулет с мясом). Респонденты считают, что все блюда должны быть «сытными», «жирными», поскольку «такова природа кочевого народа».

### **Заключение**

Сохранение локальной истории и культуры положительно влияют на имидж Алтайского края и Республики Алтай. Важными индикаторами института историко-культурного наследия выступают следующие элементы, влияющие на процессы формирования идентичности: 1) исторические нарративы, 2) национальный язык, 3) традиции и обычаи, 4) символические события, 5) предметы быта, 6) гастрономическая культура и др. При этом значимость данных индикаторов отличается в рамках городского и сельского пространств.

Так, можно говорить о том, что для казахов как городской, так и сельской среды «двух Алтаев» важны исторические нарративы связанные и с национальной историей, и с общегосударственной. Кроме того, некоторые события, перечисленные респондентами, апеллируют к конкретным «коллективными травмами» (н-р: «го-лод», «политические репрессии»), что позволяет судить о процес-се конструирования идентичности с помощью таких практик, как: «образ врага», «тяжелое прошлое» [14, 17]. Безусловно, важными становятся и «положительные» исторические события, например, с помощью различных стратегий и практик политики идентичности, победа в Великой Отечественной войне стала одной из «социаль-ных рамок памяти», которая формируют общегражданскую иден-тичность [11]. Также есть исторические процессы, апеллирующие к конкретному «месту» (н-р: «жизнь в ауле Капай», «землетрясение в 2003 г.» и т.д.), что показывает формирование не только этниче-ской и общегражданской, но и локальной идентичностей. В целом же пространственные границы идентичности довольно подвижны.

Большую роль при формировании идентичности играет нацио-нальный язык. Изучая языковое пространство казахов Алтая, мож-но увидеть довольно противоречивую ситуацию. С одной стороны, казахи городских территорий демонстрируют «уважение к своему языку», но в то же время отмечают, что говорят только на русском языке, а более молодые поколения и не знают казахского. В сель-ском пространстве стараются сохранить «родной язык» и даже пытаются закрепить его в институтах образования (н-р, в школах), включить в общеобязательную программу.

Если говорить о национальных традициях и обычаях казахского народа, то можно отметить, что данные индикаторы формируются по-разному: если в сельской среде они имеют «естественное нача-ло» и передаются из поколения в поколение, то в городском про-странстве данные практики порой носят сконструированный харак-тер, поскольку создаются определенными институтами. При этом, большинство респондентов подчеркивает, что традиции и обычаи соблюдаются всегда (хотя бы в рамках своей социальной группы).



Изучая праздничные практики, можно сделать выводы о том, что казахи Алтая, с одной стороны, пытаются сохранить свою национальную культуру, но в то же время уважительно относятся как к региональным (н-р: «Межрегиональный фестиваль национальных культур «Перекрёсток культур», Малые краевые Дельфийские игры «Вместе лучше!» и др.), так и к государственным праздникам (Новый год, День Победы и т.д.). Кроме того, наблюдается феномен пересечения локальных идентичностей, так как в Алтайском крае есть влияние других этносов, проживающих на одной территории с казахами: русских, татар и т.д. В Республике Алтай заметно воздействие алтайской культуры на казахские праздничные мероприятия. Вместе с тем, такой праздник как Наурыз становится не только важной практикой празднования среди казахов Алтая, но и в целом выходит за свои пространственные границы, становится межрегиональным и даже всероссийским мероприятием.

Отмечается, что предметы быта чаще используются в сельской среде. Казахи подчеркивают, что в городском пространстве некоторые элементы материальной культуры использовать неуместно, да и вовсе нельзя поскольку формируется иная символическая среда. Для сельских населенных пунктов такие предметы, наоборот, дополняют практики проведения традиций и обычаев в сообществе, служат важными элементами идентичности.

Важным индикатором является гастрономическая культура. Многие национальные блюда и напитки казахи Алтая продолжают готовить, как в городском, так и в сельском пространствах.

В целом можно говорить о сохранении этнической идентичности среди казахов «двух Алтаев», которая в большей степени проявляется в сельской среде, нежели в городском пространстве. В то же время формируется локальная идентичность поскольку многие выявленные индикаторы полностью апеллируют к конкретной территории, символически связаны с «местом». Наблюдается «феномен пересечения локальных идентичностей», поскольку влияние других этносов (алтайцев, русских, татар и др.) проживающих на одном пространстве с казахами также присутствует.

Сохранение историко-культурного наследия возможно при наличии диалога общества с властными структурами. Комплексные программы политических институтов в виде различных стратегий и практик по сохранению национальной культуры эффективны, если учитывают, в том числе локальные, традиции народов.

### **Благодарности**

Статья подготовлена в рамках реализации Программы развития Алтайского государственного университета на 2021-2030 годы в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030», проект «Процессы конструирования идентичности в локальных сообществах макрорегиона «Большой Алтай»: роль историко-культурного наследия (на примере казахов Алтайского края и Республики Алтай)».

### *Список литературы*

1. Барина Н.Г. Этнокультурное развитие в селе Кирей // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. Ч.1: материалы международной научной конференции (Барнаул, 10 июня 2016 г.). Барнаул: Новый формат, 2016. 233 с.
2. Басин В.Я. Россия и Казахские ханства в XVI-XVIII вв. Алма-Ата: Наука, 1971. 275 с.
3. Вебер М. История хозяйства. Город. М.: Канон-Пресс-Ц. 2001. 576 с.
4. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Изд-во «Весь Мир». 2004. 120 с.
5. Дулина Н.В., Мансуров В.А., Пронина Е.И., Широкалова Г.С., Шкурин Д.В., Юрьев П.С. Народная культура в оценках российской студенческой молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т.8, № 3. С. 61-78.
6. Морозова Е.В., Мирошниченко И.В., Семененко И.С. Развитие местных сообществ: потенциал политики идентичности // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 56-77.
7. Национальный состав населения РФ согласно переписи населения 2021 г. Федеральная служба государственной статистики. URL:

- [https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5\\_Nacionalnyj\\_sostav\\_i\\_vladienie\\_yazykami](https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami) (дата обращения: 15.07.2024).
8. Октябрьская И.В. Казахи Алтая. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. 200 с.
  9. Сарсамбекова А.С. Национальные установки казахов Западной Сибири и Северного Казахстана // Омский научный вестник. 2008. № 1 (63). С. 27-29.
  10. Смирнягин Л.В. Трансформация общественного пространства России // Отечественные записки. 2007. № 1. С. 35-48.
  11. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство. 348 с.
  12. Харламов С.В., Харламова Н.Ф. Культурно-историческое наследие аграрных территорий как туристический ресурс Алтайского края // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. 2020. С. 41-44.
  13. Albrow M. The Global Age: State and Society Beyond Modernity. Stanford, CA: Stanford University Press, 1996. 246 p.
  14. Cameron S. The Hungry Steppe: Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2018. 292 p.
  15. Donahoe B. Reconstructing the house of culture: Community, self, and the makings of culture in Russia and beyond. N.Y.: Berghahn Books. 351 p.
  16. Rasa C. Cultural Heritage in the Global World. Vilnius: EHU, 2010. 298 p.
  17. Roberto J. Carmack. Kazakhstan in World War II Mobilization and Ethnicity in the Soviet Empire. Kansas: University Press of Kansas, 2019. 264 p.

### *References*

1. Barinova N.G. Ethnocultural development in the village of Kirey // *Social integration and development of ethnocultures in the Eurasian space. Part 1: materials of the international scientific conference* (Barnaul, June 10, 2016). Barnaul: Novyi Format, 2016, 233 p.
2. Basin V.Ya. *Russia and the Kazakh Khanates in the 16th-18th Centuries*. Alma-Ata: Nauka, 1971, 275 p.

3. Weber M. *History of the economy*. City. Moscow: Canon-Press-C, 2001, 576 p.
4. Giddens E. *The Elusive World: How Globalization is Changing Our Lives*. Moscow: Ves Mir Publ., 2004, 120 p.
5. Dulina N.V., Mansurov V.A., Pronina E.I., Shirokalova G.S., Shkurin D.V., Yuryev P.S. Folk culture in the assessments of Russian student youth. *Scientific result. Sociology and management*, 2022, vol. 8, no. 3, pp. 61-78.
6. Morozova E.V., Miroshnichenko I.V., Semenenko I.S. Development of local communities: the potential of identity politics. *Polis. Political studies*, 2020, no. 3, pp. 56-77.
7. Ethnic composition of the population of the Russian Federation according to the 2021 population census. Federal State Statistics Service. URL: [https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5\\_Nacionalnyj\\_sostav\\_i\\_vladienie\\_yazykami](https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami) (accessed 15.07.2024).
8. Oktyabrskaya I.V. *Kazakhs of Altai*. Novosibirsk: IAET SB RAS, 2019, 200 p.
9. Sarsambekova A.S. National attitudes of the Kazakhs of Western Siberia and Northern Kazakhstan. *Omsk Scientific Bulletin*, 2008, no. 1 (63), pp. 27-29.
10. Smirnyagin L.V. Transformation of the public space of Russia. *Otechestvennye zapiski*, 2007, no. 1, pp. 35-48.
11. Halbwachs M. *Social Framework of Memory*. Moscow: New Publishing House, 348 p.
12. Kharlamov S.V., Kharlamova N.F. Cultural and historical heritage of agrarian territories as a tourist resource of the Altai Territory. *Culture in the Eurasian space: traditions and innovations*, 2020, pp. 41-44.
13. Albrow M. *The Global Age: State and Society Beyond Modernity*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1996, 246 p.
14. Cameron S. *The Hungry Steppe: Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2018, 292 p.
15. Donahoe B. *Reconstructing the house of culture: Community, self, and the makings of culture in Russia and beyond*. N.Y.: Berghahn Books, 351 p.
16. Rasa C. *Cultural Heritage in the Global World*. Vilnius: EHU, 2010, 298 p.
17. Roberto J. Carmack. *Kazakhstan in World War II Mobilization and Ethnicity in the Soviet Empire*. Kansas: University Press of Kansas, 2019, 264 p.

**ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ**

**Дерендяева Анна Дмитриевна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений  
*Алтайский государственный университет*  
*пр. Ленина, 61, г. Барнаул, 656049, Российская Федерация*  
*derendyaewa@yandex.ru*

**Михалевская Дарья Андреевна**, старший специалист по учебно-методической работе  
*Алтайский государственный университет*  
*пр. Ленина, 61, г. Барнаул, 656049, Российская Федерация*  
*ms.mihalevskaya@mail.ru*

**DATA ABOUT THE AUTHORS**

**Anna D. Derendyaeva**, PhD in History, Associate Professor of the Department of General History and International Relations  
*Altai State University*  
*61, Lenin Ave., Barnaul, 656049, Russian Federation*  
*derendyaewa@yandex.ru*  
*SPIN-code: 7568-0073*  
*ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-4621-8974>*  
*ResearcherID: JRE-8492-2023*  
*Academia.edu: <https://asu-ru.academia.edu/АДерендяева>*

**Daria A. Mikhalevskaya**, Senior Specialist in Educational and Methodological Work  
*Altai State University*  
*61, Lenin Ave., Barnaul, 656049, Russian Federation*  
*ms.mihalevskaya@mail.ru*

Поступила 13.08.2024  
После рецензирования 20.08.2024  
Принята 28.08.2024

Received 13.08.2024  
Revised 20.08.2024  
Accepted 28.08.2024

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-418  
УДК 908



Научная статья | Отечественная история

## ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ДВОРЯНСКОГО СОСЛОВНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. – НАЧАЛА XX В.

*В.В. Казаченко*

**Обоснование.** Исторически сложилось, что дворянство в Российской империи было привилегированным сословием и опорой самодержавия. Модернизационные буржуазно – демократические реформы 1860-1870-х гг., оказали влияние на все сферы общества, в том числе и на дворянство, которое стремилось сохранить свое привилегированное положение, что не могло не отразиться на трансформации законодательных основ органов сословного самоуправления. В статье автор предполагает, что, несмотря на то, что самодержавие было заинтересовано в сохранении положения дворянства, оно вынуждено было вносить изменения в законодательство, регулирующее деятельность дворянского самоуправления. Законодательство Тульской губернии отражало всероссийские тренды, но имело некоторые особенности.

**Цель.** Выявление общего и особенного в формировании законодательных основ дворянского самоуправления Тульской губернии во второй половине XIX – начале XX вв., и их компетенций.

**Материалы и методы.** Главным методом исследования является историко-генетический и историко-сравнительный. Статья базируется на анализе законодательных актов XIX – начале XX вв. и материалов делопроизводства дворянских собраний.

**Результаты исследования.** Было установлено принципиальное сходство всероссийских законодательных основ и Тульской губернии.

*Дворянские собрания до Великих реформ были важными органами местного самоуправления, защищая политические и экономические интересы дворянства. После реформ 1860-1870-х гг. их полномочия сократились, ограничившись экономическими вопросами и ведением родословных книг, однако дворяне продолжали занимать ключевые должности в земском управлении до 1917 года. В Тульской губернии принципы деятельности дворянского самоуправления основывались на российском законодательстве. Особенностью изменений в законодательных основах тульского дворянства было то, что Собрание выступало против снижения имущественного ценза. Главными функциями Собрания в пореформенный период осталось ведение родословных книг, выдача свидетельств о дворянском состоянии, благотворительность и опека дворян, оставшихся без попечения. В пореформенный период дворянское самоуправление обладало значимыми компетенциями и необходимыми ресурсами для их поддержания.*

**Ключевые слова:** *Дворянское Собрание; сословное самоуправление; Тульская губерния; Предводитель дворянства; Великие реформы; Устав Тульского Дворянского собрания; родословные книги; выборы*

**Для цитирования.** *Казаченко В.В. Законодательные основы дворянского сословного самоуправления в Тульской губернии второй половины XIX в. – начала XX в. // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 3. С. 285-312. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-418*

Original article | National History

## LEGISLATIVE BASIS OF NOBLE ESTATE SELF-GOVERNMENT IN TULA PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY – BEGINNING OF THE XX CENTURY

*V.V. Kazachenko*

**Background.** *Historically, the nobility in the Russian Empire was a privileged class and the support of the autocracy. Modernization bour-*

*geois-democratic reforms of the 1860-1870s influenced all spheres of society, including the nobility, which sought to maintain its privileged position, which could not but affect the transformation of the legislative foundations of estate self-government bodies. In the article, the author suggests that, despite the fact that the autocracy was interested in maintaining the position of the nobility, it was forced to make changes to the legislation regulating the activities of noble self-government. The legislation of the Tula province reflected all-Russian trends, but had some features.*

**The purpose of the study** is to identify the general and specific features in the formation of the legislative foundations of noble self-government in the Tula province in the second half of the 19th - early 20th centuries, and their competencies.

**Materials and methods.** *The main research method is historical-genetic and historical-comparative. The article is based on the analysis of legislative acts of the 19th - early 20th centuries and office work materials of noble assemblies.*

**Research results.** *The fundamental similarity of the all-Russian legislative foundations and the Tula province was established. Before the Great Reforms, noble assemblies were important local government bodies, protecting the political and economic interests of the nobility. After the reforms of the 1860-1870s, their powers were reduced, limited to economic issues and maintaining genealogical books, but the nobles continued to occupy key positions in the zemstvo administration until 1917. In the Tula province, the principles of noble self-government were based on Russian legislation. The peculiarity of the changes in the legislative foundations of the Tula nobility was that the Assembly opposed the reduction of the property qualification. The main functions of the Assembly in the post-reform period remained the maintenance of genealogical books, the issuance of certificates of noble status, charity and guardianship of nobles who had cooled off without care. In the post-reform period, the noble self-government had significant competencies and the necessary resources to support them.*

**Keywords:** *Noble Assembly; class self-government; Tula province; Marshal of the nobility; Great reforms; Charter of the Tula Noble Assembly; genealogical books; elections*



***For citation.** Kazachenko V.V. Legislative Basis of Noble Estate Self-Government in Tula Province in the Second Half of the XIX Century – beginning of the XX Century. *Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues]*, 2024, vol. 16, no. 3, pp. 285-312. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-418*

## **Введение**

Во второй половине XIX века общество Российской империи переживало кардинальную перестройку во всех сферах, связанную с отменой крепостного права в 1861 году, что, в свою очередь, отразилось на статусе и роли дворянства. Произошедшие изменения обусловили необходимость адаптировать законодательство применительно к новым условиям. Поэтому были проведены реформы, которые изменили систему местного самоуправления, затронули основы дворянского самоуправления, которое пыталось адаптироваться к происходящим социально-экономическим переменам. Трансформационные процессы происходили во всех губерниях России. Однако на их реализацию влияли некоторые региональные особенности. Например, Тульская губерния была известна своими оружейными мануфактурами и ремеслами, находилась на стыке черноземных и не черноземных регионов страны. Этот фактор повлиял на характер проведения крестьянской реформы 1861 года в губернии и на деятельность органов местного самоуправления, исследование которых позволяет реконструировать целостную картину буржуазной трансформации российского общества.

В отечественной **историографии** по вопросу региональных особенностей реализации положений, Манифест об отмене крепостной зависимости от 19 февраля 1861 года, исследован достаточно подробно. Советские историки уделяли этому вопросу особое значение. Наиболее подробно процесс отмены крепостного права на всероссийском уровне исследовал профессор П.А. Зайончковский [10]. Ход реформы в Тульской губернии изучил советский историк В.И. Крутиков в монографии «Отмена крепостного права в Тульской губернии» [17].

Должного же исследовательского внимания, проблема деятельности органов дворянского самоуправления в отечественной историографии не получила. Дело в том, что дореволюционная историография, несмотря на то, что считала дворянство опорой самодержавия, уделяла внимание не изучению ее корпоративных органов, а исследованию родословия значимых фамилий, описанию их заслуги перед Отечеством [16].

Одним из первых, кто сделал предметом исследования историю дворянского сословия, были дореволюционные историки М.Т. Яблочков [35] и С. А. Корф [15]. М.Т. Яблочков был уроженцем Тульской губернии. Кроме исследования истории развития дворянского сословия России в целом, он собрал и опубликовал многотомный сборник «Дворянское сословие Тульской губернии»[8], в котором были собраны материалы по истории тульского дворянства. Они содержали родословные списки, краткие очерки истории формирования управления Тульской губернии, материалы работы дворянских съездов, включая речи губернаторов, сводные таблицы материального положения потомственного дворянства губернии, их благотворительная деятельность и так далее. Данное издание представляет собой, с одной стороны, попытку описать тульское дворянство, а с другой стороны - обширную источниковедческую базу.

Труд А. Корфа «Дворянство и его сословное управление за столетие 1762-1855 годов» [15] можно считать первой всесторонней попыткой проанализировать эволюцию дворянского самоуправления. На основании проведенного исследования историк утверждал, что дворянство не смогло в должной мере реализовать свободу самоорганизации, предоставленной Екатериной II. По мнению исследователя, в последующие царствования дворянство в силу своей невежественности пренебрегало выборными должностями. Правительство же установило опеку над институтами самоуправления, бюрократизировав их [15, с. 661]. После реформ 1860-1970-х гг., по мнению историка, общество необратимо превратилось в сословное, возникли соответствующие ему сословные органы управления. Роль дворянских собраний, по мнению С. А. Корфа, снизилась.

Однако дворяне заняли значимое место в земских учреждениях в роли чиновников, которые занимались вопросами образования, здравоохранения и других ключевых социальных аспектов [15, с. 664]. В целом, труд носит описательный характер.

В советский период истории при исследовании исторических процессов опирались на формационную теорию марксизма – ленинизма, согласно которой движущей силой истории являлся народ и классовая борьба. Поэтому проблема дворянского самоуправления не стала предметом исследования на этом этапе, так как данная тема не считалась актуальной. Только в 1979 году вышел основательный труд А.П. Корелина «Дворянство в пореформенной России: Дворянство в пореформенной России 1861-1904: состав, численность, корпоративная организация» [14]. Автор не только детально проанализировал численность и национальный состав российского дворянского общества, но и определил социально-экономический и политический статус дворянства, как доминирующий в системе общественно-государственного устройства.

Ценность работы заключается в том, что советский историк всесторонне проанализировал эволюцию принципов работы корпоративных дворянских органов, выявил их взаимосвязь с крестьянским, земским самоуправлением, определил роль предводителей дворянства в системе местного самоуправления. На основе проведенного исследования автор сделал вывод о роли дворянских органов самоуправления до и после реформ 1860-1870-х гг., а также факторов, оказавших влияние на их эволюцию. По мнению историка, в дореформенную эпоху «дворянская сословная организация дополняла и восполняла местный бюрократический аппарат самодержавия» [14, с. 231]. В пореформенный период, утверждает А.П. Корелин, трансформация дворянского самоуправления происходила под воздействием трех факторов. Во-первых, «стремления самодержавия к централизации и бюрократизации всего аппарата управления», во-вторых, отстаивания дворянского старого сословного принципа «...» комплектования органов власти» и, в – третьих, необходимостью адаптироваться к буржуазным условиям [14, с.

231-232]. Исследователь подчеркивал, что в условиях непоследовательности проводимых реформ в среде дворянства шли процессы социального расслоения. В деятельности собраний возникали разногласия, которые, тем не менее, не мешали некогда привилегированному сословию стремиться сохранить свои экономические и политические позиции [14, с. 288].

Таким образом, несмотря на то, что автор предпринял попытку всесторонне проанализировать эволюцию дворянского сословия в дореформенный и послереформенный период, акцент в исследовании был сделан на социально-экономические процессы. Из поля видимости историка выпали юридические аспекты основ деятельности дворянских органов самоуправления.

Изучение проблем корпоративных органов дворянства продолжился в постсоветский период. Исследователь дворянского самоуправления в Московской губернии В. С. Цветков [33] выделяет два направления в этой работе: «1) труды, посвященные истории сословия в целом; 2) труды о провинциальном дворянстве, его жизни и быте» [33, с. 10].

Особенностью отечественной постсоветской историографии, изучающей различные аспекты дворянского сословия в целом, является углубленное изучение юридических основ деятельности корпоративных органов самоуправления. Например, в 1996 году в Санкт-Петербурге прошел Второй научный семинар, посвященный обсуждению истории российских дворянских организаций и учреждений. Участники обсудили изменения в законодательстве Российской империи в послереформенный период в сфере регламентации деятельности сословных органов дворянства, становление в России научной генеалогии и так далее [12].

Исследование юридических основ деятельности дворянского сообщества продолжила А.З. Шаймарданова, которая подробно проанализировала эволюцию правового регулирования деятельности губернских дворянских собраний [34, с. 103-106]. Выводы исследователей во многом перекликались с утверждением советских историков, которые считали, что принципы деятельности этих орга-

нов вытекали из самодержавного характера политической системы Российской империи.

Появились исследования истории региональных дворянских собраний. Стоит упомянуть труды: Р.В. Федосеева, О.А. Баршова [31, с. 21-32], исследовавшие дворянские собрания во второй половине XIX в. - начале XX в. в среднем Поволжье; И. Н. Лещенко [18], проанализировавший положение потомственного дворянства в условиях пореформенной России, В. С. Цветкова [33], изучившего дворянское самоуправление Московской области; Т. Н. Литвинова [19], сосредоточившего внимание на изучение сословных учреждений дворян в Воронежской области.

Различные аспекты истории дворянских сообществ Тульской области также попали в фокус внимания современных исследователей. Например, Ю.В. Антонова проанализировала роль дворянства в благотворительной сфере [1, с. 127-135]. Т.А. Вепренцева изучила общественные организации интеллигенции Тульской губернии в 60-е годы XIX - начала XX веков [2, с. 91-98]. И. С. Семенов [29] в рамках исследования подготовки крестьянской реформы, обобщил существующие мнения дворянства Тульской губернии о ситуации, сложившейся после отмены крепостного права. Однако, работ, которые бы исследовали законодательные основы органов дворянского самоуправления в Тульской реформе второй половины XIX в. – начале XX в., практически нет.

В связи со всем вышеизложенным, **целью** данной статьи является выявление особенностей основ дворянского самоуправления Тульской губернии во второй половине XIX – начала XX вв.

### **Материалы и методы**

Исследование основано на основании **источников**, которые можно разделить на ряд групп: нормативно-правовые акты и документы дворянского самоуправления. К первой группе можно отнести «Жалованную грамоту дворянству» 1785 года [7], Высочайшие указы [3], Манифесты [24], Уставы [30] и нормативно-правовые документы, собранные в «Своде законов» Российской империи»

(тома IX и X) [25; 27; 28]. Указанные нормативно-правовые акты позволили проанализировать принципы организации сословного самоуправления, назначение сборов, ограничения в распоряжении финансами, учреждение дворянских опеки и обязанности опекунов. Ко второй группе относятся журналы дворянских собраний [6].

Методологические основы исследования опираются на принципы объективности и историзма. Научная объективность реализована через критический отбор, сопоставление и анализ источников. Принцип историзма обеспечил исследование процессов в историческом контексте, что позволило проанализировать формирование законодательных основ деятельности дворянской корпорации Тульской губернии с учетом влияния объективных и субъективных факторов. Были применены специальные методы исторического исследования, включая сравнительно-исторический метод для исследования процесса развития деятельности тульского дворянского самоуправления.

## **Результаты и обсуждения**

### **Законодательное оформление органов дворянского самоуправления, их функции и роль в политической системе Российской империи.**

Право объединяться во внутрисословные корпорации стало одной из привилегий дворян, которые были дарованы им Екатериной II. В 1766 году Екатерина II для разработки и упорядочивания законодательства приказала собрать Уложенную комиссию. Для этого она издала указ «Об учреждении в Москве комиссии для сочинения проекта нового Уложения, и о выборах в нее Депутатов» [22]. Согласно указу от каждого уезда с дворянством должен был быть направлен один депутат. Выборы депутатов предполагали созыв дворянской организации под председательством предводителя дворянства. Р.В. Федосеев уверен, что в ходе реализации указа был создан прообраз дворянской корпорации на уездном уровне, возглавляемой предводителем дворянства [32].

Исследователи истории юридического закрепления правового статуса дворянских организаций А. В. Ильин, О. М. Карамышев

утверждают, что первоначально предводители дворянства избирались на два года. Претендент на эту должность должен был владеть «деревней» в уезде и быть не моложе 30 лет. В 1771 г. императрица разрешила проводить выборы предводителей без специальных указов. В 1775 г. срок полномочий был продлен до 3 лет [11].

Законодательное оформление принципов работы дворянских органов самоуправления, их правовой статус произошло позже, в 1785 году в «Жалованной грамоте дворянству» [7]. Согласно этому документу, дворяне имели право собираться в той деревне, в которой имели вид на жительство с разрешения генерал-губернатора. Активным избирательным правом обладали мужчины не моложе 21 года, владельцы не менее одной деревни. Для того, чтобы баллотироваться на замещение выборных должностей требовалось иметь 100 рублей годового дохода с деревень. Беспоместный дворянин мог только присутствовать на собрании, без права голоса [7, с. 62-63].

Согласно «Жалованной грамоте...» дворянские собрания имели право иметь дом, архив, печать, секретаря, собственную казну [7, ст. 50-54]. Предводитель дворянства и депутаты обязаны были вести родословные книги [7, ст. 74, 75]. Целью дворянских собраний было сформировать условия для дворян, позволяющие обсуждать свои «нужды и пользы» и в случае необходимости выходить с предложениями и просьбами напрямую к местной и верховной власти [7, ст. 46, 47]. На дворянские собрания возлагалась обязанность осуществлять опеку над вдовами и сиротами, разрешение споров внутри дворянского сословия [7, ст. 59, 61].

В начале XIX в. вышло ряд царских указов, касающихся дворянского самоуправления. По мнению, М. В. Пальчиковой, их было достаточно много [23]. Чтобы «исправить и дополнить имевшиеся в них недостатки, а так же актуализировать правила проведения выборов, осуществляемых в дворянских собраниях» Николай I в 1831 году принял Манифест [24], который закрепил уточненные права дворян на участие в собраниях. Отныне собрания могли быть обыкновенными - для решения дел губернского дворянского общества, и чрезвычайными - для неотложных дел. Первые созывались раз в

три года губернатором, вторые - по мере необходимости губернским предводителем с разрешения губернатора. Согласно документу, в Собрании имели право участвовать потомственные дворяне, «честные и не укоризненного поведения» [24], соответствующие ряду критериев:

- достигнуть двадцатиоднолетнего возраста;
- иметь собственность на территории губернии и быть включенным в родословные книги;
- иметь чин не ниже 14 класса, полученный на действительной службе, или прослужить 3 года по выборам дворянства;
- иметь доказательства увольнения с последнего места службы [24].

Потомственные дворяне, которые не соответствовали этим критериям, могли участвовать в Собрании, но право голоса не имели. Важным новым изменением положения 1831 года было то, что избирательное право обуславливалось достаточно высоким имущественным цензом. Правом лично избирать наделялся дворянин, который имел не менее 100 крепостных мужского пола и 3 000 десятин в одной губернии [24]. Дворяне, не владевшие большим количеством имений, но имевшие по 5 душ в губернии или 150 десятин земли, могли избирать через уполномоченных, выбираемых из своей среды [24]. Приведённые факты доказывают, что все потомственные дворяне могли участвовать в собрании лично, или через своих уполномоченных.

Важным является то, что в Манифесте было подтверждено, что основным назначением дворянских собраний было проведение совещаний о своих нуждах и пользах, а также назначение «достойнейших» чиновников на судебные и административные должности.

В отечественной историографии сложилось устойчивое мнение, что Дворянские собрания в первой половине XIX в. играли значимую роль в политической самоорганизации дворян. Например, Б.Н. Миронов считал, что собрания, одной стороны, ограничивали произвол царской администрации по отношению к этому сословию, а с другой стороны, доводили до правительства свою точку зрения [20].

Примером такой активности дворянского собрания можно считать съезд Губернского дворянского собрания, который проходил с



10 по 14 декабря 1861 года в Туле. И. С. Семенов подробно исследовал работу этого мероприятия и пришел к выводу, что тульское дворянство активно участвовало в разработке и реализации реформ второй половины XIX века. Это доказывает количество депутатов, принявших участия в работе съезда. По данным исследователя, из более чем пятисот тульских дворян, участвовавших в съезде, 465 имели право голосовать. Свое мнение высказали дворяне, занимавшие различный социальный статус внутри сословия: граф Василий Алексеевич Бобринский, Алексинский помещик Г. Н. Новосельский, дворянин П. А. Чижов. Было сформировано консолидированное мнение, за которое положительно проголосовало 377 депутатов [29, с. 165-170].

Таким образом, можно утверждать, что дворянские собрания сформировались как органы местного самоуправления и вплоть до Великих реформ, играли важную роль в самоорганизации этого сословия, защищая политические и экономические интересы дворян.

Изменения в законодательных основах дворянских собраний, введенных после отмены Крепостного права

После Крестьянской реформы 1861 г. правительство продолжило модернизационные реформы, стремясь привести законодательство в соответствии с новыми реалиями. В 1864 году было принято «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» [3, с. 1-10], которое было призвано сформировать всесословные органы местного самоуправления. Дворянство, входившие в курию землевладельцев, должно было выбирать своих представителей на съезде уездных землевладельцев [3, ст. 23].

Дворянские собрания продолжали существовать, но в законодательство, регулирующее их деятельность были также внесены изменения. В 1865 г. Александр II обеспечил деятельность дворянского собрания хозяйственными вопросами. В январе этого года величайшем рескрипте на имя министра внутренних дел П. А. Валуева было заявлено, что ни одно сословие не вправе говорить именем других сословий и инициировать вопросы, решение которых принадлежит верховной власти [26, д. 92]. На основании этого в

издании 1876 года 135 и 112 статьи были заменены 142 статьёй, по которой дворянство не должно обсуждать вопросы, не относящиеся к его прямым обязанностям, и касаться изменений в основных государственных учреждениях России [28].

Были изменены критерии, по которым определялись избирательные права дворян. Если ранее право лично избираться на должности определялось количеством земли и наличием во владении крепостных душ, то после отмены крепостного права правительство искало новые параметры, определяющие активные и пассивные избирательные права. Исчисление ценза было переведено в зависимость от стоимости недвижимости. Например, Закону от 1870 года правом лично избираться на должности приобретали дворяне, имеющие в уезде земли на правах собственности (в среднем около 200 десятин), а также иной недвижимости на сумму ценой не ниже 15 т. рублей, или иметь государственную пенсию в размере не менее 900 рублей в год [27, с. 231].

Круг полномочий Дворянского собрания в последней трети XIX в. пересматривался. Дворянское собрание пользовалось правом налогообложения дворян на условиях добровольности и обязательности. До реформ облагалась только земля, с 1870-х гг. – также городские дома и другое недвижимое имущество. Капиталы дворянских обществ пополнялись за счет пожертвований и вкладов по завещаниям [13, с. 65].

Шаймарданова А.З. утверждает, что дворянские собрания долго добивались права перехода в их собственность вымороченного дворянского имущества. В 1902 году правительство удовлетворило это требование. Дворянское собрание имело право исключать бывших под судом своих членов, подтверждало дворянское состояние, разбирая доказательства приобретения дворянства и внесение в родословную книгу. Дворянские собрания сами устанавливали размер вступительного взноса, уплачиваемого при внесении в родословную книгу. Однако максимальный его размер регулировало правительство. В 1895 году он был установлен в размере 200 рублей [34, с. 103-106].

Расширилась роль предводителей дворянства, которые входили в новые органы и комиссии, причем данных институтов было так много, что вместо уездного предводителя на них часто присутствовали их доверенные лица. По мнению Гарбуз Г.В., к началу XX века уездный предводитель дворянства сосредоточил в своих руках властные полномочия трёх типов: сословные, всесословные и государственные. Губернские и уездные предводители после реформ управления занимали места в земских органах власти [4].

Таким образом, после Великих реформ 1860-1870-х гг. Дворянские собрания продолжали выполнять роль органов самоуправления дворянства. Упразднить их самодержавие не решилось, так как рассматривало это сословие в качестве своей опоры. При этом произошедшие изменения можно охарактеризовать как двойственные. С одной стороны, полномочия дворянских собраний сократились, имущественный ценз, необходимый для выборов, уменьшился, а с другой, дворяне продолжали занимать ключевые должности в земском управлении. Сложившаяся система в основном просуществовала вплоть до падения Империи в 1917 году. Аналогичные процессы происходили и в Тульской губернии.

#### Законодательные основы Тульского дворянского собрания

История возникновения собрания тульского дворянства, по данным М. Т. Яблочкова, восходит к середине XVIIIв., когда Екатерина II в 1766 г. повелела от каждого уезда избрать по одному предводителю, который бы участвовал в работе Уложенной Комиссии. Предводитель должен был составить списки дворянских родов, владевших в уезде имуществом и прислать их Губернскому Предводителю. По утверждению М. Т. Яблочкова, эти списки стали основой для родословной книги, которую необходимо было вести в соответствии с «Жалованной грамотой дворянству» 1785 года. Историк свидетельствует, что в Туле эту книгу начали вести с 1791 года, при этом разделяя ее на шесть частей. В первую часть входило дворянство, возведенное в достоинство «Высочайшей Властью помимо службы». Вторая – это военное дворянство. Третья часть – это дворянство получившее восьмой чин на гражданской службе.

Четвертая часть – это иностранное дворянство. Пятая часть – это дворянство с отличительными титулами князей, графов и так далее. В шестую часть отнесли древние роды, имеющие дворянское достоинство более ста лет [8, с. 80].

В сборнике М. Т. Яблочкова в первом томе есть сводная таблица о формировании дворянского сословия Тульской губернии. В 1791 году из 379 дворянских семей 288 были отнесены к шестому разряду, что, по мнению М. Т. Яблочкова, является доказательством древности дворянского общества Тулы. По ее данным, в 1897 году в губернии насчитывалось уже 2332 дворянских родов [8, с. 82].

В губернии размещались имения самых богатых землевладельцев России: Апраксиных, Давыдовых, Долгоруковых, Измайловых, Колычевых, Алексея Петровича Мелыунова, Кирилла Григорьевича Разумовского, Хитрово, Шепелевых, Шереметевых и других [9, с. 223]. В списках М. Т. Яблочкова [8, с. 12-65] мы можем найти фамилии, которые играли значимую роль в государственном управлении Российской империи. Например, Лёвшин Алексей Ираклиевич, Мясоедов Николай Александрович, Левашов Владимир Александрович, Кривцов Алексей Николаевич входили в Правительствующий сенат. Бобринский Алексей Павлович, правнук Екатерины II и Григория Григорьевича Орлова, был министром путей сообщения в 1871-1874 гг. Шварц Александр Николаевич в 1908-1910 гг. - министром народного просвещения.

Д.В. Нехаева на основе обширных источников, которые включали в себя нормативно-правовые материалы, справочные и статистические издания, источники личного происхождения составила средне-статистический портрет тульского дворянина. По мнению историка, это «дворянин, получивший высшее образование, поступивший на службу сразу после университета в возрасте 21 года и служивший около 40 лет, до старости, в центральных органах государственной власти, бывавший за границей и занимавшийся политической и общественной деятельностью в Российской империи» [21].

На основании приведённых данных можно предположить, что для тульского дворянства органы местного самоуправления играли

важную роль. Стоит отметить также, что существует мнение о том, что провинциальное дворянство в принципе неактивно участвовало в дворянских собраниях, не пользовалось своим избирательным правом [14].

Так или иначе, в Туле выборы в дворянское собрание проводились регулярно. По данным М. Т. Яблочкова, в начале XIX в. по окончании работы очередного трехлетнего собрания в Туле 9 сентября 1801 года был издан высочайший указ о возобновлении выборов на следующее трехлетие. В своей деятельности Региональные дворянские собрания имели свои уставы, которые опирались на имперские своды законов. М. Т. Яблочков утверждает, что Тульское губернское депутатское собрание состояло из губернского предводителя дворянства и депутатов, избираемых по одному от каждого уезда. Превосходительству губернатору требовалось представить «меморию», а Губернскому Предводителю организовать съезд, оповестив уездных предводителей, а также уведомить о предстоящем съезде Суд, Городничих. Время Дворянских собраний назначало Губернское Правление, после чего от имени Губернатора и губернаторского предводителя рассылало дворянам приглашение прибыть к указанной дате в город Тулу. Губернскому собранию предшествовали: съезд депутатов для ревизии отчета о дворянской казне и предварительное собрание предводителей дворянства, которое рассматривало списки дворян и отзывы лиц, которые не могли явиться на выборы.

Уездные предводителя должны были составить списки делегатов Собрания с указанием чина, стажа службы, семейного положения, годового дохода и сведений о внесении в родословную книгу. Собрание открывалось губернатором, после чего все присутствующие приводились к присяге. Собрания, согласно «Жалованной грамоте...», проводились зимой. В Туле эти мероприятия проводились в декабре за исключением 1879 года, когда Собрание было перенесено из-за спора Предводителя дворянства П.О. Самарина и губернатора о трактовке 238 статьи Свода Законов редакции 1876 года, руководствуясь которой губернатор не утвердил некоторых

избранных чиновников. П.О. Самарин написал ходатайство на имя Императора с просьбой отменить право губернатора не утверждать уездных Предводителей. Прошение было удовлетворено 11 февраля 1880 г., после чего 12 февраля Собрание было открыто [8, с. 133].

Возвращаясь к дискуссии об активности тульского дворянства в деятельности органов местного самоуправления, стоит отметить, что случай конфликта П.О. Самарина и губернатора скорее говорит об активной позиции тульского дворянства.

В Тульской губернии также действовал «Устав Тульского дворянства», утвержденный 18 января 1874 года [30]. Он состоит из девяти глав и 211 статей. В ключевых моментах положения указанного Устава опираются на нормы Закона о состоянии Российской империи. Согласно Уставу Собрание подчинялось Сенату по департаменту герольдики и подлежало надзору губернатора, который утверждал выборных лиц [5].

Важную роль играли предводители Дворянства, согласно Уставу, это была избранная должность. На Предводителе дворянства лежала обязанность хранить дворянскую казну, охрана благоустройства и порядка, «попечение о пользе дворян». Уездные предводители не состояли в прямом подчинении у губернатора и могли действовать в рамках своих полномочий. В обязанность уездного предводителя также входило замещение должности губернского Предводителя до утверждения в ней Императором одной из двух представленных кандидатур [5].

Собрание, согласно Уставу, обязано было вести формулярные списки служащих по выборам дворянства и участвовало в распоряжениях о наложении опеки на имении дворян за расточительство или отход от православия. Главное же назначение Собрания заключалось в ведении родословных книг и выдаче дворянам свидетельств о дворянском состоянии [5]. Многочисленные протоколы заседаний Собрания, сохранившихся в Тульском архиве, говорят о том, что действительно на них разбирали дела о подтверждении дворянского состояния и выдачи об этом свидетельств [6, Д. 226].

М. Т. Яблочков указывает, что право участвовать в Собрании дворян Тульской губернии определялось Манифестом от 06.12.1831,

согласно которому имущественный ценз, установленный за право участия в Собрании, как уже отмечалось выше, равнялся владением 100 душ, 150 десятин земли. После 1861 года число душ было заменено количеством наделов, которые получили крестьяне. М. Т. Яблочков утверждает, что в результате многие тульские дворяне, которые имели право голоса, потеряли его, так как имели крестьян, которые были освобождены, без наделов. Поэтому в 1864 году Собрание обратилось с ходатайством о том, чтобы ценз рассчитывался по-старому. После того, как были введены земские учреждения, ценз стали считать в десятинах земли. Для Тульской губернии для всех уездов был установлен ценз в 200 десятин [8, с. 153].

В дальнейшем, согласно Положению о губернских и уездных земских учреждениях от 1890 г. [25, с. 495-511] ценз в ряде уездов губернии был снижен. Например, в Веневском и Одоевском уезде ценз установили в размере 175 десятин; в ряде других еще меньше. Тульское Дворянское Собрание не согласилось с этим и ходатайствовало о том, чтобы в губернии ценз остался прежним. В 1894 году дворянин Веневского уезда подал жалобу правительственному Сенату на то, что он не был допущен в участие Собрания на основании того, что обладал 181 десятинами. Сенат удовлетворил жалобу и в 1896 году призвал Собрание закрепить снижение ценза постановлением Собрания. 13 декабря 1897 года в Туле прошло Собрание, которое уменьшило ценз [8, с. 152].

Согласно Уставу Тульского дворянства Собрание имело печать, казну, которая формировалась из взносов ее членов. Каждый действующий ее член обязан был ежегодно вносить в кассу собрания 12 рублей, из которых 2 рубля шли на нужды Библиотеки [30]. Стоит отметить, что размер взносов определялся двумя третями голосов Собрания, после чего они становились обязательными для всех [8, с. 62].

Таким образом, можно сделать вывод, что юридические принципы деятельности дворянского самоуправления Тульской губернии в целом основывались на своде российского законодательства о состояниях, а уставные документы тульского дворянства в принципиальных моментах дублировали всероссийские положения. Осо-

бенность заключалась в подходе и определении ценза, позволяющего участвовать в деятельности Собрания. Как отмечалось выше, Тульские дворяне были против его снижения.

### **Заключение**

Подводя итоги, можно сделать вывод, что Дворянские собрания сформировались как органы местного самоуправления и до Великих реформ играли важную роль в самоорганизации дворянства, защищая их политические и экономические интересы.

После реформ 1860-1870-х гг. собрания продолжали выполнять функции самоуправления, но их полномочия сократились, ограничились экономическими вопросами дворянства и ведением родословных книг. Тем не менее дворяне продолжали занимать ключевые должности в земском управлении. Такая система существовала до 1917 года.

В Тульской губернии принципы деятельности дворянского самоуправления основывались на российском законодательстве, основные положения Уставов повторяли ключевые положения сводов закона о состоянии. Отличительной особенностью изменения в самоуправлении тульского дворянского сообщества в пореформенный период было то, что его Собрание было против снижения имущественного ценза. В целом, дворянское самоуправление обладало хоть и ограниченными, но вполне значимыми компетенциями, так как оно обладало и необходимыми для поддержания этих функций ресурсами.

### ***Список литературы***

1. Антонова Ю.В. Благотворительность в сфере образования в Тульской губернии на рубеже XIX – XX вв. (к истории вопроса) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. № 4. С. 127-135.
2. Вепренцева Т.А. Легальные общественные организации интеллигенции Тульской губернии в 60-е годы XIX - начала XX веков // Интеллигенция и мир. 2003. № 3. С. 91-98.



3. Высочайше утвержденное Положение о губернских и уездных земских учреждениях. 1 января 1864 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание. Отд. I. Т. 39. № 40457. С. 1–10.
4. Гарбуз Г. В. Уездный предводитель дворянства в системе местного государственного управления в начале XX века [Электронный ресурс] // Наука. Общество. Государство. 2017. Т. 5, № 3 (19). URL: [https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/garbuz\\_gv\\_17\\_3\\_01.pdf](https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/garbuz_gv_17_3_01.pdf) (дата обращения: 29.08.2024).
5. Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. 39. Оп. 1. Предисловие
6. Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. 39. Оп. 1. Дело 226.
7. Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства // Российское законодательство X-XX вв. Т. 5. М., 1987. [Электронный ресурс]. URL: [http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/dv\\_gram.htm](http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/dv_gram.htm) (дата обращения: 25.08.2024).
8. Дворянское сословие Тульской губернии. Тула: Тип. Губ. Правления, 1899-1916. - Сост. Т. 1-3, 5. Ч. 1, 7-9 -М. Т. Яблочков; Т. 6 В. С. Арсеньев; Т 1 (10) - Т 13 (22) В. И. Чернопятов. Место изд. Т. 1, Ч. 2, Т. 3, Т. 1 (10) - Т. 13 (22) -Москва. Т. 1. [Ч. 1] / сост. М. Т. Яблочков. 1899. 2, IV, 7-267 с.
9. Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века: [сборник статей / ред. О. Глаголева, И. Ширле]. Москва: Новое литературное обозрение, 2012. 652 с.
10. Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. 3-е изд., доп. и перераб. Москва: Просвещение, 1968. 368 с.
11. Ильин А. В., Карамышев О. М. Юридические основания сословных корпораций дворянства в великорусских губерниях Российской Империи // История российских дворянских организаций и учреждений, их сегодняшнее состояние и перспективы развития. Материалы к Второму научному семинару. Санкт-Петербург [Электронный ресурс]. Санкт-Петербургское Дворянское Собрание. 1996. URL: <https://pomnirod.ru/materialy-k-statyam/vsya-rossiya/14927/istoriya-rossijskih-dvoryanskih-organizacij-i-uchrezhdenij-ih-segodnyashnee-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya.html> (дата обращения: 25.08.2024).

12. История российских дворянских организаций и учреждений, их сегодняшнее состояние и перспективы развития: Материалы к Второму научному семинару. Санкт-Петербург [Электронный ресурс]. Санкт-Петербургское Дворянское Собрание. 1996. URL: <https://pomnirod.ru/materialy-k-statyam/vsya-rossiya/14927/istoriya-rossijskih-dvoryanskih-organizacij-i-uchrezhdenij-ih-segodnyashnee-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya.html> (дата обращения: 25.08.2024).
13. Канторович Я.А. Законы о состояниях (Св. зак. т. IX, изд. 1899 г., с доп. узаконениями по 1-е июля 1901 г.) с разъяснениями, извлеченными из: Кодификационной объяснительной записки к Законам о состояниях, изд. 1899 г., указов 1-го Департамента Правительствующего сената [и др.]. Неофиц. изд. Санкт-Петербург: 1901. XXII, 792, 109 с.
14. Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России: Дворянство в пореформенной России тысяча восемьсот шестьдесят первый -1904 гг.: 1861-1904: состав, численность, корпоративная организация. Академия наук СССР, Институт истории СССР. Москва: Издательство Наука, 1979. 304 с.
15. Корф С. А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762-1855 годов / Бар. С.А. Корф. Санкт-Петербург: тип. Тренке и Фюсно, 1906. VIII, 720 с.
16. Коцебу А.Ф. Фон. О дворянстве, его происхождении, распространении и неодинаковом введении между всеми почти народами земного шара; С кратким упоминанием его истребления во Франции и других от нея зависящих землях / Сочинение президента фон Коцебу, изданное на немецком в 1792 г. Москва: В типографии Христоф. Клаудия, иждивением его, 1804. X. 251с.
17. Крутиков В.И. Отмена крепостного права в Тульской губернии/ Общ. ред. д-ра ист. наук проф. П. А. Зайончковского. Тула: Кн. изд-во, 1956. 124 с.
18. Лещенко И. Н. Потомственное дворянство в условиях пореформенной России: на материалах Тверской губернии: автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Лещенко Инна Николаевна; [Место защиты: Гос. ун-т упр.]. Москва, 2007. 25 с.

19. Литвинова Т. Н. Дворянские сословные учреждения Воронежской губернии в последней четверти XVIII - первой четверти XIX вв. Воронеж, 2010.
20. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.): Генезис личности, демократ. семьи, гражд. о-ва и правового государства: В 2 т. / Б.Н. Миронов. 3. изд., испр. и доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1.
21. Нехаева Д.В. Дворянство Тульской губернии на государственной службе во второй половине XIX в. з- начале XX в.:Просопографический анализ [Электронный ресурс] // История. Историки. Источники. 2019. № 4. URL: [history2014.esrae.ru/ru/25-239](http://history2014.esrae.ru/ru/25-239) (дата обращения: 29.08.2024).
22. Об учреждении в Москве комиссии для сочинения проекта нового Уложения, и о выборах в нее Депутатов: указ от 14.12.1766 г. // ПСЗ-И. Т. XVII. № 12801.
23. Пальчикова М. В. Права дворян на участие в дворянских собраниях по положению 1831 года [Электронный ресурс] // Мир науки и образования. 2017. № 3(11). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prava-dvoryan-na-uchastie-v-dvoryanskih-sobraniyah-po-polozheniyu-1831-goda/viewer> (дата обращения: 25.08.2024).
24. Положение о порядке дворянских собраний, выборов и службы по оным: [Утв. 6 дек. 1831 г. Санкт-Петербург , 183-?]. 61 с. Россия. / Законы и постановления [Электронный ресурс] // Президентская библиотека. Проект положения о порядке дворянских собраний, выборов и службы по оным. С. 247-273. URL: <https://www.prlib.ru/item/439632> (дата обращения: 25.08.2024). Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1890 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. 10. Отделение 1. № 6927. С. 495-511.
25. Рескрипты Александра II и отношения министра внутренних дел Петербургскому и Виленскому генерал-губернаторам о подготовке крестьянской реформы с сопроводительным письмом министра П.А. Валуеву [Электронный ресурс] // Президентская библиотека. РГИА. Архив графа Петра Александровича Валуева. Дело 92. URL: <https://www.prlib.ru/item/987732?mode=full> (дата обращения: 25.08.2024).

26. Россия. Законы и постановления. Высочайше утвержденное 16-го июня 1870 года городовое положение с объяснениями = Городовое положение с объяснениями. Санкт-Петербург: Хоз. деп. М. В. Д., 1870. 241 с.
27. Россия. Законы и постановления. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1830-1885. Т. 55.
28. Семенов И. С. «Мнения» дворянства Тульской губернии о ситуации, сложившейся после отмены крепостного права [Электронный ресурс] // Сборник материалов IX Региональной научно-практической конференции аспирантов, соискателей, молодых ученых и магистрантов. Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого. 2013. С. 165-170. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23383737> (дата обращения: 25.08.2024).
29. Устав Тульского дворянского собрания. Тула: Типография Влад. Ник. Соколова в Туле, 1904. 59 с. [Электронный ресурс] // Президентская библиотека. URL: <https://www.prlib.ru/item/987732?mode=full> (дата обращения: 25.08.2024).
30. Федосеев Р.В., Баршова О.А. Дворянские собрания в среднем Поволжье во второй половине XIX в. - начале XX в.: компетенция, состав, порядок участия // *Oriental Studies*. 2017. № 5. С. 21-32.
31. Федосеев Р.В. Законодательное закрепление института предводителей дворянства во второй половине XVIII – начала XIX века [Электронный ресурс] // *Российский хороший журнал*. 2019. № 1. URL: <https://snpractice.ru/?p=740> (дата обращения: 25.08.2024).
32. Цветков В. С. Дворянское самоуправление России во второй половине XIX - начале XX в.: по материалам Московского дворянского собрания: автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Цветков Владимир Сергеевич; [Место защиты: Моск. гос. обл. ун-т]. Москва, 2012. 22 с.
33. Шаймарданова А.З. Правовое регулирование деятельности губернских дворянских собраний // *Вестник Российского университета кооперации*. 2012. № 3. С. 103-106.
34. Яблочков М. Т.. История дворянского сословия в России / соч. Михаила Яблочкова. СПб.: тип. А. М. Котомина, 1876. -XL, 680 с.

---

---

### References

1. Antonova Y.V. Charity in the field of education in Tula province at the turn of XIX - XX centuries (to the history of the issue). *Scientific Result. Social and humanitarian researches*, 2022, no. 4, pp. 127-135.
2. Veprentseva T.A. Legal public organizations of intellectuals of Tula province in the 60s of the XIX - early XX centuries. *Intellectuals and the World*, 2003, no. 3, pp. 91-98.
3. Highest approved Regulations on provincial and district zemstvo institutions. January 1, 1864. *Full Collection of Laws of the Russian Empire*. Sobranie. Otd. I. Vol. 39. № 40457, pp. 1-10.
4. Garbuz G. V. District marshal of the nobility in the system of local government in the early twentieth century. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*, 2017, vol. 5, no. 3 (19). URL: [https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/garbuz\\_gv\\_17\\_3\\_01.pdf](https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/garbuz_gv_17_3_01.pdf) (accessed 29.08.2024).
5. State archive of the Tula region (GATO). Ф. 39. Op. 1. Preface.
6. State Archive of the Tula Region (GATO). Ф. 39. Op. 1. Case 226.
7. Diploma on the rights, liberties and advantages of the noble Russian nobility. *Russian Legislation X-XX centuries*. Vol. 5. M., 1987. URL: [http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/dv\\_gram.htm](http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/dv_gram.htm) (accessed 25.08.2024).
8. *Nobility of the nobility of the Tula province*. Tula: Tip. Gub. Board, 1899-1916. Vol. 1-3, 5. Part 1, 7-9 -M. T. Yablochkov; Vol. 6 B. S. Arseniev; V 1 (10) - V 13 (22) V. I. Chernopyatov. Place of ed. V. 1, Part 2, Vol. 3, V 1 (10) - V. 13 (22) -Moscow. V. 1. [Part 1] / comp. M. T. Yablochkov. 1899. 2, IV, 7-267 p.
9. *Nobility, power and society in provincial Russia of the XVIII century*: [collection of articles / ed. O. Glagoleva, I. Shirle]. Moscow: New Literary Review, 2012, 652 p.
10. Zayonchkovsky P.A. *Abolition of serfdom in Russia*. Moscow: Prosveshchenie, 1968, 368 p.
11. Ilyin A. V. V., Karamyshev O. M. Legal bases of class corporations of the nobility in the Great Russian provinces of the Russian Empire. *History of Russian noble organizations and institutions, their*

- current state and prospects for development. Materials for the Second Scientific Seminar. St. Petersburg [Electronic resource]. St. Petersburg Nobility Assembly. 1996. URL: <https://pomnirod.ru/materialy-k-statyam/vsya-rossiya/14927/istoriya-rossijskih-dvoryanskih-organizacij-i-uchrezhdenij-ih-segodnyashnee-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya.html> (accessed 25.08.2024).*
12. *History of Russian noble organizations and institutions, their current state and prospects of development.* "Materials for the Second Scientific Seminar. St. Petersburg. St. Petersburg Nobility Assembly. 1996. URL: <https://pomnirod.ru/materialy-k-statyam/vsya-rossiya/14927/istoriya-rossijskih-dvoryanskih-organizacij-i-uchrezhdenij-ih-segodnyashnee-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya.html> (accessed 25.08.2024).
  13. Kantorovich Ya.A. Laws on states (St. zak. t. IX, ed. 1899, with additional decrees to July 1, 1901) with explanations extracted from: Codification explanatory note to the Laws on states, ed. 1899, decrees of the 1st Department of the Governing Senate [and others]. Unofficial ed. St. Petersburg: 1901. XXII, 792, 109 p.
  14. Korelin A.P. *The nobility in post-reform Russia: The nobility in post-reform Russia 1861-1904: 1861-1904: composition, number, corporate organization.* Academy of Sciences of the USSR, Institute of History of the USSR. Moscow: Nauka Publ., 1979, 304 p.
  15. Korff, S.A. *The nobility and its estate management for the century 1762-1855* / Bar. S.A. Korf. St. Petersburg: type. Trenke and Fusno, 1906. VIII, 720 p.
  16. Kotzebue A.F. Von. About nobility, its origin, distribution and different introduction among all almost all peoples of the globe; With a brief mention of its extermination in France and other lands dependent on it / Works by President von Kotzebu, published in German in 1792. Moscow: In the printing house of Christoph. Claudius, by his dependence, 1804. X. 251 c.
  17. Krutikov V.I. *The abolition of serfdom in Tula Province* / Common. ed. by Dr. Hist. of Sciences Prof. P. A. Zayonchkovsky. Tula: Book Publ., 1956, 124 p.

18. Leshchenko I. N. *The hereditary nobility in the conditions of post-reform Russia: on the materials of Tver province*; [Place of defense: State Univ. of Management]. Moscow, 2007, 25 p.
19. Litvinova T. N. *Noble class institutions of Voronezh province in the last quarter of the XVIII - first quarter of the XIX centuries*. Voronezh, 2010.
20. Mironov B.N. *Social History of Russia during the Empire (XVIII-beginning of the XX century): Genesis of personality, democrat. family, civil society and the rule of law*: In 2 vol. / B.N. Mironov. 3. ed., revised and supplemented. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2003. Vol. 1.
21. Nehaeva D.V. Nobility of Tula province in public service in the second half of the XIX c. z-beginning of the XX c.: Prosopographical analysis. *History. Historians. Sources*, 2019, no. 4. URL: [history2014.esrae.ru/ru/25-239](http://history2014.esrae.ru/ru/25-239) (accessed 29.08.2024).
22. On the establishment in Moscow of a commission for drafting a new Code, and on the election of Deputies to it: decree of 12/14/1766 / PSZ-I. VOL. XVII. NO. 12801.
23. Palchikova M. V. The rights of the nobility to participate in the noble assemblies according to the provision of 1831. *Mir nauki i obrazovanie*, 2017, no. 3(11). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prava-dvoryan-na-uchastie-v-dvoryanskih-sobraniyah-po-polozheniyu-1831-goda/viewer> (accessed 25.08.2024).
24. Regulations on the order of noble assemblies, elections and service on them: [Established on December 6, 1831 St. Petersburg , 183-?]. 61 c. Russia. / Laws and regulations. *Presidential Library. Draft regulations on the order of noble meetings, elections and service on them*. P. 247-273. URL: <https://www.prlib.ru/item/439632> (accessed 25.08.2024). Regulations on provincial and district zemstvo institutions in 1890. *Full Collection of Laws of the Russian Empire*. Sobranie 3. Vol. 10. Branch 1. No. 6927. P. 495-511.
25. Rescripts of Alexander II and relations of the Minister of the Interior to the governor-generals of St. Petersburg and Vilna on the preparation of the peasant reform with an accompanying letter from the Minister P.A. Valuev. Presidential Library. RGIA. Archive of Count

- Pyotr A. Valuyev. Case 92. URL: <https://www.prilib.ru/item/987732?-mode=full> (accessed 25.08.2024).
26. Russia. Laws and regulations. Highest approved on June 16, 1870 city regulations with explanations = City regulations with explanations. St. Petersburg: Hoz. dep. M. V. D., 1870, 241 p.
27. *Russia. Laws and regulations. Complete Collection of the Laws of the Russian Empire*. St. Petersburg: Tip. 2nd Department of Her Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830-1885. Vol. 55.
28. Semyonov I. S. "Opinions" of the nobility of Tula province about the situation after the abolition of serfdom. *Collection of materials of the IX Regional scientific-practical conference of graduate students, applicants, young scientists and undergraduates*. 2013. P. 165-170. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23383737> (accessed 25.08.2024).
29. *Statute of the Tula noble assembly*. Tula, 1904, 59 p. Presidential Library. URL: <https://www.prilib.ru/item/987732?mode=full> (accessed 25.08.2024).
30. Fedoseev R. V., Barshova O. A. Noble assemblies in the middle Volga region in the second half of the XIX century - early XX century: competence, composition, order of participation. *Oriental Studies*, 2017 no. 5, pp. 21-32.
31. Fedoseev R. V. Legislative fixation of the institute of the nobility leaders in the second half of the XVIII - early XIX century. *Russian good journal*, 2019, no. 1. URL: <https://snpractice.ru/?p=740> (accessed 25.08.2024).
32. Tsvetkov V. S. *The nobility self-government of Russia in the second half of the XIX - early XX century: on the materials of the Moscow noble assembly*; [Place of defense: Moscow State Regional University]. Moscow, 2012, 22 p.
33. Shaymardanova A. Z. Legal regulation of the activities of provincial noble assemblies. *Bulletin of the Russian University of Cooperation*, 2012, no. 3, pp. 103-106.
34. Yablochkov M. T. *History of the nobility in Russia*. St. Petersburg:, 1876. XL, 680 p.



**ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ****Казаченко Владислав Витальевич**, аспирант

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого»  
проспект Ленина, 125, г. Тула, Тульская область, Российская Федерация  
lv\_93you@mail.ru*

**DATA ABOUT THE AUTHOR****Vladislav V. Kazachenko**, PhD Student

*Tula State Pedagogical University named after L. N. Tolstoy  
125, Lenin Ave., Tula, Tula region, Russian Federation  
lv\_93you@mail.ru*

Поступила 06.06.2024

После рецензирования 10.07.2024

Принята 25.09.2024

Received 06.06.2024

Revised 10.07.2024

Accepted 25.09.2024

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-451  
УДК 94 (470)



Научная статья | Отечественная история

## ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В СФЕРЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

*К.О. Кудряшов*

**Обоснование.** Ввиду значительных пертурбаций полномочий губернаторского корпуса на региональном уровне во второй половине XIX – начале XX в. претерпевает изменения функционал губернской администрации в социокультурной сфере. Данной тенденции способствовали не только новые органы самоуправления, созданные комитеты, появившиеся в результате либеральных реформ, но и в последующем резкая смена государственного курса, которая в 80-е гг. приобретает консервативное направление. Весьма неоднозначна оценка губернской администрации во взаимодействии с учреждениями сферы образования. В работе анализируются делопроизводственные материалы, периодическая печать, которые позволяют по-новому раскрыть особенности функционала владимирской губернской администрации в сфере народного просвещения.

**Цель** – исследовать деятельность владимирской губернской администрации в сфере народного просвещения и определить ее основные направления во второй половине XIX – начале XX в.

**Материалы и методы.** Основой для исследования послужили периодическая печать, представленная Владимирскими губернскими ведомостями, Владимирскими епархиальными ведомостями, Владимирец, и делопроизводственные документы Государственного архива Владимирской области: переписка учреждений, рапорты, отчеты. В данной работе используются проблемно-хронологический, историко-генетический, аналитический методы, с целью сохранения принципов историчности и системности.

**Результаты исследования.** В процессе изменения центральной властью политического курса, в результате перехода от либеральной моде-

ли к консервативной, были затронуты принципы взаимодействия губернаторского корпуса и губернских учреждений по вопросам просвещения и благотворительности в сфере образования. По данному направлению администрация Владимирской губернии придерживалась принципов надзора, контроля и разъяснения. Особенную настороженность власти проявляли в отношении образовательных учреждений, в связи с ростом оппозиционных настроений. Тем не менее, характерной особенностью, присущей для Владимирской губернии в начале XX в., стало сближение губернаторов и земских учреждений по вопросам просвещения, где первые старались ходатайствовать о земских инициативах об открытии новых учебных заведений в высшие правительственные органы.

**Область применения результатов.** Выводы данной статьи могут быть использоваться в области исследовании политической и региональной истории как Владимирской губернии, так и схожих с ней по структуре управления. Также полученные результаты могут применены для преподавания региональной истории Владимирского края.

**Ключевые слова:** Владимирская губерния; губернская администрация; периодическая печать; народное образование; благотворительность; местное самоуправление

**Для цитирования.** Кудряшов К.О. Деятельность Владимирской губернской администрации в сфере просвещения во второй половине XIX – начале XX века // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 3. С. 313-328. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-451

Original article | National History

## THE ACTIVITIES OF THE VLADIMIR PROVINCIAL ADMINISTRATION IN THE EDUCATIONAL SPHERE IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

**K.O. Kudryashov**

**Background.** The functions of the provincial administration in the socio-cultural sphere underwent changes because of the significant distur-

*bances in the powers of the governor's corps at the regional level in the second half of the 19th – early 20th centuries. This trend was facilitated not only by new local government bodies and committees created because of liberal reforms, but also by the subsequent sharp change in government policy, which in the 1980s acquired a conservative direction. The assessment of the provincial administration in interaction with educational institutions and charities remains ambiguous. The work analyzes clerical documentation and periodicals, which reveals the functions of the provincial administration in the field of education and charity in a new way.*

**Purpose** – *This study investigates the activities of the Vladimir provincial administration in the field of education and charity in the second half of the 19th – early 20th centuries.*

**Materials and methods.** *The basis for the study was the periodicals, such as the Vladimir Provincial Gazette, the Vladimir Diocesan Gazette, the Vladimirets Gazette, and the office documents of the State Archive of the Vladimir Region: correspondence of institutions, reports, and accounts. This work uses problem-chronological, genetic, and analytical methods to preserve the principles of historicity and consistency.*

**Results.** *The transitioning from a liberal model to a conservative one affected the principles of interaction between the governor's corps and provincial institutions on issues of education. In these areas, the administration of the Vladimir province adheres to the principles of supervision, control and clarification. The authorities are especially wary of educational institutions, due to the growth of opposition sentiments. Nevertheless, a characteristic feature inherent in the Vladimir province at the beginning of the 20th century was the rapprochement of governors and zemstvo institutions on issues of education, where the former tried to petition the highest government bodies for zemstvo initiatives on opening new educational institutions.*

*Application of research findings in practice. The results of this study can be used in the field of research of political and regional history of both Vladimir province and provinces with similar structure of governance. Also, the obtained results can be applied to teaching regional history of Vladimir region.*

**Keywords:** *Vladimir province; provincial administration; periodicals; public education; charity; local government*

***For citation.** Kudryashov K.O. The Activities of the Vladimir Provincial Administration in the Educational Sphere in the Second Half of the 19th – beginning of the 20th Century. *Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues]*, 2024, vol. 16, no. 3, pp. 313-328. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-3-451*

## **Введение**

К проблеме региональной власти Российской империи обращались многие исследователи, которые старались изучить различные аспекты взаимодействия губернаторов с губернскими учреждениями и центральными правительственными органами. Наиболее ощутимый вклад по данной проблеме был внесен рядом публикаций историка-правоведа И.А. Блинова. Он отмечал то, что в области народного просвещения «преобладающая роль принадлежала правительственной власти», но особенно автор выделял важность функционала губернаторов в этом вопросе [4, с. 188]. Относительно надзорной функции губернаторов И. А. Блинов делил их на две группы: 1) учреждения, относительно которых губернаторы обладали значительными правами; 2) учреждения с незначительными правами губернаторов. Область просвещения он относил ко второй группе и отмечал, что во многих вопросах их голос был решающим [4, с. 204-206].

В рамках советской историографии данную проблему рассматривал П.А. Зайончковский. Оценивая деятельность губернаторов в образовательной сфере, исследователь концентрируется на росте революционных настроений в ученической среде и связывает деятельность губернаторов прежде всего с их превентивными мерами для борьбы с оппозицией. [25, с. 50]. По его мнению, многие действия, направленные на ограничение земской деятельности в области просвещения, были вызваны усилением власти губернаторов и, как следствие, ростом ее произвола [26, с. 92-93].

В современных публикациях авторы значительно сместили призм исследования с изучения функционала губернской власти, сводящуюся к модели «центральная власть – региональная», и обратили внимание на учреждения «внутри» губерний. В ряде работ

А.С. Минакова дана неоднозначная оценка взаимодействию института губернаторства черноземных губерний и земских учреждений. Не смотря на все противоречия, они были вынуждены вести совместную деятельность в плане культуры, просвещения, продовольственного обеспечения и прочих вопросов [28, с. 51]. Достаточно широкой исследовательской базой обладает Казанская губерния, где в различных плоскостях отображаются общероссийские тенденции на примере конкретной губернии [2, с. 25] Специфику губернаторской деятельности в сфере образования на рубеже XIX-XX вв. отмечает Т.А. Магсумов. В данном периоде он видит складывание авторитарной модели в образовательной среде, в результате формирования аппарата надзора со стороны губернаторов [27, с. 275].

Стоит обратиться к специфике выделенных хронологических рамок. В результате либеральных реформ 60-70-х гг. XIX в. часть полномочий губернского корпуса в социокультурной сфере была передана новым органам самоуправления и комитетам, но губернатор, согласно закону от 22 июня 1866 г., мог проводить ревизии во всех учреждениях губернии [31, с. 996]. В последующем в руках губернаторов наблюдается концентрация инструментов контроля над учреждениями внутри губерний. Особенно отчетливо это проявляется в период проведения реакционных мероприятий во времена правления Александра III и Николая II. Многие ранее возникшие институты были урезаны в полномочиях, а контроль над ними был возложен на губернскую администрацию. После делегирования ряда полномочий образованным органам местного самоуправления земствам и городским думам на рубеже XIX-XX вв. в значительной степени возрос губернаторский контроль за учреждениями народного образования. Этому способствовали новые положения о земском 1890 г. и городском 1892 г. самоуправлении, урезавшие функции названных органов, а также возросшая угроза со стороны оппозиции.

Таким образом, не в полной мере раскрыта специфика деятельности губернаторов области народного просвещения в нечерноземных губерниях центральной России. Остается под вопросом, как владимирские губернаторы вели политику в области образования,

руководствуясь указаниями центра, и какие особенности взаимодействия с учреждениями просвещения сложились внутри Владимирской губернии в новых условиях.

**Цель** – исследовать взаимодействие владимирской губернской администрации и губернских органов в сфере народного просвещения.

### **Материалы и методы**

Источниковой базой данной статьи являются делопроизводственные документы Государственного архива Владимирской области, а именно фонд «Канцелярии владимирского губернатора» (Ф. 14), фонд «Владимирского губернского правления» (Ф. 40), фонд «Юрьев-Польский уездный исправник» (Ф. 703), фонд «Владимирское губернское жандармское управление» (Ф. 704). Особое внимание уделяется периодической печати – газетам «Владимирские губернские ведомости», «Владимирские епархиальные ведомости», «Владимирец».

Во время работы с историческими источниками были использованы проблемно-хронологический, историко-генетический и аналитический методы. На основе данных методов была выстроена целостная работа с историческими источниками, проанализирована деятельность государственных органов и общественных институтов указанного периода.

### **Результаты и обсуждение**

В начале второй половины XIX в. происходят значительные изменения в нормативно-правовой базе губернаторского корпуса. Губернаторы лишились части своих полномочий, которые были отданы земствам и городским думам, но в то же время происходит их аккумуляция, в качестве особого чиновника МВД. Во время проведения либеральных реформ Александра II, губернатор становится важнейшим каналом связи с центральной властью и опорой проведения реформ. Можно утверждать, что земствам и городским думам полномочия губернаторов делегировались в полном объеме только в фискальной и имущественной областях, но все остальные вопросы решались в тесном взаимодействии органов самоуправ-

ления и региональной администрации [3, с. 105-107]. Во время проведения консервативных мероприятий Александра III, Николая II и усиления полицейского контроля, именно губернская власть стремилась ужесточить контроль и борьбу с ростом политического недовольства в сфере народного просвещения.

Попытаемся выстроить структуру взаимодействия губернской администрации и органов управления образованием. Министерству народного просвещения подчинялись учебные округа, в том числе и Московского учебного округа куда входила Владимирская губерния, возглавляемые попечителями, при них состояли дирекции народных училищ, губернские и уездные училищные советы. Несмотря на то, что губернаторы входили в эти многочисленные советы, по большей части, деятельность хозяина губернии в них была формальной, но шефство за данными органами было закреплено за ними юридически еще с 1864 г. [26, с. 146].

Губернаторы пользовались правом ревизий всех учреждений на территории губернии. Юридически данное полномочие закрепилось за ними с 1866 г., но владимирские губернаторы проявляли свой интерес к учебным заведениям до издания нормативно-правового акта. Стоит обратиться к ревизии от 4 марта 1863 г. губернатора А.П. Самсонова во Владимирскую губернскую гимназию. Этой проверке предшествовали слухи о неподобающем ведении хозяйства в учебном заведении, результатом ее стало увольнение инспектора пансионного хозяйства учебного заведения, ввиду многочисленных нарушений [18, л. 1-6].

Следует выделить, что имперская власть оценивала положительно стремления губернаторов в наведении порядка в образовательных учреждениях, но имелись также замечания. Обратим внимание на всеподданнический отчет владимирского губернатора за 1866 г., при похвале деятельности губернаторов в сфере образования мы встречаем также критику, отмечающую недостаточную работу «со стороны местной дирекции относительно посещения сельских школ» [14, л. 55].

Формализм в губернаторской деятельности имел место, но по большей части создавался ввиду загруженности хозяина губернии, они яв-



лялись председателями многочисленных комитетов и комиссий [24, с. 235]. Количество этих комитетов росло, следует учесть, что в 1862 г. губернатор А.П. Самсонов состоял в 11 комитетах, а уже в 1902 г. Н.М. Клингенберг в более чем 15 коллегиальных органов. Одним из наиболее важных являлся губернский училищный совет, где владимирские губернаторы имели постоянное членство в качестве председателей [11]. Советами и комитетами решались многие задачи в области образования не только касающиеся организации образовательных учреждений, но и кадровые вопросы найма и увольнения учителей.

Губернатор и его канцелярия координировали составление характеристик на педагогов и студентов учебных заведений. Особенно данный вопрос стал наиболее острым при проведении радикальных мер борьбы с оппозицией, когда возникла опасность неблагонадежности отдельных представителей образовательной среды. Так ведутся негласные наблюдения за учениками. За студентом В. Языковым была установлена слежка, итогом которой стала формулировка рапорта: «в поведенческих отношениях ничего замечено не было» [22, л. 1-24].

В Покровском уезде в 1904 г. учитель С.Г. Ярков в Копнинской школе распространял прокламации с революционными призывами и после ареста выбыл в Московскую губернию, там он не смог устроиться в одну из школ Подольска из-за статуса «политической неблагонадежности» [22, л. 31-38]. Однако встречаются некоторые уступки губернской власти в начале XX в. Не смотря на существовавшие разногласия, губернаторы шли на компромисс с земскими органами. Так по их просьбе через год после увольнения в 1907 г. были восстановлены в должностях земские учителя А.М. Соболев и А.И. Агапов, которые были ранее уволены за антиправительственную деятельность [23, л. 215-218].

Контроль сферы образования на рубеже XIX-XX вв. постоянно усиливался, так как в среде учащейся молодежи наблюдался рост революционных настроений. Достаточно обыденным были обыски жилищ не только учеников, но и преподавательского состава учебных заведений. При обыске общежития Общества взаимного вспомоществования учащихся и учивших Владимирской губернии в г. Киржач в 1907 г. у надзирателя общежития были найдены патроны от револьвера и литература запрещенного характера [15, л. 1-10].

В 1880-е годы значительно ужесточается цензура, что значительно оказывает влияние на социокультурную сферу. По указу министра внутренних дел владимирский губернатор был вынужден запретить исполнение на сценах театров многие спектакли, одной из таких стала драма в 4-х действиях П.И. Бабкина под заглавием «Грёзы» [19, л. 10-11]. Многие благотворительные театральные постановки шли на образовательные нужды, а средства с них имели строгий учет. К примеру, в 1887 г. согласно циркуляру владимирского губернатора 12 августа 1882 г №3828 Иваново-Вознесенский полицмейстер был вынужден сообщить о том, что проводился благотворительный спектакль, а вырученные деньги в размере 91 р. 75 коп. были переданы старшему учителю Иваново-Вознесенского училища Орлову [13, с. 21]. Подобные сборы строго фиксировались, из-за опасений присвоения денежных средств революционерами, поэтому своеобразные отчёты о доходах за спектакли полицмейстеры предоставляли губернатору регулярно [13, л. 18, 45].

В разных городах губернии продолжалось проведение театральных представлений с целью сбора благотворительных средств на образование. В 1901 г. при проведении в Муроме спектакля в пользу бедных учеников городского училища для большего привлечения посетителей, у губернатора было запрошено разрешение о торговле в буфете алкогольными напитками. Ввиду определенной несовместимости официального благотворительного мероприятия с запросом организаторов, губернатор им отказал в запросе. [21, л. 47, 48].

Губернаторы, выполняя свои функции особого чиновника МВД, не только занимались пресечением незаконной деятельности, но и способствовали созданию условий для обучающихся. Не единственным прецедентом стало размещение иногородних учеников, приехавших во Владимир [7]. Также земства стремились добиться одобрения губернатора, это всегда способствовало скорейшему продвижению дела. Одним из ряда таких примеров является удовлетворение земского ходатайства губернатором И.Н. Сазоновым об открытии в 1908 г. Владимирского реального училища [13, л. 19].

Благотворительная деятельность со стороны владимирской администрации способствовала финансированию сферы образования.

Хоть данный аспект не был обязательным для чиновников, но многие деятели владимирской губернской администрации выступали в качестве инициаторов благотворительности. С подачи вице-губернатора В.А. Семенова во Владимире в 1872 г. было открыто «Благотворительное общество» (В.А. Семенов позже становится его председателем). Данное учреждение не только оказывало материальную помощь нищим, но и поддерживало ремесленно-грамотную школу, а с 1884 г. содержало ее. Согласно отчету за 1886 г., денежных пособий на содержание школы было выдано более чем на 1500 рублей за год, а учащихся в ней состояло до 170 человек [12, с. 25]. Уже к 1895 г. содержание школы обходилось в 12 тыс. 17 рублей 63 коп.

Несмотря на возникающие конфликты, во многом губернаторы способствовали тому, чтобы сборы, шедшие на образовательные нужды, увеличивались. Поэтому большинство смет земского управления, касающихся народного образования и благоустройства одобрялись губернской администрацией [17, л. 210]. Из регионов центральной России Владимирская губерния была на втором месте, конечно после Московской губернии, по финансированию в сфере образования. С 1900 г. был установлен рост земского бюджета в 3 %, что в определенной мере ограничивало их активность, но уже к 1903 г. земские бюджеты увеличивались в год на 15,5%. С 1908 по 1914 гг. земский бюджет значительно увеличивается, за этот период земства получили 791,8 тыс. рублей, что составило в среднем 60,9 тыс. рублей на уезд, все эти средства шли на нужды начальных училищ [30, с. 76-78]. Увеличению финансирования учебных заведений способствовал их постоянный рост. Если в 1862 г. по Владимирской губернии всего насчитывалось 103 гражданских учебных заведения, то в 1882 г. их количество увеличилось, что составило 520 [29]. Только в 1892 г. было открыто 36 новых учебных заведений и их общая численность стала равняться 876 [16, л. 7].

Также особо востребованным становится феномен бесплатного образования, которое финансируется меценатами. В таких школах учителя работали безвозмездно и обучали основным дисциплинам малоимущих детей. Особую помощь оказывает в сфере благотворительности не только императорский дом, но и жертвуются круп-

ные суммы состоятельными людьми, массово подают милостыню с помощью «кружечных сборов».

Церковь имела важнейшую роль при функционировании таких учреждений. В неофициальной части «Владимирских епархиальных ведомостей» описывается празднование дня тезоименитства императрицы, на нем присутствовали не только светские представители «Владимирского благотворительного общества» с учениками, но и высокопоставленное духовенство - архиепископ Владимирский и Суздальский Феогност [12, с. 628-629]. Последним председателем «Владимирского благотворительного общества» был избран В.М. Тарасов. Владимир Михайлович был добросовестным жителем г. Владимир, который жертвовал крупные суммы на образование и даже благодаря ему был утвержден акт о восстановлении бывших Никитинских казарм.

Чаще всего представители губернской администрации становились председателями и членами благотворительных обществ [8]. В 1875 г. пятилетний юбилей отмечало владимирское православное благотворительное общество, членами которого были Владимирский губернатор В.Н. Струков, вице-губернатор В.А. Семенов, председатель губернской земской управы П.Н. Николаев, ректор семинарии архимандрит Павел, Богослюбский архимандрит Даниил, Владимирский городской голова, коммерции советник А.Н. Никитин, директор народных училищ Ю.С. Чехович, Суздальский предводитель дворянства А.А.Макаров, инспектор семинарии Ф.Н. Павлинский, надворный советник И.Г. Соколов и Владимирские купцы А.Г. Кузнецов, В.Н. Галкин и А.М. Лапотников, делопроизводитель последних лет А.И. Сервицкий. Члены вносили взнос капиталом, к примеру, священник г. Юрьева П.М. Красовский – 75 р., купцы Галкин – 60 р., Гаврилов – 150 р., почетная гражданка Ермакова – 100 р. [7]; данная процедура была для представителей власти хорошим тоном.

### **Заключение**

Гибкая политика, проводимая губернской администрацией во второй половине XIX – начале XX в., была обусловлена рядом причин. Во-первых, рекомендации, исходившие от центральной власти,

разъяснялись образовательным учреждениям. Губернатор и его администрация способствовали мирному решению возникающих конфликтов как с учениками и преподавательским составом, так по вопросам, касающимся образования новых учебных заведений. Во-вторых, ввиду установления полицейского режима на рубеже XIX – XX вв. губернаторы четко следуют указаниям «сверху» и используют силовые методы для искоренения революционных настроений в образовательной среде. В ряде случаев владимирские губернаторы не всегда использовали радикальные методы, а порой шли на уступки, восстанавливая земских учителей в должностях. Строгому контролю подвергался подсчет средств, собранных на нужды образовательных учреждений. В-третьих, ввиду возросших функций земств и органов городского самоуправления в области образования и социального обеспечения губернаторский корпус становится контролирующей инстанцией. Многие учебные заведения открываются благодаря их ходатайствам, а в случае несогласия с проводимой политикой центральной власти, губернаторы могли препятствовать деятельности органов самоуправления.

### *Список литературы*

1. Афанесян К.К. Устав об общественном призрении 1892 г. Единственный комплексный нормативно-правовой акт, регламентировавший благотворительную деятельность в стране // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2015. № 44-45. С. 77-81.
2. Бикташева А.Н. Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX века. М: Новый хронограф, 2012. 480 с.
3. Благотворительность в России. Санкт-Петербург: Типо-лит. Н. Л. Ныркина, 1907. 744 с.
4. Блинов И. А. Губернаторы: историко-юридический очерк. СПб: Типо-Литография К. Л. Пентковского, 1905. 366 с.
5. Богатырева О.П. Губернская администрация и земское самоуправление. Вторая половина XIX - начало XX в. // Вопросы истории. 2004 г. № 8. С. 99-112.

6. Бойко Н.С., Мухамедов Р.А. Взаимодействие губернского правления и органов общественного управления в сфере благотворительности в свете нового городского законодательства 1870 года // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 17. №3(2). 2015. С. 373-376.
7. Владимирец. 1907. № 209.
8. Владимирские губернские ведомости. 1876. № 11, март.
9. Владимирские губернские ведомости. 1877. № 18, апрель.
10. Владимирские епархиальные ведомости. 1886. № 23.
11. Владимирский календарь и справочная книжка на 1902 г.
12. Владимирское благотворительное общество. Отчет Правления Владимирского благотворительного общества о деятельности его и о состоянии первоначальной ремесленно-грамотной школы. 1886.
13. Государственный архив Владимирской области (далее - ГАВО). Ф. 14. Оп 1. Д. 132.
14. ГАВО. Ф. 14. Оп. 3. Д. 3810.
15. ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 2745.
16. ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 785.
17. ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1635.
18. ГАВО. Ф. 14. Оп. 6. Д. 810.
19. ГАВО. Ф. 14. Оп. 6. Д. 975.
20. ГАВО. Ф. 14. Оп. 6. Д. 1016.
21. ГАВО. Ф. 14. Оп. 6. Д. 1084.
22. ГАВО. Ф. 703. Оп 1. Д. 1.
23. ГАВО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 512.
24. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М, 1983. 352 с.
25. Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. - 3-е изд., доп. и перераб. Москва: Просвещение, 1968. 368 с.
26. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. Москва: Мысль, 1978. 288 с.
27. Магсумов Т.А. Средняя профессиональная школа казанского учебного округа в условиях модернизации российского образования конца XIX - начала XX века // Самарский научный вестник. 2023. Т. 12, № 1. С. 273-280.

28. Минаков А.С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX — начала XX вв.): дис. д. и. н. Орлов, 2011. 487 с.
29. Памятная книжка Владимирской губернии на 1895 год.
30. Петровичева Е.М. Земское самоуправление Центральной России в 1906-1918 гг.: эволюция на последних этапах деятельности: дис. д.и.н. Москва, 2003. 354 с.
31. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. 1857. Том 13. Санкт-Петербург: Типография Второго отделения собственной его императорского величества канцелярии. С. 1082.

### *References*

1. Afanesyan K.K. Charter on public charity of 1892. The only comprehensive normative legal act that regulated charitable activities in the country. *Aktual'nye voprosy obshchestvennyh nauk: sociologiya, politologiya, filosofiya, istoriya* [Current Social Sciences: sociology, political science, philosophy, history], 2015, no. 44-45, pp. 77-81.
2. Biktasheva A.N. *Kazan Governorship of the first half of the XIX century: anthropology of power*. Moscow: Novyj hronograf Publ., 2012, 480 p.
3. *Charity in Russia*. St. Petersburg: Typo-lithography Publ., N. L. Nyrkina, 1907, 744 p.
4. Blinov I. *Governors: historical and legal essay*. St. Petersburg: Tipo-Litografiya K. L. Pentkovskogo Publ., 1905, 366 p.
5. Bogatyreva O.P. Provincial administration and zemstvo self-government. Second half of the 19th - early 20th century. *Voprosy istorii* [Questions of history], 2004, no. 8, pp. 99-112.
6. Boyko N.S., Muhamedov R.A. Interaction of provincial board and bodies of public management in the sphere of charity in the light of the new policeman of the legislation of 1870. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk* [Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2015, vol. 17. no. 3(2), pp. 373-376.

7. The Vladimirets Gazette. 1907, no. 209.
8. The Vladimir Provincial Gazette. 1876, no. 11, March.
9. The Vladimir Provincial Gazette. 1877, no. 18, April.
10. The Vladimir Diocesan Gazette. 1886, no. 23.
11. The Vladimir calendar and commemorative book of the Vladimir province for 1902.
12. Vladimir province charitable society. Report of the Board of the Vladimir charitable society on its activities and on the state of the initial craft and literacy school. 1886.
13. *Gosudarstvennyj arhiv Vladimirskoj oblasti* [State Archive of the Vladimir Region]. F. 14. Op 1. D. 132.
14. GAVO. F. 14. Op. 3. D. 3810.
15. GAVO. F. 14. Op. 4. D. 2745.
16. GAVO. F. 14. Op. 4. D. 785.
17. GAVO. F. 14. Op. 5. D. 1635.
18. GAVO. F. 14. Op. 6. D. 810.
19. GAVO. F. 14. Op. 6. D. 975.
20. GAVO. F. 14. Op. 6. D. 1016.
21. GAVO. F. 14. Op. 6. D. 1084.
22. GAVO. F. 703. Op 1. D. 1.
23. GAVO. F. 704. Op. 1. D. 512.
24. Eroshkin N.P. *History of state institutions of prerevolutionary Russia*. Moscow, 1983. 352 p.
25. Zayonchkovsky P.A. *Abolition of serfdom in Russia. - 3rd ed., supplemented and revised*. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1968, 368 p.
26. Zayonchkovsky P.A. *Government apparatus of autocratic Russia in the 19th century*. Moscow: Mysl' Publ., 1978, 288 p.
27. Magsumov T.A. Secondary vocational school of the Kazan Educational District in the process of modernization of Russian education in the late 19th – early 20th centuries. *Samarskij nauchnyj vestnik* [Samara Scientific Bulletin], 2023, vol. 12, no. 1, pp. 273-280.
28. Minakov A.C. *The governor's corps and the central power: a problem of mutual relations (on materials of the Chernozem center's provinces of second half of XIX the beginnings of XX centuries)*. Abstract of D.Sc. dissertation. Orlov, 2011, 487 p.



29. Commemorative Book of the Vladimir Province for 1895.
30. Petrovicheva E.M. *Zemstvo Self-Government of Central Russia in 1906-1918: Evolution in the Final Stages of Activity*. Abstract of D.Sc. dissertation. Moscow, 2003, 354 p.
31. *Code of Laws of the Russian Empire, compiled by order of Emperor Nicholas I*. 1857, vol. 13. Saint Petersburg: Typography of the Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery Publ., pp. 1082.

### ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

**Кудряшов Кирилл Олегович**, аспирант кафедры истории России  
*Федеральное государственное бюджетное образовательное  
учреждение высшего профессионального образования Вла-  
димирский государственный университет имени А. Г. и Н.  
Г. Столетовых*  
*ул. Горького, 87, г. Владимир, 600026, Российская Федерация*  
*[kudryawov@mail.ru](mailto:kudryawov@mail.ru)*

### DATA ABOUT THE AUTHOR

**Kirill O. Kudryashov**, Post-Graduate Student of the Department of  
History of Russia  
*Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs*  
*87, Gorkogo Str., Vladimir, 600026, Russian Federation*  
*[kudryawov@mail.ru](mailto:kudryawov@mail.ru)*  
*ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-6873-0322>*

Поступила 06.06.2024

После рецензирования 18.07.2024

Принята 25.09.2024

Received 06.06.2024

Revised 18.07.2024

Accepted 25.09.2024

## ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://soc-journal.ru/>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области филологии, истории и философии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

### Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

**ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ  
ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ  
ИСТОЧНИКОВ**

---

---

### Обязательная структура статьи

#### УДК

#### ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

**Аннотация** (на русском языке)

**Ключевые слова:** отделяются друг от друга точкой с запятой  
(на русском языке)

#### ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

**Аннотация** (на английском языке)

**Ключевые слова:** отделяются друг от друга точкой с запятой  
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.
2. Цель работы.
3. Материалы и методы исследования.
4. Результаты исследования и их обсуждение.
5. Заключение.
6. Информация о конфликте интересов.
7. Информация о спонсорстве.
8. Благодарности.

#### Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

#### References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

### **ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ**

**Фамилия, имя, отчество полностью**, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

*Электронный адрес*

*SPIN-код в SCIENCE INDEX:*

### **DATA ABOUT THE AUTHORS**

**Фамилия, имя, отчество полностью**, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

*Электронный адрес*

---

---

## AUTHOR GUIDELINES

(<http://soc-journal.ru/>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of philology, history and philosophy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

### Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

**DO NOT USE FOOTNOTES  
AS REFERENCES**

### Article structure requirements

**TITLE** (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

**Abstract** (in English)

**Keywords:** separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

- 1. Introduction.**
- 2. Objective.**
- 3. Materials and methods.**
- 4. Results of the research and Discussion.**
- 5. Conclusion.**
- 6. Conflict of interest information.**
- 7. Sponsorship information.**
- 8. Acknowledgments.**

### References

References text type should be Chicago Manual of Style

### DATA ABOUT THE AUTHORS

**Surname, first name (and patronymic) in full**, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

*E-mail address*

*SPIN-code in SCIENCE INDEX:*

## СОДЕРЖАНИЕ

### ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ОБРАЗНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «ДЕЛОВОЙ ЧЕЛОВЕК» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ <b>Е.В. Ильинова</b> .....	10
НЕУЗУАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ <b>Е.С. Чукина</b> .....	34
ТРУДНОСТИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОЛИСЕМИИ И ОМОНИМИИ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ <b>Л.Б. Моргоева</b> .....	53
СЕМАНТИЧЕСКИЙ СДВИГ КАК МЕХАНИЗМ ПОПОЛНЕНИЯ СЛОВАРЯ ВИРТУАЛЬНОГО ДИСКУРСА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА <b>Ю.С. Гаврикова</b> .....	73
АНАЛИЗ ПОНЯТИЙ «БИНОМИАЛ» И «ДУБЛЕТ» В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ЮРИДИЧЕСКОГО АНГЛИЙСКОГО <b>М.А. Гросс, Е.Б. Шевченко</b> .....	89
ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ <b>Е.Ю. Ладонина, Н.А. Сытина</b> .....	102
ПЕРСУАЗИВНЫЙ КОМПОНЕНТ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ «ПРИРОДА – ЭТО ИСКУССТВО» В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ПРАГМА-КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ <b>К.А. Павлова</b> .....	114

ВЫРАЖЕНИЕ ЖЕНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕРЕЗ  
МАНИФЕСТАЦИЮ ГЛАГОЛА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА  
У. ТЕВИСА «ХОД КОРОЛЕВЫ»)

**Е.И. Винник** ..... 138

СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ  
ОСОБЕННОСТИ АДЪЕКТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ  
ЕДИНИЦ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

**Е.А. Бирик** ..... 157

РЕАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОГО  
ВОЗДЕЙСТВИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ  
ИТ-ДИСКУРСЕ

**М.Л. Авакова, Н.Б. Айвазян** ..... 169

### ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ЦЕННОСТЬ ТЕХНИКИ  
В УСЛОВИЯХ ТЕМПОРАЛЬНОЙ АКСЕЛЕРАЦИИ  
И ГЕЙМИЗАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

**Н.Н. Плужникова, А.В. Грибова** ..... 186

КУЛЬТУРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД  
К ИССЛЕДОВАНИЮ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО  
ХАРАКТЕРА

**М.Ю. Неронова, А.В. Неронов** ..... 202

ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ  
В РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ: АНАЛИЗ  
И СТРАТЕГИИ

**Е.Ф. Мороз** ..... 221

УЧЕНИЕ О РОЖДЕНИИ СВЫШЕ В ХРИСТИАНСТВЕ  
С ПОЗИЦИИ СРАВНИТЕЛЬНОГО РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ:  
ПОДХОДЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

**Ю.В. Соболев** ..... 246



---

---

**ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ**

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ГОРОДСКОМ И СЕЛЬСКОМ ПРОСТРАНСТВАХ: ИНДИКАТОРЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (НА ПРИМЕРЕ КАЗАХОВ АЛТАЯ) <b>А.Д. Дерендяева, Д.А. Михалевская</b> .....	265
ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ДВОРЯНСКОГО СОСЛОВНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. – НАЧАЛА XX В. <b>В.В. Казаченко</b> .....	285
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В СФЕРЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА <b>К.О. Кудряшов</b> .....	313
<b>ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ</b> .....	329

## CONTENTS

### LANGUAGE AND LITERATURE STUDIES

IMAGINATIVE COMPONENT OF THE LINGUO-CULTURAL CHARACTER TYPE «BUSINESS MAN» IN RUSSIAN AND ENGLISH <b>E.V. Ilyinova</b> .....	10
NON-USUAL WORD FORMATION IN MODERN GERMAN <b>E.S. Chukina</b> .....	34
DIFFICULTIES IN DISTINGUISHING POLYSEMY AND HOMONYMY IN THE OSSETIAN LANGUAGE <b>L.B. Morgoeva</b> .....	53
SEMANTIC SHIFT AS A MECHANISM FOR EXPANDING THE VOCABULARY OF THE ENGLISH LANGUAGE IN VIRTUAL DISCOURSE <b>Y.S. Gavrikova</b> .....	73
ANALYZING THE CONCEPTS OF “BINOMIAL” AND “DOUBLET” IN THE CONTEXT OF LEGAL ENGLISH STUDIES <b>M.A. Gross, E.B. Shevchenko</b> .....	89
MAIN ASPECTS OF TRAINING SPECIALISTS IN THE INFORMATION SECURITY SPHERE <b>E.Yu. Ladonina, N.A. Sytina</b> .....	102
PERSUASIVE COMPONENT OF THE METAPHORICAL MODEL “NATURE IS ART” IN ECOLOGICAL DISCOURSE: PRAGMA-COGNITIVE ASPECT <b>K.A. Pavlova</b> .....	114

---

EXPRESSION OF FEMALE IDENTITY THROUGH VERBAL MANIFESTATION (ON THE BASIS OF THE QUEEN'S GAMBIT BY W. TEVIS) <b>E.I. Vinnik</b> .....	138
STRUCTURAL AND GRAMMATICAL FEATURES OF ADJECTIVAL PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES <b>E.A. Bibik</b> .....	157
IMPLEMENTATION OF COMMUNICATIVE IMPACT IN THE ENGLISH-LANGUAGE POPULAR SCIENCE IT-DISOURSE <b>M.L. Avakova, N.B. Ayzazyan</b> .....	169
<b>PHILOSOPHICAL STUDIES</b>	
THE SOCIO-CULTURAL VALUE OF TECHNOLOGY IN THE CONTEXT OF TEMPORAL ACCELERATION AND GAMIFICATION OF REALITY <b>N.N. Pluzhnikova, A.V. Gribova</b> .....	186
CULTURAL-PSYCHOLOGICAL APPROACH TO THE STUDY OF RUSSIAN NATIONAL CHARACTER <b>M.Yu. Neronova, A.V. Neronov</b> .....	202
CHALLENGES OF MODERNITY IN RUSSIAN EDUCATION: ANALYSIS AND STRATEGIES <b>E.F. Moros</b> .....	221
THE DOCTRINE OF THE VIRGIN BIRTH IN CHRISTIANITY FROM THE PERSPECTIVE OF COMPARATIVE RELIGION: APPROACHES AND INTERPRETATIONS <b>Yu.V. Sobolev</b> .....	246

## HISTORY STUDIES

ETHNIC IDENTITY IN URBAN AND RURAL SPACES: KEY INDICATORS OF HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE (ON THE EXAMPLE OF THE ALTAI KAZAKHS) <b>A.D. Derendyaeva, D.A. Mikhalevskaya</b> .....	265
LEGISLATIVE BASIS OF NOBLE ESTATE SELF-GOVERNMENT IN TULA PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY – BEGINNING OF THE XX CENTURY <b>V.V. Kazachenko</b> .....	285
THE ACTIVITIES OF THE VLADIMIR PROVINCIAL ADMINISTRATION IN THE EDUCATIONAL SPHERE IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – BEGINNING OF THE 20TH CENTURY <b>K.O. Kudryashov</b> .....	313
<b>RULES FOR AUTHORS</b> .....	329